

1613 = 1913.

ЮБИЛЕЙНЫЙ
АЛЬБОМЪ
ВЪ ПАМЯТЬ 300-ЛѢТІА
ДОМА
РОМАНОВЫХЪ

СЪ РИСУНКАМИ ПРОФЕССОРА
В. П. ВЕРЕЩАГИНА
И СЪ ИСТОРИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ
МАГИСТРА И. В. БАЖЕНОВА

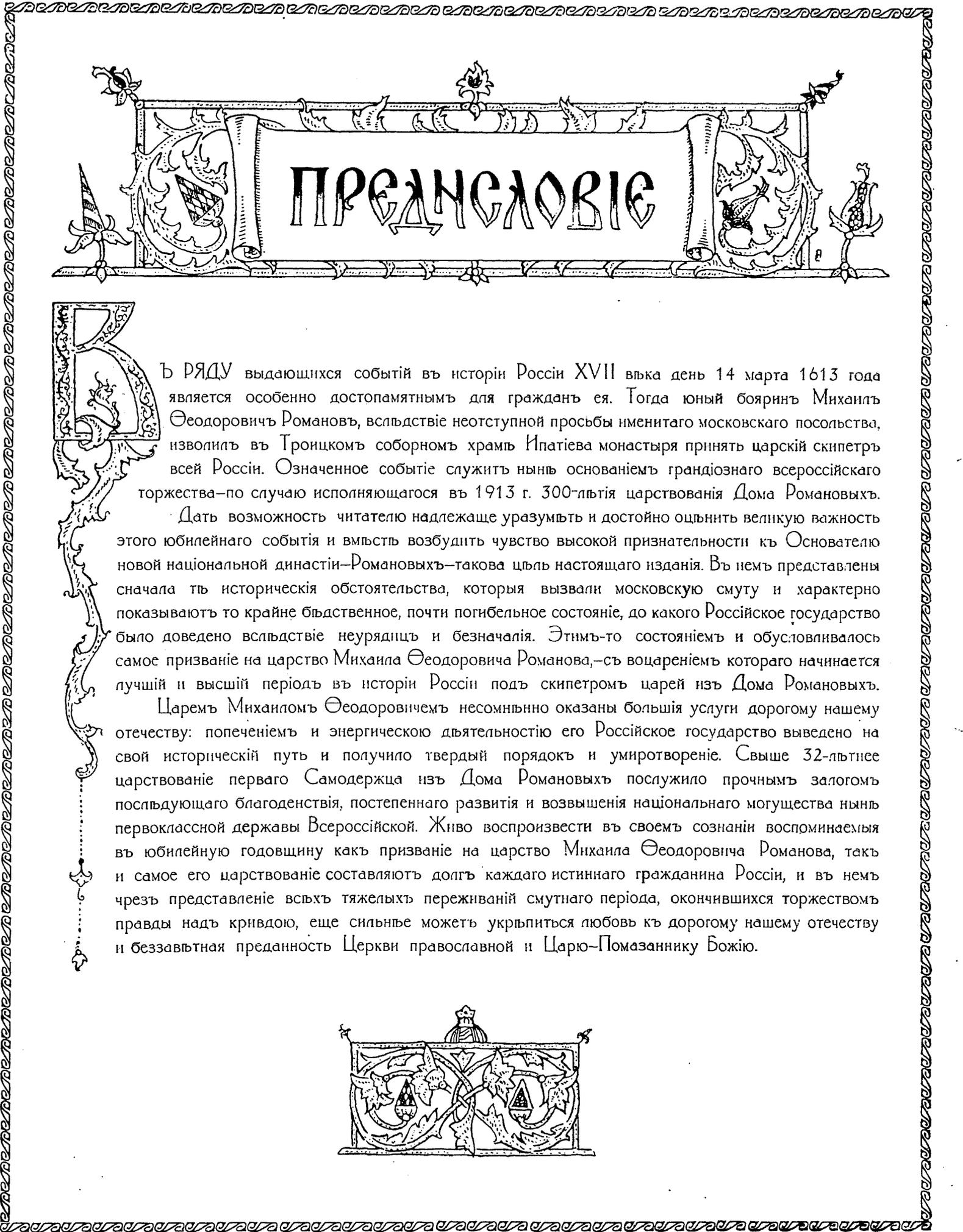
РОССИЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
Л. В. ЛЕНИНА
48811-45

2004127169

Тип. П. П. Сойкина, СПб. Стремянная, № 12

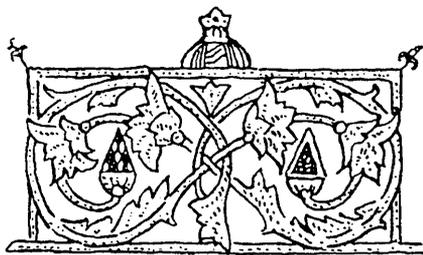

ПРЕДГЛОВОЕ

В РЯДУ выдающихся событий в истории России XVII века день 14 марта 1613 года является особенно достопамятным для гражданъ ея. Тогда юный бояринъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, въспльствие неотступной просьбы именитаго московскаго посольства, изволилъ въ Троицкомъ соборномъ храмъ Ипатіева монастыря принять царскій скипетръ всей Россіи. Означенное событіе служитъ нынѣ основаніемъ грандіознаго всероссійскаго торжества—по случаю исполняющагося въ 1913 г. 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ.

Дать возможность читателю надлежаше уразумѣть и достойно оцнить великую важность этого юбилейнаго событія и вмѣстѣ возбудить чувство высокой признательности къ Основателю новой національной династіи—Романовыхъ—такова цѣль настоящаго изданія. Въ немъ представлены сначала тѣ историческія обстоятельства, которыя вызвали московскую смуту и характерно показываютъ то крайне бѣдственное, почти погибельное состояніе, до какаго Россійское государство было доведено въспльствие неурядиць и безначалія. Этимъ-то состояніемъ и обусловливалось самое призваніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова,—съ воцареніемъ котораго начинается лучшій и высшій періодъ вѣ исторіи Россіи подъ скипетромъ царей изъ Дома Романовыхъ.

Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ несомнѣнно оказаны большія услуги дорогому нашему отечеству: попеченіемъ и энергическою дѣятельностію его Россійское государство выведено на свой историческій путь и получило твердый порядокъ и умиротвореніе. Свыше 32-лѣтнее царствованіе перваго Самодержца изъ Дома Романовыхъ послужило прочнымъ залогомъ послѣдующаго благоденствія, постепеннаго развитія и возвышенія національнаго могущества нынѣ первоклассной державы Всероссійской. Живо воспроизвести въ своемъ сознаніи воспоминаемья въ юбилейную годовщину какъ призваніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, такъ и самое его царствованіе составляютъ долгъ каждаго истиннаго гражданина Россіи, и въ немъ чрезъ представленіе всѣхъ тяжелыхъ переживаній смутнаго періода, окончившихся торжествомъ правды надъ кривдою, еще сильнѣе можетъ укрѣпиться любовь къ дорогому нашему отечеству и беззавѣтная преданность Церкви православнои и Царю—Помазаннику Божію.

Состояніе Московскаго государства въ смутное время, предъ воцареніемъ Михаила Ѳеодоровича.

О время уже великаго князя Іоанна Даниловича Калиты (1328-1340 гг.), перваго собирателя Руси, явившагося старшимъ княземъ надъ всѣми удѣльными князьями, стала обнаруживаться сильная власть въ Московскомъ государствѣ. Затѣмъ, въ великое княженіе Іоанна Васильевича III (1462-1505 гг.), была настолько полно сосредоточена въ немъ верховная власть, что положенъ конецъ удѣльному порядку. Далѣе, въ лицѣ Іоанна Васильевича Грознаго (1533-1584 гг.) проявилась во всей силѣ могучая единодержавная власть царская, покорившая Казанское и Астраханское царства и закрѣпившая за Русью отдѣлившіяся было отъ нея области новгородскую и псковскую. Несомнѣнно, великое историческое значеніе для Россіи имѣло единодержавіе и самодержавіе: только оно сообщило политическое единство раздробленнымъ русскимъ областямъ, связывало въ плотную массу племена, разсыпанныя на равнинахъ восточной Европы, давало русскому народу государственное устройство, помогшее ему выйти побѣдителемъ изъ долгой борьбы съ восточными и западными сосѣдями, поработившими было Русь удѣльно-княжескую. Послѣ Іоанна Грознаго Русь осталась сильная, крѣпкая, единая подѣ управленіемъ царя-самодержца всея Руси, однако, на непродолжительное время.

Преемникъ его—сынъ Ѳеодоръ Ивановичъ, весьма набожный, кроткій и добрый, но болѣзненный, мало занимался государственными дѣ-

лами,—а за него вершилъ дѣла въ Московскомъ государствѣ шурина, братъ его жены Ирины, «великій ближній бояринъ» Борисъ Годуновъ, дѣловитый, обладавшій большимъ умомъ и значительными административными способностями. Подѣ вліяніемъ правителя Бориса совершились два особенно важныя событія: учрежденіе патріаршества (съ 26 янв. 1589 г., первый патріархъ Товъ) и прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ (около 1590 г.). Но эти событія поставлены въ тѣнь мрачнымъ событіемъ: это насильственная смерть въ г. Угличѣ девятилѣтняго царевича Дмитрія (15 мая 1591 г.), сына Іоанна Грознаго отъ жены Маріи Нагой, каковая смерть народомъ приписана властолюбивому Борису Годунову—въ цѣляхъ его устранить законнаго претендента на царскій тронъ. Въ 1598 году, 7 января, послѣдовала кончина бездѣтнаго царя Ѳеодора Ивановича, который предъ смертію не изволилъ указать престолонаслѣдника. Съ этою кончиною прекратился царственный домъ св. равноапостольнаго князя Владиміра, основавшій русское государство, и вмѣстѣ вызваны значительныя въ немъ потрясенія, называемыя у насъ смутнымъ временемъ, которыя продолжались 15 лѣтъ, до избранія Михаила Ѳеодоровича на царство, и довели русское государство до совершенной гибели, до полнаго уничтоженія.

За отказомъ отъ трона вдовствующей царицы Ирины, вскорѣ добровольно принявшей въ Новодѣвичьемъ монастырѣ постриженіе въ инокини, съ именемъ Александры, всѣ въ Мо-

сквь, по указанію патріарха Гога, готовы были присягнуть Борису Θεодоровичу Годунову, который уже раньше состоялъ полнымъ правителемъ государства при богомольномъ Θεодорѣ Ивановичѣ и лишь не носилъ царскаго титула. Вотъ, Борисъ Θεодоровичъ (поселившійся въ Новодѣвичьемъ монастырѣ съ сестрой Ириной) земскимъ соборомъ, вмѣстѣ съ высшимъ духовенствомъ и боярами, избранъ 17 февраля на Московскій тронъ и, послѣ двукратнаго отреченія, принялъ 21 февраля царскій вѣнецъ. Борисъ, уже какъ опытный въ правленіи государствомъ, обнаруживалъ въ своихъ дѣяніяхъ великій умъ и добрыя заботы о благѣ народномъ,—однако, не приобрѣлъ симпатій въ народѣ, и во второй половинѣ семилѣтняго его царствованія, слишкомъ тяжелыми для него оказались вѣнецъ и бармы Мономаха, обогрѣнные царственною кровью Дмитрія. Смерть или прекращеніе всѣхъ представителей царскаго рода Иоанна Грознаго стала вызывать смущеніе, «смуту» въ русскихъ людяхъ. Издавна они вѣрили, что надъ царственнымъ домомъ почиваетъ особая милость Божія,—домъ этотъ, казалось имъ, не могъ пресѣчься, благодать Божія не могла изсякнуть для православной Руси. И въ народѣ стали ходить слухи, что царевичъ Дмитрій не умеръ, что его спасли отъ злоумышленія Бориса вѣрные люди и затѣмъ быстро увезли далеко отъ людей,—что онъ появится для того, чтобы по праву занять прародительскій престолъ. Этими слухами не преминули воспользоваться тѣ бояре, которые находились во враждѣ съ Борисомъ Годуновымъ и которые уже предъ избраніемъ его въ царя, въ цѣльхъ лишить народнаго благоволенія, распространили молву, что хотѣлъ Борисъ убить царевича Дмитрія, но это ему не удалось. Слухъ этотъ упорно держался въ народѣ, который со временемъ повѣрилъ ему, и подъ вліяніемъ тяжелыхъ обстоятельствъ сталъ признавать, что лишь «прирожденный», а не выборный царь угоденъ Богу. Вотъ, послѣ благополучныхъ первыхъ годовъ правленія Бориса, Россію посѣщаютъ различныя бѣдствія: съ 1601 года начался въ ней страшный неурожай, который продолжался два года подрядъ и вызвалъ сильный голодъ и затѣмъ моръ, такъ что въ теченіе двухъ лѣтъ въ одной Москвѣ погибло до 127 тысячъ человѣкъ. Стали смутно говорить въ народѣ, что эти несчастія посланы Богомъ за неповинную кровь царевича Дмитрія. Ни мудрая правительственная дѣятельность Бориса, ни облегченіе народу податей, ни щедрая благо-

творительность не привязывали къ царю Борису сердца народнаго и не успокаивали никого. При недовольствѣ и къ большому возбужденію народа—раздалась поразительная вѣсть о томъ, что въ 1603 году въ Польшу, на самой границѣ Московской Украины, въ имѣніи князя Адама Вишневецкаго объявился какой-то человѣкъ, называющій себя именемъ Дмитрія царевича. По сужденію историковъ, все это появленіе (перваго) самозванца очень ловко было подстроено изъ Москвы самими боярами, недовольными Борисомъ. Они подготовили самозванца и подослали къ Вишневецкому*), зная, что этому пограничному владѣтелю могла оказаться не безвыгодной смута въ Москвѣ. Впрочемъ, и самъ царь Борисъ въ этомъ увидѣлъ злобные замыслы бояръ и даже прямо обвинялъ ихъ въ намѣреніи прозвести смуту въ народѣ, и стало мрачно въ душѣ Бориса. Онъ сталъ чувствовать себя непрочнымъ на престолѣ и поэтому сдѣлался подозрительнымъ, недоувѣрчивымъ, всюду сталъ видѣть измѣну и открылъ рядъ гоненій на именитыхъ бояръ, которые были прежде близки къ царскому трону. Особенно же тогда пострадали бояре Романовы, родственники угасшаго царскаго рода: несправедно обвиненные въ замыслахъ противъ царя, они всѣ, по приказу Бориса, отправлены въ заточеніе въ разныя мѣста, а наиболее царственный изъ нихъ Θεодоръ Никитичъ, сынъ Никиты Романовича, брата Анастасіи Р., первой жены царя Иоанна Грознаго, постриженъ въ монахи, съ именемъ Филарета, и сосланъ въ Холмогоры, въ Сійскій Антоніевъ монастырь, супруга же его Ксенія Ивановна также пострижена въ монахини съ именемъ Марѣи, а шестилѣтній ихъ сынъ Михаилъ (будущій царь) съ его теткою и н мужемъ ея, княземъ Черкасскимъ, сосланъ на Бѣлоозеро.

Въ 1604 году самозванецъ Лжедмитрій вторгнулся въ московскіе предѣлы съ небольшимъ войскомъ, но оно стало постепенно увеличиваться всѣми недовольными Борисомъ и смутьянами, замыслившими изъ замѣшательства въ своемъ отечествѣ извлечь свои выгоды. Самозванецъ обѣщалъ въ своихъ «прелестныхъ» грамотахъ всѣмъ льготы и милости: боярамъ—«честь и повышеніе учинить» и «вотчины прибавить», дворянамъ—«въ царской милости держать», посадскимъ людямъ—«учинить

*) По сужденію Д. И. Иловайскаго, «гнѣздомъ самозванства была Польша съ домами Мишкевъ, воеводы Сендомірскаго, братьевъ Вишневецкихъ и канцлера Льва Сапѣги». («Смутное время Московск. госуд.», ст. 1—4).

ихъ во льготѣ и облегченіи». Вѣсти обо всемъ этомъ доходили съ Москвы и всѣхъ русскихъ привели въ сильное возбужденіе. Чрезвычайно взволнованный ими, царь Борисъ принималъ всяческія мѣры противъ успѣховъ самозванца: велѣлъ охранять отъ перехода польскую границу, издалъ грамоту, разоблачавшую самозванство того, кто былъ бѣглый монахъ Григорій Отрепьевъ. Патриархъ Товъ отлучилъ самозванца отъ церкви и предалъ въ храмахъ анаемѣ. Вотъ, Ажедмитрій при Добрыничахъ потерпѣлъ рѣшительное поражение отъ царскихъ войскъ подъ предводительствомъ князя Василія И. Шуйскаго, но воеводы не воспользовались этой побѣдой и дали Ажедмитрію возможность оправиться при помощи новыхъ подкрѣпленій. Между тѣмъ, въ народѣ уже утратилась вѣра въ законность царствованія Бориса Годунова; число приверженцевъ его уменьшалось, а число сторонниковъ мнимаго царевича Дмитрія постепенно возрастало. Среди глубокихъ внутреннихъ волненій личныхъ и въ столь критическое для государства время, Борисъ внезапно и какъ-то загадочно скончался послѣ объѣда, 13 апрѣля 1605 года. Внезапная смерть царя дала совершенно другой оборотъ дѣлу въ государствѣ. Въ самой кончинѣ Бориса народъ увидѣлъ проявленіе суда Божія за неповинно пролитую имъ кровь Дмитрія царевича и сталъ объяснять эту кончину въ пользу Ажедмитрія. Наконецъ, съ переходомъ главнаго воеводы Басманова на сторону самозванца, участь Годуновыхъ, въ связи съ постепенно увеличившимся волненіемъ умовъ, была рѣшена. Самозванецъ теперь безпрепятственно направлялся къ Москвѣ, посылая туда свои ласковыя грамоты одну за другой, и — подъ влияніемъ одной изъ такихъ грамотъ, прочитанной съ лобнаго мѣста, сынъ Бориса Феодоръ, взволнованный чернью, ворвавшейся во дворецъ, былъ низвергнутъ съ царскаго престола. Затѣмъ Москва отправила посольство къ самозванцу съ повинною, а юный царь Феодоръ, вмѣстѣ съ матерью Маріей, былъ убитъ приверженцами Ажедмитрія. Послѣдній сдѣлался царемъ: чернь и бояре возвели его на тронъ 20 іюня 1605 года.

Но съ пришествіемъ названнаго царя Дмитрія на царство началась въ немъ смута и потрясеніе. Новый этотъ царь обнаружилъ необыкновенную дѣятельность: каждый день присутствовалъ въ боярской думѣ, при чемъ показывалъ большую смѣтливость въ государственныхъ дѣлахъ и даръ краснорѣчія; онъ замышлялъ объ изгнаніи турокъ изъ Европы

въ Азію, о сближеніи съ европейскими государствами и о разныхъ преобразованіяхъ. Считая себя утвердившимся на Московскомъ престолѣ, Ажедмитрій вызвалъ изъ Выксунскаго монастыря (въ 500 в. отъ г. Москвы) мнимую свою мать, царицу-инокиню Марю (вдову Гоанна Грознаго), самъ торжественно встрѣтилъ ее за городомъ съ сыновними почтеніемъ и нѣжностію. При этой встрѣчѣ свиданія новаго царя съ матерью, народъ сильнѣе убѣдился въ томъ, что онъ былъ истинный царевичъ. Между тѣмъ, бояре стали не долюбливать новаго царя за то, что онъ велъ себя очень самостоятельно, властно, не такъ, какъ полагалось бы вести ставленнику боярскому, и вотъ, бояре начали распускать по г. Москвѣ слухи, что Дмитрій есть самозванецъ. Новый царь своимъ необычнымъ для русскаго народа поведеніемъ оттолкнулъ отъ себя и простой народъ, относясь съ пренебреженіемъ къ стариннымъ русскимъ обычаямъ; но болѣе всего возбудилъ онъ неудовольствіе среди духовенства своимъ неуваженіемъ къ православной вѣрѣ (не соблюдалъ постовъ) и приближеніемъ къ себѣ поляковъ, наконецъ — тѣмъ, что вѣнчался (отъ лжепатриарха Игнатія) на католическѣ Маринѣ Мнишекѣ, притомъ подъ пятницу, наканунѣ (8 мая) празднованія памяти св. Николая Чудотворца. Возбужденное всѣмъ этимъ негодованіе противъ новаго царя перешло уже въ явный ропотъ, особенно въ виду разныхъ безчинствъ и насилій, произведенныхъ въ Москвѣ высокомерными поляками, прибывшими въ свитѣ Маринѣ. Все это и выдающаяся привязанность самозванца къ полякамъ болѣе и болѣе разоблачали въ глазахъ русскихъ, что названный Дмитрій — обманщикъ, подложный царь, и вмѣстѣ наводили на него роковую грозу. При такихъ обстоятельствахъ уже нетрудно было князю Василію Шуйскому, возвращенному изъ ссылки, приготовить гибель самозванца, привлеки къ этому дѣлу массы войска, бояръ и народа, вообще падкаго до волненій. И вотъ, 17 мая 1606 года народной толпой былъ убитъ этотъ странный пришелецъ на престолѣ московскихъ царей. Такъ трагически кончился второй актъ смуты, если первымъ признать гибель Годуновыхъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, царемъ провозглашенъ въ Москвѣ престарѣлый, бездѣтный князь Василій И. Шуйскій, возведенный на престолъ только партией своихъ приверженцевъ. Избранный не всею Русью, а только Москвою, онъ въ глазахъ народа уже былъ запятнанъ ложью при Борисѣ Годуновѣ,

будто царевичъ Димитрій самъ накололся на ножъ въ припадкѣ падучей болѣзни, между тѣмъ при Ажедмитріи Шуйскій призналъ въ немъ истиннаго царевича, увѣряя, что онъ спасся бѣгствомъ въ Литву, а вмѣсто него убить похожіи на царевича. Лишившись нравственнаго довѣрія, Василій Шуйскій не обладалъ всей силой и полнотою власти, къ какой привыкъ народъ. Онъ не былъ самодержецъ, а только полу-царь, потому что далъ боярамъ въ Успенскомъ соборѣ обязательство клятвенное—не рѣшать важныхъ дѣлъ безъ ихъ согласія, не произносить смертныхъ приговоровъ, не налагать ни на кого опалы безъ вины и т. под. Такое избраніе Василя Шуйскаго на тронъ, не предвѣщало прочности его царствованію. Естественню, что смута, пустившая корни при Годуновыхъ и Ажедмитріи I, не преминула воспользоваться слабостью Василя И., и въ его личности, и въ его умаленной или ограниченной власти. Въ виду распространившихся убійцей Бориса Годунова, М. Молчановымъ слуховъ о томъ, что онъ спасшійся во время бунта, Димитрій Иоанновичъ, по распоряженію царя Василя, въ цѣляхъ разуверить народъ относительно этихъ слуховъ, духовенствомъ, 1 іюня 1606 года, съ торжествомъ перенесены изъ Углича въ Москву мощи царевича Димитрія, какъ мученика. И съ извѣстіемъ объ этомъ событіи, царь и духовенство рассыпали грамоты, однако, онъ не могли помочь царю В. Шуйскому. Едва онъ съѣлъ на московскій престолъ, замутилось опять на далекой сѣверской окраинѣ. Здѣсь всѣ стояли за старый порядокъ, бывший при самозванцѣ, такъ какъ не ждали пощады отъ новаго царя. Крѣпостные, бѣглецы холопы, вся обездоленная голытьба, недовольная своимъ положеніемъ, возстали противъ боярства и богачей.

Во главѣ этихъ недовольныхъ всталъ въ г. Путивль одинъ изъ бѣглыхъ холоповъ Иванъ Болотниковъ, къ которому «собралися боярскіе люди и крестьяне, къ нимъ пристали украинскіе посадскіе люди и стрельцы и казаки». Болотниковъ разсылалъ особыя грамоты или, по выраженію патріарха Гермогена, «воровскіе листы», въ которыхъ «вельплъ боярскимъ холопамъ побивать своихъ бояръ, сулилъ имъ вотчины и помѣстья; безымяннымъ ворами вельплъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивать и богатство ихъ грабить; звалъ ихъ къ себѣ, обѣщавъ имъ боярства, воеводства и дьячества». При первыхъ же успѣхахъ Болотникова (подъ Кромами и Коломною) надъ царскими войсками во главѣ съ Мих. Воро-

тынскимъ и Ю. Грубецкимъ сильно увеличались войска этого смутьяна. Вотъ, къ нему прибылъ съ юго-востока самозванецъ отъ казаковъ, забытыхъ правительствомъ, голодныхъ и потому озлобленныхъ,—это молодой казакъ Илья Коровинъ, присвоившій себѣ имя Петра, небывалаго сына покойнаго царя Феодора Ивановича. И эта затѣя нелпная имѣла, однако же, большой успѣхъ. Народъ видимо искалъ повсюду «прироженнаго» царя и легко поэтому довѣрялся всевозможнымъ самозванцамъ. Первымъ изъ такихъ и явился этотъ лже-Петръ. Подъ покровомъ такихъ самозванцевъ, будто бы затѣмъ, чтобы посадить на царскій тронъ, казаки стали наполнять русскія области, сначала южныя и восточныя, принося съ собою повсюду безчинства, пожары и разореніе. Къ Болотникову также присоединились скоро и дворяне приокскіе, изъ Калуги, Тулы, Рязани и другихъ городовъ. Противъ боярскаго царя Василя Шуйскаго возстали эти дворяне частью оттого, что разорялись подъ гнетомъ боярскаго насилія, частью же потому, что теперь дорога къ повышенію была закрыта тѣмъ, кто изъ нихъ былъ побогаче. Тогда же въ инородческихъ областяхъ: Перми, Вяткѣ и др. возстали крестьяне и холопы. При постепенномъ усиленіи своихъ войскъ Болотниковъ разбивалъ царскія войска и въ октябрь 1606 года подступилъ къ самой Москвѣ, при чемъ отправилъ возмутительное воззваніе къ народу. Дѣло Василя Шуйскаго, котораго не любили москвитяне, казалось сразу проиграннымъ. Но на этотъ разъ Шуйскаго спасло разногласіе въ средѣ самихъ бунтовщиковъ. Изъ предводителей мятежныхъ дружинъ Прокопій Ляпуновъ, вождь рязанскій, не желая имѣть ничего общаго съ Болотниковымъ и другими случайными соратниками, перешелъ на сторону царя Шуйскаго, и былъ съ радостью принятъ имъ и награжденъ. Царскія войска стали брать верхъ. Болотниковъ, князь Григорій Шаховской, бывший главнымъ виновникомъ всего возстанія и лже-Петръ, вынуждены были отступить и заперлись въ г. Туль. Но вскорѣ мятежники должны были сдаться царю Василю, который самъ привелъ большое войско подъ Тулу; по сдачѣ города онъ не преминулъ жестоко усмирить возстаніе. Болотниковъ былъ утопленъ, лже-Петръ повѣшенъ, а Шаховской, хотя всей крови заводчикъ, но какъ знатный бояринъ, отправленъ въ заточеніе. Шуйскій съ торжествомъ возвратился въ Москву.

Но торжество царя Василя было непродолжительно. Новая опасность для него уже на-

двигалась, когда онъ во время борьбы съ Болотниковымъ въ 1607 году еще осаждалъ Тулу. Въ Стародубь-Сверскомъ нашелся человекъ, который принялъ имя перваго самозванца—Димитрія. Этотъ новый самозванецъ служилъ просто игрушкой въ рукахъ казаковъ, поляковъ и всякихъ смутьянь-бродягъ, которые собрались подъ его знамена: совершенно не вѣря, что царикъ есть настоящій Димитрій, они смотрѣли на него, лишь какъ на орудіе для достиженія своихъ цѣлей, и онъ, въ отличіе отъ другихъ казацкихъ самозванцевъ, получилъ въ простонародьи позорное прозвище «Вора». Съ этимъ-то сбродомъ Воръ сталъ быстро подвигаться къ Москвѣ, всюду распуская молву, что онъ—царевичъ Димитрій, которому удалось спастись во время возстанія въ Москвѣ. За Воромъ шло немало польскихъ отрядовъ подъ начальствомъ пана Лисовскаго и Яна Сапѣги. Послѣ цѣлаго ряда сраженій то удачныхъ, то неудачныхъ для себя, войска самозванца, составившіяся изъ случайныхъ польскихъ шаекъ, казаковъ, запорожцевъ и донцевъ (во главѣ съ Заруцкимъ), къ концу 1608 года расположились лагеремъ уже въ 12-ти верстахъ отъ г. Москвы въ неприступномъ лагерѣ подъ с. Тушиномъ, почему и самозванецъ этотъ получилъ прозвище «Тушинскаго вора».

Тогда осажденные поляками москвичи, изъ недовольныхъ своимъ царемъ Василіемъ, стали толпами переходить въ Тушино, а отсюда опять ѣздили въ Москву, «переметывались», ища всюду только выгоды, помѣстій да вотчинъ. Весьма много значило для тушинскаго вора то, что при немъ тогда находилась Марина Миншекъ, которая, бывъ перехвачена самозванцемъ на дорогѣ въ Польшу, имѣла безстыдство признать его за перваго своего мужа. Послѣ того, многіе города, одинъ за другимъ, приняли сторону лже-царя и войска его стали еще болѣе увеличиваться. Тушинскіе воеводы поѣхали на сѣверъ, перенося сюда смуту съ ея печальными послѣдствіями—разореніями, пожарами, поруганіемъ Божіихъ церквей. Отъ Нижняго до Великаго Новгорода все волновалось, повсюду происходили стычки рыскавшихъ отрядами тушинцевъ. Въ Москвѣ развилась «шатость» въ умахъ и сердцахъ; положеніе царя Василія Шуйскаго становилось все хуже и хуже: противъ него, какъ бы избраннаго незаконно, лишь одной Москвой, безъ участія другихъ городовъ, составляли заговоры, происходили даже открытыя возстанія недовольныхъ москвитянъ.

Въ такое шаткое и ненадежное для царя Василія время, твердыми опорами его являлись патріархъ Гермогенъ, племянникъ царя, молодой но доблестный князь Михаилъ В. Скопинъ-Шуйскій и обитель преп. Сергія—Троицкая лавра. Гермогенъ горячо поддерживалъ царя и колебавшихся удерживалъ отъ присоединенія къ тушинскому вору. Когда по возбужденію З. Ляпунова, мятежная толпа на Лобномъ мѣстѣ (близъ Успенскаго собора) стала требовать, чтобы патріархъ принялъ участіе въ низложеніи Василія Ивановича съ престола, патріархъ увѣщевалъ бунтовщиковъ и, между прочимъ, сказалъ: «до сего времени ни Тверь, ни Новгородъ, ни Псковъ, ни Казань, ни Астрахань и никакіе другіе города Москвѣ не указывали, а Москва всѣмъ имъ указывала: госудать царь и великій князь Василій Ивановичъ избранъ и поставленъ Богомъ, всѣми русскими властями и московскими боярами!»—и патріархъ не благословилъ крамольнаго дѣла. Послѣ того мятежники, не находя ни въ комъ поддержки, бѣжали въ Тушино. Окруженный со всѣхъ сторонъ врагами, обезсиленный, не надѣясь на помощь своихъ подданныхъ, царь Василій рѣшился призвать въ помощь шведовъ. Князь Михаилъ В. Шуйскій посланъ былъ царемъ на сѣверъ, чтобы отвлечь тамошніе города отъ самозванца, и заключить союзъ съ шведскимъ королемъ Карломъ IX, ради помощи противъ смутьяновъ и поляковъ, которые поддерживали самозванца и, въ то же время, были во враждѣ со шведами. Между тѣмъ тушинскіе воеводы, Лисовскій и Сапѣга съ 30 тысячнымъ отрядомъ осадили Троице-Сергіевъ монастырь. Въ теченіе 16 мѣсяцевъ Лавра мужественно выдерживала осаду. Ужасные приступы непріятеля и отважныя дѣйствія его не могли поколебать твердыхъ защитниковъ своей святыни и блага государства. Выдерживая осаду сами, они продолжали содѣйствовать успѣхамъ законнаго царя. Двадцать тысячъ рублей было переслано ими во время осады на помощь В. Шуйскому. Лавра отклоняла усилія непріятелей государства, удерживая подъ стѣнами своими Сапѣгу и тѣмъ разстраивая многіе планы ихъ.—По заключеніи союза, подкрѣпленный пятитысячнымъ отрядомъ шведскаго войска подъ начальствомъ Делагарди, Скопинъ-Шуйскій двинулся на помощь къ Москвѣ, очищая города отъ тушинцевъ, которымъ нанесъ пораженіе подъ Тверью, а подъ Калязинымъ монастыремъ—Сапѣгу, который уже ранѣе снялъ съ Троице-Сергіевой лавры свою долговременную и безуспѣшную осаду. Тогда

положеніе тушинскаго вора сдѣлалось еще болѣе опаснымъ, потому что противъ него надвинулась гроза еще съ другой стороны. Польскій король Сигизмундъ III, раздраженный союзомъ царя Василія Ивановича съ шведскимъ королемъ (у котораго Сигизмундъ оспаривалъ право на престолъ), желая воспользоваться бѣдственнымъ состояніемъ Россіи, самъ выступилъ въ походъ противъ Россіи—подъ предлогомъ отмщенія за смерть своихъ подданныхъ, погибшихъ съ первымъ самозванцемъ, и съ большимъ войскомъ (въ 12 тысячъ) двинулся въ сентябрь 1609 года на Смоленскъ, который уже былъ осажденъ Сапегою. Тогда многіе изъ поляковъ, служившихъ самозванцу, оставили его по требованію Сигизмунда для подкрѣпленія его недостаточныхъ наличныхъ силъ, и въ тушинскомъ лагерь начался волненіе, вслѣдствіе чего самозванецъ, изъ опасенія быть выданнымъ королю, бѣжалъ въ Калугу. Тушинскій лагерь опустѣлъ и гетманомъ Рожинскимъ сожженъ; тогда Москва безъ битвы освободилась отъ тушинскаго вора, и Скопинъ-Шуйскій безпрепятственно вступилъ въ нее, къ великой радости жителей, въ надеждѣ, что смута и польское нашествіе потерпятъ совершенное крушеніе, а Россія вступить на путь спокойствія и независимости, по крайней мѣрѣ, подъ властью Скопина-Шуйскаго, въ которомъ всѣ хотѣли видѣть будущаго царя по смерти стараго бездѣтнаго дяди. Но любимецъ народа кн. Скопинъ неожиданно умеръ въ Москвѣ, какъ говорили, отравленный на пиру виномъ, поданнымъ отъ жены брата царя—Димитрія Шуйскаго, разсчитывавшаго сдѣлаться преемникомъ Василія на царствѣ. По смерти М. Скопина, въ Москвѣ опять открылись волненія противъ царя, на котораго народъ сталъ слагать вину смерти Скопина. Сигизмундъ, между тѣмъ, пользуясь народнымъ волненіемъ, послалъ въ Москву гетмана Жолкевскаго съ повелѣніемъ покорить ее. Московское войско, отправленное противъ поляковъ подъ предводительствомъ Димитрія Шуйскаго, было разбито при Клушинѣ ихъ гетманомъ Жолкевскимъ, при чемъ шведы измѣнили, и гетманъ продолжалъ путь къ Москвѣ. Въ это время и самозванецъ успѣлъ собрать себѣ приверженцевъ и поспѣшилъ туда же. Услышавши о такихъ несчастныхъ обстоятельствахъ, москвичи окончательно заволновались. Народъ, по наущенію Ляпунова, Голицына, Хомутова и другихъ бояръ, потребовалъ сверженія царя Василія Ивановича, потому что самъ царь и родъ его—несчастливы.

Царь, несмотря на защиту патріарха Гермогена предъ народнымъ собраніемъ, вынужденъ былъ, 17 іюля 1610 года, согласиться и, изъ дворца переехать въ свой боярскій дворъ на Арбатъ. Но изъ опасенія, чтобы Василій Шуйскій не могъ, благодаря приверженцамъ, возвратиться на престолъ, чрезъ два дня онъ насильно былъ постриженъ въ монахи, а затѣмъ отвезли его въ Чудовъ монастырь, царицу же оставили въ кремлевскомъ Вознесенскомъ монастырь. Потомъ Василій Шуйскій былъ отправленъ плѣнникомъ въ Польшу, гдѣ и скончался. Въ концѣ этого же года, какъ увидимъ, не стало и его безпокойнаго соперника—тушинскаго царька: его убили въ Калугѣ.

Съ половины іюля 1610 года наступило на Руси самое страшное время междуцарствія. Правленіе государствомъ перешло въ руки верховной думы изъ семи знатнѣйшихъ бояръ, во главѣ которыхъ находился князь Мстиславскій. Самое названіе народомъ этого правительства «семибоярщиной» указываетъ на то, что оно было только временное, впредь до врученія власти одному царю. Животрепещущимъ и необходимо требующимъ скорѣйшаго рѣшенія вопросамъ въ боярской думѣ, былъ вопросъ объ избраніи царя, но по этому вопросу народъ раздѣлился на нѣсколько партій. Боярская дума во главѣ съ Мстиславскимъ въ ослѣпленіи согласилась избрать царемъ польскаго царевича Владислава, и объявила о томъ всенародно, вѣроятно, имѣя въ виду тѣ грамоты, писанныя Сигизмундомъ къ духовенству и боярамъ русскимъ при самомъ вступленіи его въ Россію,—въ которыхъ онъ обѣщалъ, что сынъ его, въ случаѣ вступленія на русскій престолъ, будетъ короноваться отъ руки московскаго патріарха, соблюдать православную вѣру, произносить судъ по совѣту боярскому и патріаршему и т. под. Одинъ патріархъ Гермогенъ, которому были такъ дороги православіе и народность, догадываясь о коварныхъ замыслахъ Сигизмунда, сильно воспротивился избранію Владислава на царскій тронъ. Вѣроломство и злодѣйства поляковъ во времена Отрепьева давали основаніе патріарху и теперь опасаться за цѣлость вѣры и свободу отечества, а потому онъ убѣждалъ бояръ не жертвовать церковію для временныхъ выгодъ, соединенныхъ, повидимому, съ воцареніемъ королевича Владислава. Проникнутой чувствомъ истиннаго патріотизма, Гермогенъ говорилъ въ думѣ: «нынѣ чего еще чае отъ поляковъ вы, токмо конечнаго разоренія царству, христіанству и православной вѣрѣ,

или невозможно намъ избрать на царство изъ князей русскихъ? Имья на своей сторонѣ многихъ, сочувствовавшихъ избранію новаго царя изъ русскихъ знатныхъ родовъ, патріархъ предлагалъ кандидатовъ на занятіе престола—или 14-лѣтняго Михаила Романова, сына ростовскаго митрополита Филарета (Никитича), или же князя Василія Голицына. Но подѣ стѣнами Москвы въ то время стояли войска гетмана Жолкевскаго, а неподалеку отъ Москвы, въ Коломнѣ находился Лжедмитрій, которому желали отдать власть чернь и Захарь Ляпуновъ; и Жолкевскій и Ляпуновъ предлагали москвичамъ готовыхъ отъ себя царей. Но тушинскій воръ съ своими бродягами и бродяжными боярами былъ ненавистенъ боярамъ думскимъ. Опасаясь, чтобы приверженцы Вора не впустили его тайно въ Москву, бояре и народъ рѣшили признать Владислава царемъ, но съ условіемъ, чтобы онъ, еще до прибытія въ Москву, принялъ православіе и, чтобы власть его была ограничена боярскою думою. Предложенныя боярами условія избранія Владислава царемъ были приняты Жолкевскимъ; только то, чтобы Владиславъ принялъ православіе до прибытія въ Москву, отдали на рѣшеніе королю Сигизмунду. Тогда Жолкевскій отозвалъ поляковъ отъ самозванца и послѣдній ушелъ снова въ Калугу. Патріархъ Гермогенъ, однако же, продолжалъ въ своемъ обращеніи къ народу настаивать на избраніи царя изъ именитыхъ бояръ православной Руси. Ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ также открыто съ лобнаго мѣста говорилъ народу: «не прельщайтесь: мнѣ подлинно извѣстно королевское злое умышленіе надъ московскимъ государствомъ: хочетъ онъ съ сыномъ завладѣть и истинную христіанскую вѣру разорить, а свою латинскую утвердить». Но всѣ увѣщанія того и другого святителя не подѣйствовали. Усиленная просьба патріарха Гермогена и ростовскаго митрополита Филарета,—избрать царя изъ русскихъ, окончательно отстранена.

Крайне обиженный невниманіемъ къ своей правой и усиленной просьбѣ, патріархъ, однако же, принялъ дѣятельное участіе въ предполагаемомъ думою избраніи королевича Владислава, чтобы, по крайней мѣрѣ, устранить гибельныя послѣдствія, отстоять неприкосновенность св. вѣры и возможную независимость отечества. Не разъ и не два онъ давалъ отвѣтъ въ родѣ этого: «О, людіе московскіи! пождите, дабы не вскорѣ предатися» чрезъ избраніе царя. Увидѣвши наконецъ, что дальнѣйшее замедленіе относительно избранія царя можетъ

тяжело отозваться на положеніи изстрадавшагося государства, Гермогенъ согласился съ боярами присягнуть королевичу Владиславу лишь подѣ условіемъ. «аще буде креститься (Владиславъ) и будетъ въ православной христіанской вѣрѣ, то я васъ благословляю, а аще буде не креститься, то нарушеніе будетъ во всемъ московскомъ государствѣ православной христіанской вѣрѣ и, да не будетъ на васъ наше благословеніе». Благодаря такому энергичному требованію патріарха, бояре рѣшились также настаивать, чтобы первымъ условіемъ избранія Владислава русскимъ царемъ было поставлено принятіе имъ православія. Начавшіеся по этому случаю переговоры бояръ съ гетманомъ Жолкевскимъ, послѣ нѣсколькихъ сѣздовъ, окончились 17 августа 1610 года. По окончаніи ихъ была со всевозможною предсудительностью составлена объ избраніи Владислава грамота отъ лица патріарха и всего священнаго собора російскаго, съ одной стороны, и отъ лица гетмана и всей Польши, съ другой. По утвержденіи переговоровъ, патріархъ Гермогенъ для успокоенія народа рѣшился 27 августа присягнуть новоизбранному царю,—но прежде всего потребовалъ отъ Жолкевскаго торжественной клятвы за короля Сигизмунда, королевича, за себя и войска въ точномъ исполненіи условій договора относительно избранія Владислава русскимъ царемъ. Затѣмъ жители столицы цѣловали крестъ королевичу въ присутствіи патріарха и другихъ епископовъ. При этомъ торжествѣ прежніе враги Москвы и москвичи радостно обнимались, уже какъ бы подданные Владислава.

Но уже чрезъ два дня послѣ этой присяги обнаружилось нарушеніе условій, подтвержденныхъ ею. Король Сигизмундъ, отецъ Владислава, прислалъ посла къ гетману Жолкевскому съ требованіемъ—упрочить царство русское за нимъ самимъ. Патріархъ Гермогенъ не могъ вскорѣ знать объ этомъ и потому, вмѣстѣ съ гетманомъ и думою боярскою, согласно сдѣланнымъ условіямъ, спѣшилъ отправить пословъ къ Сигизмунду,—каковыми онъ и бояре, отъ лица земли русской, избрали вполне надежныхъ лицъ—ростовскаго митрополита Филарета, новоспасскаго архимандрита Евѣмїя, келаря Сергіевой лавры Авраамія Палицына, игумена Тону, вознесенскаго протопопа Кирилла, князя В. Голицына и другихъ важныхъ особъ, и вручили имъ наказъ. Въ послѣднемъ сказано все, что нужно было тогда для государства, такъ что, если-бы наказъ былъ выполненъ, государство російское ничего не по-

теряло бы. На случай сильного сопротивления со стороны поляков, или в случае несогласия королевича на какую-либо статью, посламъ позволено было нѣсколько умѣрить свои требованія; но уступки никакъ не должны были касаться самой сущности дѣла, изложеннаго въ какой-нибудь изъ статей: въ такомъ случаѣ посламъ приказано настаивать на скорѣйшемъ прїѣздѣ Владислава въ Москву для личныхъ переговоровъ. При этомъ наказъ Гермогенъ счелъ нужнымъ еще отъ себя послать двѣ грамоты. Въ первой грамотѣ—къ королю Сигизмунду, онъ, отъ своего лица, просилъ его, согласно желанію всей Россіи,—отпустить сына Владислава на московское государство, а во второй грамотѣ—къ самому королевичу, патріархъ, изобразивши величіе Россіи, увѣщевалъ новоизбраннаго царя непременно принять православную вѣру въ Смоленскъ отъ ростовскаго митрополита Филарета и смоленскаго епископа Сергія и, уже православнымъ, прїѣхать въ Москву, при чемъ Гермогенъ предупреждалъ, чтобы, состоя на московскомъ престолѣ, Владиславъ благословенія отъ папы не просилъ и, вообще не имѣлъ съ нимъ никакихъ сношеній по дѣлу вѣры. Напутствованные послы молебна въ Успенскомъ соборѣ наставленіями и благословеніями патріарха, послы русскіе 11 сентября 1610 года выѣхали къ Смоленску.

Едва уѣхало туда посольство московское, Жолкевскій началъ склонять бояръ впустить въ столицу поляковъ, какъ доброжелателей, чтобы тѣмъ предотвратить пагубное намѣреніе черни, будто бы готовой призвать самозванца въ Москву. Предугадывая коварныя шельм гетмана, патріархъ Гермогенъ всенародно и предъ боярами всячески старался разоблачить тайны предстоящаго обмана, и указывалъ на гибельныя послѣдствія вступленія поляковъ въ столицу—полное обладаніе ею и затѣмъ разграбленіе государственныхъ имуществъ. Но осторожнаго старца-святителя не слушали московскіе бояре и даже оскорбили, совѣтуя ему смотрѣть лишь за церковь и въ мірскія дѣла не вмѣшиваться, ибо духовенство прежде будто бы никогда не завѣдывало дѣлами государства. Несмотря на всѣ предостереженія Гермогена, дума боярская, 25 сентября 1610 года, рѣшила впустить поляковъ въ Москву. Быстро занявши всѣ укрѣпленія въ ней и, овладѣвши всѣми воинскими снарядами, поляки сначала вели себя сдержанно и чинно, но по отъѣздѣ гетмана Жолкевскаго къ Сигизмунду стали совершать многія насилія и даже оскорбляли русскую святыню, такъ что новый начальникъ

ихъ, Гонсьевскій признанъ нужнымъ обузывать ихъ своеволіе. Тогда же изъ другихъ городовъ долетали до Москвы тяжелыя вѣсти въ родѣ слѣдующихъ: «люди литовскіе сожигаютъ селенія, опустошаютъ цѣлыя уѣзды, мучатъ, жгутъ, бьютъ и ведутъ въ плѣнъ людей русскіхъ». Въ то же время доходили неприятныя слухи о Сигизмундѣ, относительно котораго уже оправдывались опасенія мудраго, пронцательнаго Гермогена. Сигизмундъ и гетманъ оказались вѣроломными, клятвопреступниками. Тогда, какъ послы 7 октября прїѣхали къ королю подъ Смоленскомъ, они не нашли ничего утѣшительнаго: имъ давали неопредѣленные отвѣты и наконецъ прямо объявили, что въ крещеніи и женитьбѣ Владислава воленъ Богъ и самъ королевичъ, что король дастъ имъ сына въ царя съ согласія польскаго сейма, между тѣмъ онъ требовалъ сдачи Смоленска, продолжалъ настаивать на своемъ,—чтобы русское царство было за нимъ самимъ, и даже прямо сказалъ: «не бывать королевичу на московскомъ государствѣ». Сигизмундъ теперь даже отъ своего имени, какъ бы уже государь московскій, сталъ присылать въ Москву указы. Тогда Москва, за нею же и вся Русь, начали убѣждаться, что поляки—не избавители ея отъ внутреннихъ безпорядковъ, а личные враги, не уважающіе правъ государственныхъ, и что подчиненіе себя иновѣрнымъ можетъ принести сильный вредъ ея православію. И вотъ, народъ московскій пришелъ къ патріарху, «повѣдующе погибель свою» отъ поляковъ, и просилъ его помощи и содѣйствія. Гермогенъ, воодушевляемый любовью къ отечеству, сначала сталъ убѣждать самихъ поляковъ оставить Москву, устрашая, ихъ готовымъ вспыхнуть, поголовнымъ возстаніемъ москвичей противъ нихъ, за претерпѣваемыя великія обиды и насилія. Когда поляки не убоялись этой угрозы, патріархъ обратился къ самимъ обиженнымъ, причемъ прїобрѣлъ себѣ самаго дѣятельнаго сотрудника въ рязанскомъ воеводѣ Прокопѣи Ляпуновѣ. Оба они рассылали отъ себя грамоты въ разные города, убѣдительно прося жителей возстать за св. православную церковь, вѣру, и совокупными силами прогнать поляковъ. Повсюду, по монастырямъ и церквамъ, областное духовенство стало служить молебны, прося божественнаго содѣйствія въ предпринимаемомъ великомъ дѣлѣ. Разъединенныя досель области теперь начали пересылать другъ къ другу грамоты и, переписавшись между собой, давали прїягу—«стоять за московское государство, ко-

ролю и королевичу польскому креста не шлювати... на польскихъ и на литовскихъ людей стояти за одно»...

Между тѣмъ Сигизмундъ, щедро награждая бояръ и особенно усердныхъ приверженцевъ—М. Салтыкова и Мосальскаго, тѣмъ думалъ подготовить для себя сильную партію въ столицѣ. 30 ноября 1610 года приверженцы короля даже дерзнули придти къ патриарху Гермогену съ просьбою—благословить народъ на присягу самому королю Сигизмунду на томъ будто бы основаніи, что присяга Владиславу оказалась неудачною. Предвидя, какая великая опасность угрожаетъ Россіи и православной вѣрѣ отъ Сигизмунда, который до фанатизма былъ преданъ католицизму, патриархъ Гермогенъ сильными увещаніями отклонялъ этихъ крамольниковъ отъ необдуманнаго и опаснаго поступка. Вскорѣ же эти бояре во главѣ съ Мстиславскимъ составили грамоту къ московскимъ посламъ подъ Смоленскомъ въ томъ смыслѣ, что имъ слѣдуетъ во всемъ положиться на волю короля Сигизмунда и уступить его требованіямъ. Когда эта грамота была предложена 6 декабря 1610 года патриарху для подписи, онъ спокойно и съ твердостью духа далъ рѣшительный отвѣтъ: «пусть король дастъ сына своего на московское государство и выведетъ своихъ людей изъ Москвы, а королевичъ пусть крестится въ православную христіанскую вѣру; если вы напишете такое письмо, то я къ нему руку свою приложу; а чтобъ такъ писать, чтобы намъ всѣмъ положиться на королевскую волю—этого я никогда не сдѣлаю и другимъ не приказываю такъ дѣлать; если же меня не слушаете, то я наложу на васъ клятву и заповѣдаю всѣмъ подъ московское государство идти и помереть всѣмъ за православную христіанскую вѣру». Тогда, самый отчаянный изъ мятежниковъ, Салтыковъ началъ позорить и ругать Гермогена, и въ ярости даже вытащилъ ножъ съ цѣлю поразить патриарха. Послѣдній, не потерявши присутствія духа, ножу противопоставилъ крестное знаменіе; осѣняя имъ Салтыкова, онъ громко сказалъ: «не боюсь твоего ножа! крестное знаменіе да будетъ противъ твоего окаяннаго ножа, да буди ты проклятъ отъ нашего смиренья и въ семь вѣщъ и въ будущемъ». Бояре такъ и ушли съ не подписанной грамотой и послѣднюю, за отсутствіемъ его подписи, послы московскіе признали незаконной. На другой день Гермогенъ, созвавши народъ въ соборномъ храмѣ, еще разъ увещевалъ православныхъ не пре-

льшаться гибельными для отечества и вѣры предложеніями изменниковъ. Высокій примѣръ самоотверженія и непоколебимости святителя воодушевилъ лучшихъ русскихъ людей. Послушная паства теперь торжественно отказалась шлювать крестъ королю Сигизмунду, несмотря на стоявшія у собора толпы вооруженныхъ поляковъ. Послѣ этого иновѣрные стали сильно опасаться стойкаго маститаго патриарха, окружили его стражей и затрудняли доступъ къ нему истинно-русскихъ людей.

Но вотъ, въ самомъ концѣ того же 1610 года, прибыла въ Москву счастливая вѣсть о гибели тушинскаго самозванца. У короля Сигизмунда и его приверженцевъ теперь не стало повода требовать дальнѣйшаго движенія въ русскія области. Вмѣстѣ съ тѣмъ, россияне, ранѣе согласившіеся признать царемъ Владислава, лишь изъ опасенія быть побѣжденными самозванцемъ, могли съ большею свободою дѣйствовать противъ поляковъ. Въ глубокой радости православные теперь стремились соединиться своими силами противъ всѣхъ литовскихъ людей и даже шлювали крестъ, чтобы изгнать ихъ изъ московскаго государства. Убѣдившись въ единомысліи добрыхъ гражданъ, патриархъ Гермогенъ, котораго поляки, изъ опасенія большей народной вражды къ себѣ, уже освободили изъ подъ стражи, созвалъ весь православный народъ и торжественно объявилъ: «если королевичъ не крестится въ православную вѣру и всѣ литовскіе люди не выйдутъ изъ московской земли,—королевичъ намъ не государь!» То же самое онъ излагать въ своихъ грамотахъ, которыя разсылать въ Новгородъ, Псковъ, Вологду, Нижній, Казань и другіе города. Изобразивши въ нихъ всѣ козни и затаенныя злыя намѣренія поляковъ, Гермогенъ разрѣшилъ всѣхъ отъ данной присяги польскому королевичу и возбуждалъ вѣрныхъ россиянъ твердо вооружиться противъ иноплемениковъ для независимости отечества и торжества православной вѣры. Только теперь, во все это «безгосударное» время, слово патриарха, какъ первѣйшаго лица въ государствѣ, получило всю свою силу въ глазахъ народа. Переходя быстро изъ города въ городъ, воззванія Гермогена возбуждали великое воодушевленіе и единодушіе въ православныхъ. Вскорѣ почти вся Россія закипѣла возстаніемъ, увѣренная, что «патриархъ приказалъ», «святѣйшій Гермогенъ благословилъ» это благое дѣло. Взоры всей Россіи теперь были обращены къ нему—Гермогену, и отъ него ожидали избавленія отечества отъ иноземнаго ига.

Въ то время, какъ Гермогенъ мужественно и усердно боролся съ приверженцами Сигизмунда, посоль московскій, Филаретъ, митрополитъ ростовскій и Сергій смоленскій архіепископъ ревностно противостояли самому королю Сигизмунду. Посль того, какъ послѣдній успѣлъ приобрести себѣ приверженцевъ въ Москвѣ, ему оставалось получить согласіе московскихъ пословъ на свои требованія и завоевать Смоленскъ; послѣ чего ему открывался прямой путь къ русскому престолу. Но митрополитъ Филаретъ и, Голицынъ и прочіе послы, бывъ нѣсколько разъ призваны на совѣтъ, несмотря на угрозы и притѣсненія, никакъ не могли согласиться съ требованіями Сигизмунда, не уступали ему на томъ основаніи, что не хотѣли быть нарушителями повелѣній своей законной власти и, главнымъ образомъ, потому, что видѣли въ требованіяхъ короля — «ущербъ православной христіанской вѣрѣ». Получивши отъ думы боярской грамоты съ извѣстными уже повелѣніями, не подписанными однако же Гермогеномъ, Филаретъ далъ такой отвѣтъ: «видимъ сіи грамоты за руками боярскими, а отца нашего патріарха Гермогена руки нѣтъ... и буде на такую королевскую власть клясться, что королю крестъ цѣловать и литовскимъ людямъ быть въ Москвѣ, того у насъ и въ умѣ нѣтъ, ради бо пострадать и помереть за православную вѣру». Когда же послы, уступая навязчивому требованію Сигизмунда, согласились наконецъ впустить нѣсколько поляковъ въ Смоленскъ, тамошніе архіепископъ Сергій и воевода Шеннъ не согласились на это. Двадцать мѣсяцевъ продолжалась польская осада г. Смоленска. Уже съѣстные и военные запасы, равно и силы истощались, но святитель Сергій продолжалъ воодушевлять свою паству до самой послѣдней минуты. Смольняне сдались не сами собою, а лишь вынужденные крайнею необходимостью.

Между тѣмъ, какъ длилась осада Смоленска и послы продолжали отстаивать права своего отечества, великое предпріятіе доблестнаго патріарха постепенно, но быстро подвигалось далѣе и далѣе. Двѣдцатый его сотрудникъ П. Ляпуновъ первымъ по зову Гермогена поднялъ знамя возстанія на защиту отечества, явившись со своей дружиной къ Москвѣ. Подъ его предводительствомъ составилось ополченіе двадцати пяти городовъ; къ нему цѣлыми отрядами стали переходить казаки, служившіе тушинскому вору, и даже служившіе дотолъ въ войскахъ Сигизмунда бояре русскіе. Почти три мѣсяца собиравсь опол-

ченія народныя и одновременно, въ мартѣ 1611 года, выступили къ столицѣ для изгнанія изменниковъ. Единодушное возстаніе русскихъ и движеніе ихъ полчищъ къ Москвѣ сильно встревожили поляковъ и приверженцевъ короля Сигизмунда. Тогда главные кремольники снова всячески пытались склонить патріарха Гермогена на свою сторону, безуспѣшно употребляя золото и ласки, или же угрожая ему безчестіемъ и страшными мученіями, и затѣмъ къ патріарху, какъ бы къ главному заговорщику, приставили воинскую стражу. Во вторникъ страстной недѣли, 19 марта 1611 года, вслѣдствіе столкновенія королевскихъ войскъ съ жителями вспыхнулъ въ столицѣ мятежъ. Открылась ужасная двухдневная рѣзня, и, несмотря на мужественное сопротивленіе Пожарскаго и Ляпунова, поляки превозмогли. Три дня отъ рукъ поляковъ пылала Москва, кромѣ Кремля и Китай-города, гдѣ они подъ начальствомъ Гонсьвскаго укрылись отъ огня. Жители Москвы въ панникъ разбѣжались. Въ это время преданные Сигизмунду бояре, съ торжествомъ возвратившись въ Кремль, свели Гермогена съ патріаршаго престола и 21 того же марта заточили въ Чудовъ монастырь, а потомъ въ Кирилловское полворье, между тѣмъ тотчасъ же возвращень былъ на патріаршество извѣстный угодникъ Отрепьева-Игнатій. Съ тѣхъ поръ русское ополченіе продолжало стоять подъ Москвою и вело ожесточенную драку съ поляками, и рѣдкій день проходилъ безъ боя. Положеніе осажденныхъ поляковъ въ Кремль стало довольно крайнее: число ихъ постепенно уменьшалось. Теперь-то Салтыковъ и Гонсьвскій не разъ пытались и съ угрозами голодной смерти склонить изнуреннаго въ заключеніи патріарха Гермогена къ тому, чтобы онъ отклонилъ возстаніе городовъ на защиту Москвы и пребываніе въ ней ратныхъ людей. Но тщетны были ихъ уговоры и различныя устрашенія.

Вмѣстѣ съ заточеніемъ неустрашимаго патріарха, къ сожалѣнію русскихъ патріотовъ, составленное имъ ополченіе разрознилось изъ-за вражды главныхъ его предводителей—Ляпунова, Трубецкаго и атамана Заруцкаго, вслѣдствіе которой Ляпуновъ погибъ отъ руки послѣдняго, и тогда казаки опять стали бунтовать. Разсорившись съ предводителями ополченія, Заруцкій задумалъ о своемъ первенствѣ въ московскомъ государствѣ и для достиженія своей цѣли отыскалъ новаго самозванца въ лицѣ сына Марины отъ Ажеди-

митрія II, намъреваясь возвыситься съ воцареніемъ его. Казань и Вятка уже признали самозванца своимъ царемъ. Въ виду того, что примъру ихъ могли послъдовать многія области и такимъ образомъ угрожали отечеству новыя бѣдствія, Гермогенъ поспѣшилъ тогда послать изъ мѣста своего заточенія грамоту въ Нижній-Новгородъ, въ которой предалъ проклятію новаго самозванца, увѣщевалъ и даже приказывалъ всѣмъ вѣрнымъ сынамъ Россіи—не признавать его царемъ, и въ заключеніе—напутствовалъ своимъ благословеніемъ всѣхъ защитниковъ отечества и православной вѣры. Это была уже послѣдняя грамота отъ доблестнаго патріарха. Вскорѣ злобою враговъ отечества былъ положенъ конецъ примърной ревности первосвятителя къ свободѣ, независимости его и къ сохраненію православія.

Теперь Россія находилась въ особенно бѣдственномъ положеніи,—наступила въ ней окончательная неурядица. Съ запада шель гетманъ Ходкевичъ на помощь засѣвшимъ въ Москвѣ полякамъ. Казаки не думали о защитѣ отечества: безчисленныя шайки ихъ бродили внутри самой Россіи и занимались однимъ грабежемъ и опустошеніями. Смоленскъ уже взятъ былъ Сигизмундомъ; Новгородъ, хвалившійся досель ненавистію къ полякамъ, былъ занятъ шведами. Шведскій король Густавъ-Адольфъ задумалъ возвести на новгородскій и московскій престолъ своего брата Карла-Филиппа. Во Псковѣ появился новый Лжедмитрій—какой-то бѣглый дьяконъ Исидоръ. Одновременно симбирскіе татары, черемисы, мордва и, другіе, еще недавно покоренные, обнаружили намъренье освободиться отъ господства русскихъ, и стали открыто нападать на русскихъ поселенцевъ и опустошать сосѣднія русскія земли. Въ это-то время всеобщаго истребленія и безначалія, извѣстное въ исторіи подъ названіемъ «лихолѣтья», возсталъ и успешно дѣйствовала на спасеніе отечества и на защиту вѣры православной Тронце-Сергіева лавра.

Въ тяжелыя времена русской, глубоко вѣрующей народъ, не видя нигдѣ земной помощи, искалъ исхода своихъ печалей и бѣдствій въ молитвѣ. Такъ было въ московскомъ государствѣ и въ лихолѣтье 1611 года. На Руси начались видѣнія, показывающія, какъ глубоко было религиозное чувство народа. Народъ ждалъ чего-то чудеснаго, подготовлялся по своему обычаю тяжелымъ постомъ. Такой постъ добровольно наложили на себя русскіе люди по видѣнію какого-то Григорія изъ Нижняго-Новгорода; постановили поститься три дня въ

недѣлю—не ѣсть не пить, а два дня «ѣсть сухо», т. е. не ѣсть горячаго. Но не забывали и того, что для общаго дѣла нужно постоять головами своими, и города продолжали пересылаться грамотами, укрѣплялись крестнымъ шествіемъ, призывали другъ друга на борьбу какъ съ поляками, такъ и съ казаками. Наряду съ грамотами Гермогена ходили по рукамъ и краснорѣчивыя грамоты властей Тронцкой Лавры. Видя такое страшно тяжелое положеніе русскаго народа, Тронцкія власти, въ эти мрачныя дни отчаянныхъ ужасовъ, не утисили въ себѣ надежды и вѣры въ возможность спасенія отечества, погибавшаго безвозвратно. Когда голосъ еще живого патріарха Гермогена умолкъ подъ сводами Чудова монастыря, когда палъ мертвымъ надежный защитникъ Руси—Проконій Ляпуновъ, тогда настоятель Тронцкой лавры, архимандритъ Діонисій беретъ на себя государственную задачу—призвать русскій народъ на послѣднюю вооруженную борьбу съ поляками и изменниками. Онъ посадилъ въ своихъ кельяхъ писцовъ скорыхъ переписывать грамоты, въ которыхъ именемъ Пресв. Тронцы и преп. Сергія призывалъ всѣхъ русскихъ людей на подвигъ спасенія столицы и всего отечества и вѣры отъ иновѣрнаго ига поляковъ, умолялъ служилыхъ и всѣхъ прочіихъ людей быть въ соединеніи и сообща стать противъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Монахи на коняхъ развозили трогательныя грамоты св. обители: онъ всюду съ горячимъ и глубокимъ сочувствіемъ читались въ храмахъ и поникнувшій духъ народа поднимали на святое дѣло борьбы за вѣру православную и дорогое отечество.

Вотъ и патріархъ Гермогенъ въ своемъ заключеніи, послѣ побѣды пана Сапъги 5 августа 1611 года надъ казаками, державшими въ осадѣ московскій кремль, получилъ возможность дать проникшему къ нему въ темницу Родіону Мосъеву изъ московскихъ патриотовъ грамоту къ нижегородскому «миру». Грамота бережно доставлена въ Нижній 25 августа и затѣмъ была распространена по другимъ городамъ. Въ ней, показавши земщину въ истинномъ свѣтѣ поведеніе казаковъ, особенно преступное покушеніе ихъ поставить на царство тушинскаго воренка—Лжедмитрія II, поставить къ власти Маринку (Мнишекъ) съ ея сыномъ, Гермогенъ съ горячимъ воодушевленіемъ приглашалъ города, крѣпко стоять въ вѣрѣ православной, сплотиться на борьбу съ казацкой затѣй, клонившейся къ возобновленію самозванщины, и вмѣстѣ для борьбы съ польскою

властью. Послушные патриаршему слову, города давали другъ другу обѣщаніе: не признавать казачьяго царя и «противу его стояти единодушно». Съ другой стороны, Троицкими властями 6 октября вновь посланы въ города грамоты съ извѣщеніемъ жителей о томъ, что къ Москвѣ еще прибыли польскія войска, съ цѣлью отогнать отсюда ратныхъ людей, стоявшихъ за православную вѣру, столицу и отечество, почему жители всѣхъ городовъ призывались придти на помощь ратными людьми, на соединеніе съ московскими воинскими людьми, державшими въ осаду враговъ. Эти грамоты, особенно же патриарха Гермогена, производили сильное дѣйствіе на жителей городовъ: общій духъ патриотизма и горячей вѣры воодушевлялъ гражданъ на великіе подвиги спасенія погибавшаго отечества.

Патриотическое воодушевленіе и затѣмъ ополченское движеніе проявилось прежде всего въ Нижнемъ Новгородѣ. Здѣсь выступилъ нижегородскій гражданинъ, земскій староста, по ремеслу мясоторговецъ, Кузьма Захарьевичъ Мининъ, по прозванію Сухоруковъ. Получивши вѣсти изъ-подъ Москвы о томъ, что казаки, по интригамъ, служившихъ тушинскому вору, князя Трубецкого и Заруцкого, коварно 25 іюля того же года убили П. Ляпунова, рязанскаго воеводу, храбраго защитника отечества, главнаго виновника крайне стѣснительнаго для своевольныхъ казаковъ приговора отъ 30 іюня 1611 года, затѣмъ, видя, что правительственная власть съ паденіемъ земскихъ общинъ перешла въ руки казачьихъ бояръ, наконецъ, предусматривая, что съ появленіемъ именъ Марини и Воренка наступаетъ возобновленіе самозванщины, К. Мининъ пришелъ къ тому убѣжденію, что въ интересахъ общественныхъ слѣдуетъ всячески противодѣйствовать казачьимъ властямъ. Бывшее Минину, еще ранѣе появленія на воеводскомъ дворѣ Троицкой грамоты, двукратное во снѣ видѣніе преп. Сергія Радонежскаго, повелѣвшаго ему «казну собирать и воинскихъ людей надѣляти и идти на очищеніе московскаго государства»,—внушило ему смѣлость выступить съ призывомъ къ спасенію отечества и вѣры сначала «предо всѣми въ земской избѣ», что близъ церкви Николая Чудотворца «въ торгу». Здѣсь, вѣроятно, написанъ первый «приговоръ» всего града за руками» объ особомъ сборѣ «на строеніе ратныхъ людей», при чемъ постановлено жертвовать «по пожиткамъ и по промысламъ» пятую и даже третью деньгу отъ дохода,

иногда принимать эти жертвованія натурой, даже устранять займы у частныхъ лицъ, и этотъ сборъ поручено произвести всѣми уважаемому К. Минину. Затѣмъ, послѣдній собравшемуся совѣту изъ властей духовныхъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, головъ и старость передалъ, что имъ сдѣлано, какъ посадскій міръ Нижняго уже готовъ къ движенію противъ врага. Совѣтъ одобрилъ всѣ начинанія Минина; но, затѣмъ, посадскими людьми дѣло необходимо было вскорѣ же объявить и всему нижегородскому населенію; нужно было, чтобы за это дѣло взялся такой человекъ, который бы пользовался уваженіемъ всего города и особенно высшихъ классовъ его. Такимъ мужемъ былъ протопопъ Савва Евимьевъ. И вотъ, когда на слѣдующій не-праздничный день, по звону большого колокола, всѣ нижегородцы прибыли въ Спасо-Преображенскій соборъ, протопопъ Савва съ амвона прочиталъ приглашенному сюда народу грамоту Троицкихъ духовныхъ властей (вѣроятно, отъ 6 декабря), призывавшую народъ на помощь «московскому государству», и потомъ произнесъ рѣчь, въ которой сказалъ о гибели отечества отъ враговъ и призывалъ всѣхъ православныхъ постоять за чистую Христову вѣру, за всероссійскій соборъ Успенія Богородицы, за многоцѣлебныя мощи московскихъ чудотворцевъ. Народъ въ умиленіи плакалъ, готовый послѣдовать святымъ призывамъ. Когда же всѣ выходили изъ храма, народъ былъ остановленъ на площади простою, но сильною рѣчью К. Минина. «Православные!—говорилъ онъ,—если хотимъ помочь московскому государству, не пожалѣемъ ничего: дома и дворы свои продадимъ, заложимъ женъ и дѣтей, но соберемъ казну на ратныхъ людей. Станемъ бить челомъ и искать, чтобы вступился за истинную православную вѣру и сталъ бы у насъ начальникомъ. Дѣло великое совершимъ, если Богъ поможетъ. Только мы поднимемся,—другіе города пристанутъ къ намъ, и всѣ избавимся отъ враговъ!»

Воодушевленные энергичною рѣчью Минина, нижегородскіе граждане,—богатые и бѣдные, стали приносить разнообразныя и значительныя пожертвованія на городскую площадь для найма ратныхъ людей: одни отдавали все свое имущество, другіе—половину или треть его; женщины жертвовали отъ себя кольца и серьги; нищія отдавали послѣднія копейки. Тогда же рѣшено сдѣлать г. Нижній сборнымъ пунктомъ всѣхъ дружинъ. Затѣмъ, послѣ предварительныхъ между собою переговоровъ,

всвоею надъ этими дружинами былъ согласно избранъ стольникъ, князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, который хорошо былъ извѣстенъ по своей вѣрной службѣ при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ и Василии Шуйскомъ и главное по военному таланту. Когда царя Василия свели съ престола, Д. Пожарскій, какъ всѣ лучшіе люди своего времени, сталъ считать патріарха Гермогена за главу государства, и одинъ изъ первыхъ бросился подъ Москву на зовъ патріарха. Ему тогда удалось прорваться въ Москву, окопаться у Срѣтенска и долго сдерживать здѣсь поляковъ. Но многочисленныя раны, полученныя имъ въ бояхъ съ поляками и измѣнниками, заставили его отступить, и самъ онъ больной увезенъ сначала въ Троице-Сергіевъ монастырь, бывшій при архимандритѣ Діонисіи какъ бы госпиталемъ, а позднѣе—въ свою вотчину, сельцо Мугрѣево, на р. Лухъ, въ Суздальскомъ уездѣ, въ 120 верстахъ отъ Нижняго. Сюда-то къ Пожарскому, на отдыхъ оправляющемуся отъ ранъ, прибыло изъ Нижняго посольство «изъ всѣхъ чиновъ всякихъ лучшихъ людей» во главѣ съ архимандритомъ Печерскаго монастыря Ѳеодосіемъ и сыномъ боярскимъ Жданомъ—Болотинымъ. Князь Пожарскій охотно согласился на просьбы депутатовъ—быть вождемъ земскаго ополченія и посовѣтовалъ избрать особое лицо для завѣдыванія казною, при чемъ указалъ на К. З. Минина. Въ концѣ октября 1611 года, онъ прибылъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ былъ встрѣченъ съ великимъ почетомъ. Вскорѣ же начались здѣсь работы по организации общеземскаго ополченія. Первыми ратниками новаго ополченія были служилые люди литовскаго рубежа, смоляне, вязьмичи, дорогобужцы, которые послѣ того, какъ нападеніе Сигизмунда лишило ихъ земель, послѣ долгихъ скитаній оказались неподалеку отъ Нижняго; ихъ пожаловали денежнымъ жалованьемъ, по тому времени очень большимъ, отъ 30 до 50 рублей въ годъ.

Начало зимы 1611 года уходитъ на сношенія съ поволжскими городами Низа, изъ которыхъ самымъ главнымъ была, конечно, Казань. Съ этимъ городомъ прежде всѣхъ городовъ необходимо было уладить дѣла, въ виду того, что если бы воевода Казани Морозовъ, бывшій съ ополченіемъ тогда подъ Москвою и, какъ-то уживавшійся съ казаками, сталъ за казаковъ, а за нимъ и вся Казань, тогда въ тылу у Нижняго для молодого ополченія—оказался бы врагъ и весьма опасный. Вотъ чрезъ особое посольство въ Казань уже въ февраль

была обеспечена помощь ея. и тогда Пожарскій обратился къ «верховнымъ» или съвернымъ городамъ, прежде всего къ главнымъ—Вологдѣ и Ярославлю съ торжественной грамотой, призывая ихъ на подвигъ очищенія Москвы отъ польскихъ и литовскихъ людей, для прекращенія воровства и грабежей подмосковныхъ казаковъ, при чемъ предложено прислать въ Нижній деньги и ратныхъ людей, и для совѣта—выборныхъ лицъ, чтобы затѣмъ всю землю избрать новаго государя «кого намъ Богъ дастъ». Грамота кн. Пожарскаго, распространяясь по городамъ, произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на всѣхъ, желавшихъ восстановления порядка не съ казачьимъ правительствомъ, и вмѣстѣ заставила послѣднее дѣйствовать. Вскорѣ же изъ многихъ мѣстъ собрались въ Нижнемъ ратные люди и привезли съ собою «большое количество казны». Тогда городское движеніе Нижняго быстро выросло въ областное. Князь Пожарскій уже собирался пойти на Москву, но обстоятельства заставили его повернуть круче на сѣверъ и идти на Ярославль. Дѣло въ томъ, что въ январь 1612 года Пожарскаго извѣстили, что Иванъ Заруцкій, предводитель казаковъ, безнаказанно грабившихъ города, и причинявшихъ разныя насилія и убійства, послалъ изъ-подъ Москвы на г. Ярославль многихъ казаковъ и, что Андрей Просовецкій идетъ съ ратными людьми захватить Ярославль, чтобы не допустить нижегородскому ополченію соединиться съ ярославцами и ратями другихъ городовъ. Тогда нижегородскій вождь, еще прежде прибытія туда Просовецкаго и казаковъ, «наскоро» отправилъ передовой отрядъ во главѣ съ княземъ Д. П. Лопатой—Пожарскимъ, съ ратными людьми въ г. Ярославль, и послѣдній успѣлъ захватить этотъ важнѣйшій узелъ сѣверныхъ путей ранѣе, чѣмъ туда явились большія казачьи силы.

Вслѣдствіе быстро распространившихся слуховъ объ ополченіи нижегородцевъ, всполошились въ Москвѣ поляки, а подъ Москвою—казаки, уже присягнувшіе было московскому самозванцу и понимавшіе, что имъ болѣе не позволяютъ грабить и разбойничать. Тогда поляки еще разъ рѣшились испытать патріарха Гермогена просьбами и угрозами, чтобы онъ написалъ увѣщаніе ополченіямъ оставаться вѣрными королевичу Владиславу и разстроилъ ополченіе князя Пожарскаго. Но, вѣрный себѣ до послѣдней минуты, святитель мужественно произнесъ благословеніе новымъ защитникамъ отечества. Тогда московскіе измѣнники рѣшили уморить непоколебимаго патріарха и перестали

приносить ему пищу. Больше девяти мѣсяцевъ томясь въ тяжкомъ заточеніи въ подземельи Чудова монастыря, страдалецъ, величайшій изъ русскихъ патріотовъ, 17 февраля 1612 года скончался голодною смертію, «меташа бо ему не челоувѣческую пищу: на недѣлю снопъ овса и мало воды, и тако претерпѣлъ близъ годичнаго времени *). Имя патріарха Гермогена должно остаться безсмертнымъ въ исторіи Россіи и русской церкви по безцѣннымъ его заслугамъ для нихъ. Въ самыя критическія времена, когда отечеству угрожала явная опасность подпасть подъ власть Польши и папства, и потерять свою самостоятельность, онъ явился вѣрнымъ руководителемъ народа, и съ безпримѣрною ревностію и съ непоколебимымъ мужествомъ стоялъ за отечество и вѣру православную. Современники высоко цѣнили подвиги и добродѣтели первосвятителя Гермогена, называли его «твердымъ адамантомъ и непоколебимымъ столпомъ, крѣпкимъ поборникомъ по православной вѣрѣ».

За передовыми войсками къ Ярославлю двинулись во главѣ съ самими кн. Д. М. Пожарскимъ и К. З. Миннымъ и главныя силы нижегородскаго ополченія, пользуясь еще зимнимъ путемъ. Онѣ шли по правому берегу р. Волги, въ свое патріотическое движеніе вовлекая ближайшіе къ Нижнему и дальнѣйшіе города. Прежде всего, ополченцы прибыли въ г. Балахну и отъ жителей его получили вспоможеніе деньгами. Отсюда ополченіе выступило въ предѣлы нынѣшней Костромской губерніи въ г. Юрьевецъ. Здѣсь, оно было принято также съ честью, и жители города дали ему казны въ подмогу; въ Юрьевцѣ къ ополченію нижегородскому присоединились даже татары юрьевецкіе, которымъ за то назначено было жалованье. Изъ Юрьевца ополченіе передвинулось въ Рѣшму. Здѣсь, между прочимъ, узнали о появленіи новаго самозванца во Псковѣ и о томъ, что ополченіе, стоявшее подъ Москвой, шло ему крестъ. Заруцкій и Трубецкой прислали въ Рѣшму пословъ къ Пожарскому и Минну сказать: «прельстившись, шло крестъ самозванцу

*) Спустя 40 лѣтъ по кончинѣ, страдальческое тѣло священномученика обрѣтено было нетлѣннымъ, и изъ Чудова монастыря перенесено въ Успенскій соборъ въ февраль, — гдѣ съ торжествомъ было положено поверхъ помоста въ ящикъ, обитомъ фіюжетовымъ бархатомъ, подлѣ мѣднаго шатра для Ризы Господней. Во время разгрома этого собора въ 1812 году, французы, предполагая найти скрытыя въ этомъ ящикѣ сокровища, вскрыли его. По изгнаніи ихъ изъ Москвы, мощи святителя Гермогена были найдены на полу храма. Въ состояніи совершеннаго нетлѣнія онѣ почиваютъ и нынѣ въ скромной гробницѣ на правой сторонѣ Успенскаго собора.

во Псковѣ, а нынѣ опять мы все шловали крестъ, чтобы всемъ православнымъ христіанамъ быть въ единомысліи, и чтобы вы шли въ Москву безъ опасенія». Но Пожарскій и Мининъ съ недоверіемъ приняли это раскаяніе казаковъ и отпустили пословъ, сказавъ: «мы не имѣемъ никакого опасенія, но всю надежду возлагаемъ на Бога и вскорѣй прибудемъ къ Москвѣ». Изъ Рѣшмы нижегородское ополченіе прибыло въ Кинешму и здѣсь было принято съ радостію и почетомъ. Кинешемцы также дали казны въ подмогу и все ратныя изъ нихъ присоединились къ ополченію. Отсюда ополченцы нижегородскіе вмѣстѣ съ дружинами, юрьевецкой и кинешемской двинулись къ г. Костромѣ. Многие жители поспѣдняго, не желавшіе имѣть царемъ польскаго королевича Владислава, которому вслѣдъ за Москвой присягнула и Кострома, встрѣтили нижегородскую союзную рать еще въ Плесь, и здѣсь поспѣшили извѣститъ кн. Пожарскаго о томъ, что воевода ихъ Иванъ Шереметьевъ, оставаясь вѣрнымъ Владиславу, не хочетъ пустить ополченіе въ г. Кострому. Пожарскій, по совѣщаніи съ Миннымъ, рѣшился, однако же, идти къ Костромѣ, увѣренный въ томъ, что найдетъ въ городѣ многихъ себя приверженцевъ. Поставленный на воеводство московскими боярами, И. Шереметьевъ пробовалъ было не впускать въ свой городъ нижегородцевъ съ дружинами, и даже вознамѣрился отбиваться отъ нихъ силою. Прибывшіе ополченцы нижегородскіе вынуждены были остановиться вблизи посадовъ г. Костромы. Но въ противность Шереметьеву большинство обывателей этого города и ратныхъ людей вышли на встрѣчу кн. Пожарскому и Минну, просили ихъ прибыть въ городъ и обѣщали стать съ ними заодно. Вскорѣй Пожарскій и Мининъ со всемъ ополченіемъ вступили въ г. Кострому, — костромичи же яростно бросились на воеводскій дворъ, низложили Шереметьева и убили бы его, если бы не выступилъ на защиту кн. Пожарскій. Жители г. Костромы затѣмъ просили у Пожарскаго — поставить другаго воеводу, и онъ назначилъ имъ князя Романа Гагарина и дьяка Андрея Подпольсова. Когда союзное нижегородское ополченіе стало выступать въ Ярославль, костромичи, по примѣру другихъ, также въ подмогу снабдили ополченіе деньгами и ратными людьми и съ честью проводили его. Пожарскій самъ повелъ ополченіе въ г. Ярославль и пришелъ туда въ конецъ марта или въ началѣ апрѣля 1612 года, былъ принятъ съ любовію. Сюда уже изъ разныхъ поволжскихъ

городовъ стали стекаться ратные люди и съ собою привозить казну для союзнаго ополченія. Чтобы разстронть ополченіе, атаманъ Заруцкій отправилъ въ Ярославль убійць къ кн. Пожарскому. Однажды, во время осмотра здѣсь пушекъ, злодѣи подкрались къ нему въ толпѣ народа, и одинъ изъ нихъ хотѣлъ ударить князя ножемъ, но промахнулся и попалъ въ ногу своему товарищу. Тутъ подосланныхъ злодѣевъ перехватили и они во всемъ своемъ замыслѣ сознались. Посль этой неудачи, Заруцкій вмѣстѣ съ Мариной Минишкѣ и ея сыномъ удалился изъ-подъ Москвы къ Астрахани, а вмѣстѣ съ нимъ отправилась толпа самыхъ отчаянныхъ казаковъ.

Въ Ярославль Пожарскій съ ополченіемъ простоялъ съ апрѣля до августа 1612 года. По прекращеніи раздоровъ, происшедшихъ между главными предводителями ополченія, здѣсь Пожарскій и военный его совѣтъ рѣшили созвать земскій соборъ, который управлялъ бы всей страной. Въ земскій соборъ уже со временъ Тоанна Грознаго входили: все высшее духовенство, все царское правитель-ство, чины думные и чины московскіе, т. е. тѣ государевы слуги, которые или сидѣли у царя въ думѣ, или служили при подмосковномъ помѣстьи и всегда при особѣ государевой, кромѣ того, «выборные отъ городовъ и уѣздовъ, отъ дворянъ и посадскихъ». 7 апрѣля Пожарскій съ военнымъ своимъ совѣтомъ, въ количествѣ до 50 человекъ, разсылаетъ грамоты по городамъ, гдѣ говорятъ и о земскомъ соборѣ. «И по всемірному вашему совѣту,— писали они,— пожаловати бы вамъ прислати къ намъ въ Ярославль изо всякихъ чиновъ чело-вѣка по два и съ ними совѣтъ свой отпи-сати за своими руками, а прислати бы, го-спода, вамъ для земскаго совѣту къ намъ вскорѣ... Вамъ бы, помня Бога и свою пра-вославную вѣру, совѣтовать со всякими людьми общимъ совѣтомъ, какъ бы намъ въ нынѣш-нее конечное разоренье быть не безгосудар-нымъ, чтобы намъ по совѣту всей земли выбрать сообща Государя, кого Богъ мило-серднѣй дастъ, чтобы московское государ-ство въ конецъ не разорилось бы. Сами въ-даете, господа, какъ намъ стоять безъ госу-даря противъ общихъ враговъ, польскихъ, ли-товскихъ и нѣмецкихъ людей и русскихъ во-ровъ... Совѣтъ, дѣйствительно, образовался и заступилъ мѣсто временнаго правительства. Во главѣ освященнаго собора находился ми-трополитъ ростовскій и ярославскій Кирилл; была и боярская дума,—въ которую входили

два боярина, окольничій, кромѣ того ратные начальники, и прежде всего главный воевода, князь Д. М. Пожарскій, также выборные отъ городовъ и уѣздовъ, дворяне и посадскіе. Это временное соборное правительство начинаетъ пока борьбу на двѣ стороны. На совѣтъ оно ведетъ переговоры съ Новгородомъ, который присоединился было къ Швеціи, какъ самостоятельная область. Ярославское правитель-ство пока медляло, не желало вступать съ шведами въ открытую вражду. Съ другой стороны, въ отношеніи казаковъ оно твердо и ясно постановило: прежде чѣмъ идти для освобожденія Москвы отъ поляковъ, нужно очис-тить Россію отъ смуты, отъ казаковъ. По-сылая ратные отряды противъ послѣднихъ, Пожарскій отбираетъ отъ нихъ и Суздаль, По-шехонье и Переяславль-Залесскій, разби-ваетъ ихъ подъ г. Угличемъ. Но въ то же время, онъ охотно принимаетъ казаковъ къ себѣ на службу, жалуетъ ихъ денежнымъ жа-лованьемъ; онъ только подчиняетъ ихъ по-рядку, не даетъ грабить. Третій же врагъ— поляки пока не представлялся опаснымъ для ярославскаго ополченія. Временное правитель-ство намѣревалось въ Ярославль даже вы-брать царя. Но въ это время, изъ казачьихъ таборовъ пришло извѣстіе, что на помощь осажденнымъ полякамъ идетъ въ Москву гет-манъ Ходкевичъ, и Пожарскому пришлось спѣшно отправиться къ Москвѣ—на помощь кн. Трубецкому, все еще защищавшему ее. Но уже по прибытіи въ Троицкую лавру, по пути изъ Ярославля въ Москву, между новыми ополченцами произошло нестроеніе великое: одни хотѣли идти подъ Москву, а другіе не желали—изъ опасенія, что тамъ казаки хотя-тъ коварно убить кн. Пожарскаго, какъ убили П. Ляпунова. Но А. Палицынъ успѣлъ отстра-нить это затрудненіе, и тогда Пожарскій съ своимъ ополченіемъ отправился изъ Сергіевой лавры.

Подойдя къ Москвѣ, кн. Пожарскій съ ниже-городскимъ ополченіемъ сталъ особо станомъ у Арбатскихъ воротъ. Съ утра на другой день гетманъ Ходкевичъ привелъ собо-гательное войско польскому отряду, сидѣвшему въ Кремль и Китай-городъ и готовившемуся къ вылазкѣ. 21 августа 1612 года начался ожесточенный бой, который продолжался съ перерывами нѣсколько дней. Здѣсь еще разъ понялъ Пожарскій, что надѣяться на казаковъ было опасно или невозможно: то помогали они, то опять отступали. Говорятъ, что К. Ми-нинъ рѣшилъ побѣду: выпросивши у кн. По-

Пожарскаго нѣсколько сотенъ отборнаго войска, онъ неожиданно напалъ съ ними на врага. Поляки обратились въ бѣгство и тогда много ихъ здѣсь было убито. Къ утру Ходкевичъ долженъ былъ отступить. Но тѣ поляки, которые сидѣли въ Кремль, не сдались; хотя у нихъ былъ страшный голодъ, они все-таки держались въ осадѣ подѣ начальствомъ храбраго Николая Струся. Осада продолжалась около двухъ мѣсяцевъ. Въ это время казаки, значительно подкрѣпившіе армию Пожарскаго, опять стали враждовать съ земскимъ ополченіемъ изъ-за жалованья. Вслѣдствіе этого, одни изъ нихъ задумали оставить ополченіе, а другіе намѣревались напасть на дворянъ и ограбить ихъ. Пожарскій въ виду этого не могъ сдѣлать рѣшительнаго натиска и обратился за содѣйствіемъ къ, бывшему въ то время въ Москвѣ, келарю Троицкой лавры Авраамію Палицыну. Послѣдній предотвратилъ раздоръ: онъ отправился въ Лавру и, по его представленію, Троицкія власти, за немнѣніемъ денегъ, прислали къ казакамъ въ залогъ богатая церковныя ризы. Это такъ тронуло казаковъ, что они отослали ризы въ Лавру и дали обѣщаніе—во что-бы то ни стало очистить г. Москву отъ поляковъ. Дѣйствительно, при ихъ содѣйствіи Пожарскому, но только чрезъ два мѣсяца послѣ отступленія Ходкевича, удалось взять приступомъ Китай-городъ. Вслѣдъ затѣмъ, страшный голодъ заставилъ и «кремлевскихъ сидѣльцевъ»—поляковъ

сдаться, и 22 октября знамя ополчившихся на защиту отечества и вѣры православной уже развѣвалось на стѣнахъ Кремля. Послѣ этого поляки вскорѣ удалились изъ Россіи. Въ память этого освобожденія Москвы заступленіемъ Казанской иконы Божіей Матери, которая, по завѣщанію Гермогена, была носима предѣ войсками, въ православно-русской церкви установлено въ честь Ея празднество 22 октября. Такъ дѣло очищенія г. Москвы отъ враговъ—поляковъ было закончено. Правда, на помощь полякамъ спѣшилъ было къ Москвѣ самъ король Сигизмундъ, но, дорогою, узнавъ о сдачѣ Кремля, возвратился назадъ. Замутить было Заруцкій съ казаками, но его разбилъ М. Бутурлинъ и Заруцкій бѣжалъ. На Москвѣ теперь хотя на время стало спокойно. Хотя еще долго не усмирялись домашніе бунтовщики или мятежники, въ частности «казацкая вольница», но лишь междоусобные споры между старинными и новыми боярами за свои права отчасти поддерживали оставшееся неурядство и волненіе въ теперешней Руси. Несомнѣнно однако же, что злое лихолѣтіе теперь пришло къ своему концу, благодаря общеземскому ополченію. Москва снова стала средоточіемъ самобытной русской государственной жизни. Оставалось теперь всенароднымъ земскимъ избраніемъ царя—государя въ самой Москвѣ довершить великій общеземскій подвигъ, что и совершилось вскорѣ, ко благу Россіи.

Призваніе Михаила Феодоровича Романова на царство.

По освобожденіи Москвы отъ поляковъ, вступило въ полную силу временное московское правитель-ство во главѣ съ князьями Д. М. Пожарскимъ и Трубецкимъ. Въ горячѣй заботливости о благи государства, это правительство разослало по городамъ грамоты съ приглашеніемъ прислать изъ каждаго города по десяти властей и выборныхъ въ Москву «для великаго дѣла». Въ грамотахъ, между прочимъ, было сказано, что «Москва отъ польскихъ и литовскихъ людей очищена, церкви Божіи въ прежнюю льпоту облеклись, и Божіе имя славится въ нихъ попрежнему. Но безъ государя московскому государству стоять нельзя, вѣдаль московское государство раззорилось все: безъ государя государство ничѣмъ не строится, и воровскими заводами на многія части раздѣляется, и воровство многое множится». Въ виду этого, бояре и воеводы приглашали, «чтобъ всѣ духовныя власти были къ нимъ въ Москву, и изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей, поскольку человекъ пригоже, для земскаго совѣта и государскаго собранія всѣ города прислали бы въ Москву-жь, и чтобъ эти власти и выборные лучшіе люди договорились въ своихъ городахъ накрѣпко и взяли у всякихъ людей о государскомъ избраніи полные договоры». Уже въ январь 1613 года съѣхалось въ Москву довольно много властей и выборныхъ людей. Назначенъ былъ трехдневный постъ, и потомъ общеземскій соборъ приступилъ къ главному вопросу, кого избрать государемъ земли Русской.

Небезынтересно возстановить общій ходъ бывшихъ на соборѣ преній и вмѣстѣ указать послѣдовательность избирательной мысли, какъ она пришла къ личной Михаила Феодоровича Романова, какъ главнаго и законнаго кандидата на царскій тронъ. Прежде всего, на соборѣ стали разсуждать о томъ, выбрать-ли царя изъ иностранныхъ королевскихъ домовъ или «среди своихъ», избрать своего природнаго русскаго, и порѣшили—«литовскаго и шведскаго короля, и ихъ дѣтей, и иныхъ нѣмецкихъ вѣръ и нѣкоторыхъ государствъ иноязычныхъ, не-христіанской вѣры греческаго закона на владимірское и московское государство не хотѣть, потому что польскаго и нѣмецкаго короля видѣли на себѣ неправду и крестное преступленіе и мирное нарушеніе: литовскій король московское государство раззорилъ, а шведскій король Великій Новгородъ взялъ обманомъ». Отстранивъ всѣхъ иноземныхъ претендентовъ, какъ уже довольно омерзѣвшихъ, хотя мысль объ иноземномъ царѣ была въ Москвѣ именно у боярства, надѣявшагося лучше устроиться при иноземномъ, чѣмъ при русскомъ царѣ изъ боярской среды, стали выбирать своихъ на занятіе царскаго трона, стали намѣчать кандидатовъ изъ коренныхъ русскихъ знатныхъ родовъ. «Говорили на соборахъ о царевичахъ, которые служатъ въ московскомъ государствѣ и о великихъ родѣхъ, кому изъ нихъ Богъ дастъ быть государемъ». Но тутъ-то, при разсужденіи о русскихъ кандидатахъ, и пришла главная смута, начались среди бояръ козни и волненія: одни предлагали того, другіе, по своей мысли, хотѣли другого и всѣ гово-

рили разнo, «и тако проводиша немалые дни», говоритъ лѣтописецъ. Каждый членъ собора стремился указать на тотъ боярскій родъ, которому онъ самъ болѣе сочувствовалъ, въ силу-ли его нравственныхъ качествъ, или въ силу его высокаго положенія или просто изъ своихъ личныхъ выгодъ. По указанію лѣтописца, избиратели дѣйствовали не совсѣмъ безкорыстно: «многіе отъ вельможъ желающіи, царемъ быть, подкупахуся, многимъ дающе и обѣщающе многіе дары». Преданіе въ числѣ кандидатовъ въ царя называетъ именитыхъ: О. И. Мстиславскаго, В. В. Голицына, В. И. Шуйскаго, И. М. Воротынскаго, Д. М. Трубецкаго и Д. М. Пожарскаго; бояринъ О. И. Шереметевъ, женатый на племянницѣ Филарета Никитича, княжнѣ Черкасской, хлопоталъ за родню, Михаила Теодоровича Романова.

Казалось, говоритъ нашъ историкъ, толковать было не о чемъ,—напередъ можно было знать, кого выберутъ. Не было тогда никого милѣе народу русскому, какъ родъ Романовыхъ*). Ужъ издавна онъ былъ въ любви народа, въ глазахъ котораго большое значеніе имѣло его родство съ послѣдними государями изъ династіи Владиміра Великаго. Отецъ Михаила Теодоровича приходился двоюроднымъ братомъ царя Теодора Ивановича, племянникомъ первой жены царя Ивана В. Грознаго, Анастасіи Романовны, которую народъ помнилъ, и за ея добродѣтели почиталъ чуть не святою. Помнили и не забыли ея добраго брата Никиту Романовича, и соболъзновали о его дѣтяхъ, которыхъ интриганъ—царь Борнсъ Годуновъ перемучилъ и перетомилъ въ изгнаніи. Уважали митрополита Филарета, т. е. бывшаго боярина Теодора Никитича, который уже съ сентября 1610 года, со времени отправленія въ числѣ пословъ къ царю Сигизмунду, по вопросу объ избраніи царемъ сына его Владислава, находился въ плѣну въ Польшѣ и русскимъ казался мученикомъ за правое дѣло. Шестнадцатилѣтній его сынъ—Михаилъ, вмѣстѣ съ матерью инокинею Марѳею и дядею Иваномъ Никитичемъ, до 25 октября 1612 года сидѣлъ въ Кремлѣ вмѣстѣ съ прочими боярами, пока бояре, владѣвшіе Москвою, не были изгнаны. Еще когда Василія И. Шуй-

*) Романовы—чисто русскаго происхожденія; самымъ виднымъ и наиболее известнымъ предкомъ ихъ является Андрей Кобыла, бояринъ временъ Симеона Гордаго, въ первой половинѣ XIV вѣка; потомство его съ теченіемъ времени такъ развѣтвилось, что насчитываютъ болѣе 20 происшедшихъ отъ него боярскихъ и дворянскихъ родовъ; кромѣ Захарыныхъ—Юрьевыхъ—Романовыхъ сюда относятся Шереметевы, Жеребцовы, Колычевы, Ладыгинны, Неплюевы и др.

скаго низложили съ престола (17 іюля 1610 г.), многіе бояре вмѣстѣ съ патріархомъ Гермогеномъ желали Михаила Теодоровича посадить на московскомъ престолѣ; но онъ тогда былъ еще малъ, да главное, поляки тогда помѣшали, навязывая Москвѣ въ царя польскаго королевича Владислава. Огромное большинство среднихъ классовъ и простого народа оказалось рѣшительно на сторонѣ Михаила Теодоровича, потому что онъ принадлежалъ къ любимой и всѣми уважаемой семьѣ, несчастія которой и несправедливо претерпѣнныя гоненія еще усилили народное къ ней расположеніе. Боярское большинство, т. е. самое вліятельное сословіе, также Мининъ и Пожарскій, въ рукахъ которыхъ пока оставалось распоряженіе значительною ратною силою, также склонились къ избранію Михаила. Духовенство, вѣрное завѣту патріарха Гермогена, особенно было расположено къ Филарету Никитичу и его сыну, и своимъ вліяніемъ много способствовало послѣднему. Нѣкоторыя высшія духовныя лица (Ефремъ, митрополитъ казанскій, Кириллъ, митрополитъ ростовскій) разсказывали о бывшихъ имъ видѣніяхъ и откровеніяхъ, которыя указывали тоже на Михаила Теодоровича; а народное воображеніе было такъ настроено, что подобныя разсказы производили свое дѣйствіе. Теперь, на общеземскомъ соборѣ, какъ только стали разсуждать о выборѣ царя, сразу заговорили о Михаилѣ Теодоровичѣ Романовѣ, и вотъ, 7 февраля 1613 года пришли къ рѣшенію избрать его царемъ, и тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ царское прирожденіе, былъ отраслію царскаго рода. По одной лѣтописи (Забѣлинъ), первый на соборѣ зловорилъ о немъ какой-то дворянинъ изъ г. Галича, принесшій на соборѣ письменное заявленіе, въ которомъ говорилось, что ближе всѣхъ по родству съ прежними царями былъ Михаилъ Теодоровичъ Романовъ, его и надобно по праву избрать царемъ. Раздались голоса недоброжелателей, которые грозно спросили: «кто принесъ такую грамоту, кто, откуда?» Въ то время выходитъ донской атаманъ и также подаетъ письменное мнѣніе. «Что это ты подаль, атаманъ?» спросилъ его князь Д. М. Пожарскій.—«Писаніе о природномъ царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ», отвѣчалъ атаманъ. Отъ разныхъ служилыхъ и земскихъ казаковъ написаны были челобитныя, что вся земля хочетъ имѣть царемъ Михаила Романова, и они подали свои грамоты келарю Авраамію Палицыну, чтобы онъ желаніе ихъ представилъ выборной думѣ. Тутъ же кстаті пришли челобитныя изъ Калуги и

другихъ сосѣднихъ городовъ; и оттуда люди всѣмъ міромъ заявляли, что не хотятъ другого государя, кромѣ Михаила Ѳеодоровича. Казаки вскричали, что и они хотятъ царемъ только Романова. Казацкимъ голосомъ нельзя было пренебречь: если выбрать царя не по мысли и желанію казаковъ, тогда можно было ожидать большіхъ смуть. Съ избраніемъ же Михаила Романова выходило такъ хорошо, что и земскіе люди и казаки могли быть довольны. И на соборъ 7 февраля состоялось единодушное, хотя пока еще предварительное, избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова русскимъ царемъ.

Но въ это время, на совѣтъ московскомъ находились не всѣ выборные изъ городовъ и даже изъ знатныхъ бояръ. И вотъ, послали гонцовъ звать ихъ прибыть въ Москву для общаго дѣла: также отправили надежныхъ людей по городамъ и уѣздамъ разузнать мнѣніе народа относительно новаго избранника, и окончательный приговоръ для большей крѣпости былъ отложенъ на двѣ недѣли, отъ 7 до 21 февраля 1613 года. Наконецъ пріѣхали въ Москву и запоздавшіе выборные,—возвратились посланники по областямъ съ извѣстіемъ, что народъ и сѣверскіе города съ радостію желаютъ видѣть Михаила Ѳеодоровича Романова царемъ. Въ недѣлю православія, т. е. въ первое воскресенье великаго поста, состоялось въ Успенскомъ соборѣ торжественное и послѣднее засѣданіе: каждый чинъ подавъ письменное мнѣніе, и всѣ эти мнѣнія найдены сходными—всѣ чины единогласно указывали на одного избранника—Михаила Ѳеодоровича Романова. Тогда рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, троицкій келарь Авраамій Палицынъ, новоспасскій архимандритъ Гисифъ и бояринъ Василій П. Морозовъ взошли на Лобное мѣсто и спросили у народа, во множествѣ наполнявшаго Красную площадь: «кого они хотятъ въ цари?» Народъ въ одинъ голосъ закричалъ: «Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ будетъ царь-государь московскому государству и всей русской державѣ!» Послѣ этого совершенно молебствіе о здравіи новозбраннаго царя Михаила, и всѣ въ Москвѣ присягнули ему. Извѣстясь грамотами отъ 25 февраля объ избраніи царя, различные города также и вскорѣ присягали ему и подписывали разосланныя крестоцѣловальныя записи Михаилу Ѳеодоровичу. По общему представленію, государя Михаила самъ Богъ избралъ, онъ—«царь по усмотрѣнію Всевышняго Бога», и вся земля русская теперь радовалась и лико-

вала по случаю согласнаго рѣшенія важнѣйшаго вопроса о царскомъ избраніи.

Теперь дѣло оставалось только за согласіемъ самого Михаила Ѳеодоровича, и для полученія его соборъ назначилъ ѣхать къ новозбранному Михаилу въ качествѣ челобитчиковъ: Ѳеодориту, архіепископу рязанскому, тронимъ архимандритамъ—чудовскому, новоспасскому и симоновскому, троникому келарю Авраамію Палицыну, тронимъ протопопамъ, боярамъ, Ѳеодору Ивановичу Шереметьеву, князю Владиміру Ивановичу Бахтеярову-Ростовскому, окольничему Ѳеодору Головкину съ стольниками, стряпчими, приказными людьми, жильцами и выборными людьми изъ городовъ. Земскій соборъ не зналъ доподлинно, гдѣ въ это время находился новозбранный государь, и въ наказъ, данномъ посламъ, назначено: «ѣхать къ государю-царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Руси въ Ярославль, или гдѣ онъ Государь будетъ». Это незнаніе соборомъ мѣстопробыванія своего новаго государя лучше всего говоритъ за то, что не Романовы искали престола, а престолъ искалъ Романовыхъ. Посланные челобитчики должны были, по наказу соборному, «бнвъ челомъ» новозбранному государю и его матери, говорить такъ: «Всякихъ чиновъ, всякіе люди бьютъ челомъ, чтобы тебѣ великому государю умилься надъ остаткомъ рода христіанскаго,—многорасхищенное православное христіанство російскаго царства отъ растльня сыроядцевъ, отъ польскихъ и литовскихъ людей, собрать во единство,—принять подъ свою государеву паству, подъ крѣпкую высокую десницу, всенароднаго слезнаго рыданія не презреть, по изволенію Божію и по избранію всѣхъ чиновъ людей, на владимірскомъ и московскомъ государствѣ и на всѣхъ великихъ государствахъ Російскаго царствія государемъ, царемъ и великимъ княземъ всея Руси быть и пожаловать бы тебѣ великому государю ѣхать на свой царскій престолъ въ Москву и подать намъ благородствомъ своимъ избаву отъ всѣхъ находящихъ на насъ бояръ бѣдъ и скорбей; а какъ ты, государь, на своемъ царскомъ престолѣ будешь на Москвѣ, то прослыша про твой царскій приходъ, литовскіе люди и всѣ твои недруги будутъ въ страхѣ, а Московскаго государства всякіе люди обрадуются. А какъ твой государевъ подвигъ въ царствующій градъ будетъ, то изъ Москвы митрополитъ и архіепископъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ, бояре и всякіе люди встрѣтятъ тебя съ чудотворными иконами, и животворящимъ крестомъ,

по вашему царскому достоинству, и служить тебе, государю, и прямить и головы свои за тебя класть всь люди отъ мала до велика рады». Въ заключеніе наказа говорилось: «если государь не пожалуетъ, станетъ отказывать, или начнетъ размышлять, то бить челомъ и умолять его всякими обычаями, чтобъ милость показалъ,—былъ Государемъ-Царемъ и пхалъ въ Москву вскорь: такое великое Божіе дѣло сдѣлалось не отъ людей и не его государскимъ хотѣньемъ: Богъ учинилъ его государемъ. А если государь станетъ разсуждать объ отцѣ своемъ митрополитъ Филаретъ, что онъ теперь въ Литвѣ и ему на московскомъ государствѣ быть нельзя для того; чтобъ отцу его за то какого зла не сдѣлали: то бить челомъ и говорить, чтобъ онъ, государь, про то не размышлялъ: бояре и вся земля посылають къ литовскому королю, за отца его дають въ обмѣнъ литовскихъ многихъ лучшихъ людей.

Между тѣмъ Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью—инокинею Марѳою, по освобожденіи 25 октября 1612 года изъ польскаго плѣна въ московскомъ Кремль, въ которомъ польскіе начальники держали ихъ вмѣстѣ съ дядей Иваномъ Никитичемъ въ качествѣ заложниковъ, поселились тогда въ Костромской своей вотчинѣ (доставшейся Марѳѣ Ивановнѣ отъ дѣда ея Василія Михайловича и отца Ивана Васильевича Шестовыхъ)—сели Домнинѣ (въ 70 верстахъ отъ г. Костромы) въ полной надеждѣ, что они достаточно укрыты отъ военныхъ бурь того времени и отъ вражескихъ нападений, и не въдалъ о совершившемся въ Москвѣ избраніи его на всероссійскій престолъ. Но, прежде чѣмъ представительное московское посольство успѣло прибыть въ г. Кострому, для предложенія короны Михаилу Ѳеодоровичу, послѣдній подвергался великой опасности отъ поляковъ. Узнавши вскорь о томъ, что на московскомъ земскомъ соборѣ рѣшительно избранъ царемъ юный Михаилъ, вмѣсто ранѣе предположеннаго польскаго королевича Владислава, поляки составили дерзкій умыселъ, въ шляхъ воцаренія Владислава, отнять у Россіи новозбраннаго царя православнаго. Одному изъ польско-литовскихъ отрядовъ, продолжавшихъ бродить для грабежа въ мѣстахъ приволжскихъ и заволжскихъ, поручено было тайно проникнуть въ вотчинное село Домнино, чтобы внезапнымъ нападеніемъ тамъ захватить Михаила Ѳеодоровича, и отправить его въ Польшу, а въ случаѣ сопротивленія даже убить его. Но жизнь этому всенародному

избраннику на царство спасла извѣстная патриотическая хитрость старосты крестьянина Ивана Осиповича Сусанина. Бывъ встрѣченъ отрядомъ поляковъ вблизи своей деревни Деревнищъ, въ трехъ верстахъ отъ Домнина, Сусанинъ, послѣ уклончивыхъ отвѣтовъ на разспросы поляковъ о мѣстопребываніи Михаила Романова, вынужденъ былъ, по ихъ приказу, явиться невольнымъ проводникомъ къ вотчинной усадьбѣ Романовыхъ. И вотъ, догадавшись о зломъ умыслѣ поляковъ, И. Сусанинъ, какъ бы съ цѣлью указать надлежащую дорогу къ Домнину, намѣренно заводитъ спутниковъ въ лѣсную глушь, подальше отъ большой туда дороги. Ночью же въ мѣстности лѣсной и занесенной снѣгомъ, во время сна утомившихся поляковъ, Сусанинъ нашелъ возможность съ большою осторожностью передать разыскавшему его здѣсь зятю Богдану Сабинину о предстоящей опасности для Михаила Ѳеодоровича и матери его, причемъ просилъ какъ можно скорѣе извѣстить ихъ объ этомъ. Затѣмъ утромъ И. Сусанинъ снова повелъ поляковъ блуждать по лѣснымъ чащамъ и замерзшимъ болотамъ, повидимому, стараясь отыскать затерянную дорогу къ с. Домнину. Наконецъ, при полной своей увѣренности, что Б. Сабининъ уже успѣлъ выполнить данное порученіе о предувѣдомленіи Романовыхъ, доблестный старецъ-патріотъ не устрашимымъ своимъ признаніемъ разрѣшилъ самъ догадку поляковъ, что они обмануты своимъ проводникомъ, и тогда Сусанинъ, послѣ многихъ пытокъ, былъ убитъ поляками близъ села Исупова, въ 10 верстахъ отъ Домнина *), близъ болота «Чистое».

*) Собиратели преданія о подвигѣ И. Сусанина и излагатели этого преданія въ разныхъ печатныхъ изданіяхъ указывали, что Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ спрятанъ имъ въ подземныхъ тайникахъ усадебнаго, въ с. Домнинѣ господскаго дома. Мѣстные историки Костромскаго края (князь А. Козловскій, протоіерей М. Діевъ, В. Самаряновъ) въ виду этого сказанія не преминули, однако же, упомянуть о томъ, что относительно собственно мѣста укрытія будущаго царя Михаила существовало и другое преданіе, именно—что онъ ночью ушелъ глубокимъ и лѣсистымъ оврагомъ къ деревнѣ Перевозу, и отсюда пришелъ къ Деревнищамъ—къ дому И. Сусанина, котораго и просилъ укрыть отъ поляковъ, и былъ временно скрытъ И. Сусанинымъ въ ямникъ сгорѣвшаго у него наканунѣ овина, который для этого былъ заваленъ обгорѣлыми бревнами, и будто въ Деревнищахъ, а не среди лѣсныхъ болотъ, погибъ Сусанинъ, который, несмотря на жестокія пытки при разспросахъ, не сказывалъ злодѣямъ, куда укрылся юный Михаилъ Романовъ. Слѣдя убѣжденіямъ маститаго историка Д. И. Иловайскаго и другихъ авторитетовъ, мы не считаемъ правдоподобными сказанія эти;—но, не входя въ разсмотрѣніе ихъ по существу, признаемъ очень важнымъ то, твердо выраженное въ нихъ, убѣжденіе, что Михаилъ Ѳеодоровичъ тогда находился въ своемъ вотчинномъ Домнинѣ, и это убѣжденіе раздѣляется всеми историками. Оно же подтверждается свидѣтельствомъ о томъ, что существовавшая въ с. Домнинѣ церковь построена на мѣстѣ бывшихъ тутъ до пожара 1780 года тѣхъ самыхъ хоромъ, въ которыхъ Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью—инокинею проживалъ во

Получивши въ своемъ Домнинскомъ помѣстьи чрезъ Богдана Сабинина страшное извѣстіе о столь близкой опасности отъ злодѣевъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ и его мать сочли для себя небезопаснымъ не только дальнѣйшее пребываніе въ селѣ Домнинъ, но и вообще укрывательство въ какомъ-либо глухомъ или провинціальномъ монастырѣ. При такомъ опасномъ положеніи для Романовыхъ, не могъ представить надежное убѣжище напр. Жельзноборовскій монастырь, гдѣ юный Михаилъ и мать его инокиня иногда жили нѣсколько времени. Монастырь этотъ отстоитъ на 15 верстъ отъ Домнина и тогда находился въ трудно проходимой чащѣ лѣсной. Для сына и матери Романовыхъ не было никакого резона тогда избрать этотъ монастырь для своего убѣжища, такъ какъ здѣсь жизнь ихъ не была обезопасена вслѣдствіе безыскусственного укрѣпленія обители, притомъ малобратственной. Также въ пустынномъ или малолюдномъ мѣстѣ находился Макаріевъ-Унженскій монастырь, въ которомъ Михаилъ Ѳеодоровичъ малолѣтнимъ, во время пребыванія родителей въ ссылкѣ сохранялся подъ покровительствомъ строителя изъ бояръ-старца Давида Хвостова. И въ Макарьевскомъ монастырѣ, который отстоялъ отъ Домнина на 120 верстъ и отъ г. Костромы на 186 верстъ, или на 5–6 дней пути, Михаилъ Ѳеодоровичъ и мать его, по той же причинѣ, не могли чувствовать себя безопасными отъ погибели со стороны злобно преслѣдовавшихъ враговъ-поляковъ. Въ виду этого, слѣдуетъ полагать такъ, что, по извѣщеніи Б. Сабиннымъ о покушеніи поляковъ на жизнь Михаила Ѳеодоровича, Романовы тотчасъ рѣшили и, конечно, вовремя успѣли быстро ухватить въ г. Кострому, который представлялъ собой, несомнѣнно, устойчивое мѣсто въ защитно-боевомъ отношеніи.

Гдѣ-же въ Костромѣ они пребывали или, точнѣе, укрывались отъ преслѣдованій поляковъ въ началѣ 1613 года? Такимъ мѣстомъ могъ бы быть Костромской Кремль, въ которомъ находился дворъ Марѣы Ивановны; за посадами же города крѣпкую защиту могли представлять Ипатіевъ и Богоявленскій монастыри. По хранящейся въ Костромской Архив-

время покушеній на него поляковъ въ началѣ 1613 года. Такъ, при кладкѣ каменныхъ стѣнъ для церкви въ 1817 году найдены срубы, бревна, ямы, какъ явные знаки бывшей ранѣе постройки; по преданію, прахъ И. Сусаннина погребенъ подъ этою же церковію (но, по другому преданію, тѣло Сусаннина, по повелѣнію царя Михаила Ѳеодоровича, было перенесено въ Ипатіевскій соборъ,—но гдѣ онъ здѣсь погребенъ, не сохранилось сказаній).

ной Комиссіи рукописи 1840-хъ годовъ—«Михаилъ Ѳеодоровичъ помѣстился въ мужскомъ Ипатіевскомъ монастырѣ, огражденномъ каменною стѣною съ башнями и стрѣльницами, на прожитательство въ безопасности, а въ Богоявленскомъ монастырѣ, тоже окруженномъ толстыми каменными стѣнами и башнями, со стрѣльницами и желѣзными воротами, остаться не разсудилъ, по причинѣ недавняго избіенія въ немъ братіи злодѣями-поляками». Изъ остальныхъ же двухъ укрѣпленныхъ мѣстъ Ипатіевъ монастырь представлялся болѣе безопаснымъ, надежнымъ для убѣжища, чѣмъ Костромской Кремль, какъ въ этомъ можетъ насъ убѣдить, современное разсматриваемымъ обстоятельствамъ, внѣшнее состояніе Кремля, съ одной стороны, и Ипатіева монастыря, съ другой. Костромской Кремль, какъ видно изъ писцовыхъ книгъ г. Костромы отъ 1628–30 годовъ, состоялъ тогда изъ земляныхъ валовъ, окопанныхъ глубокими рвами, осыпь же была окружена деревянною стѣною на протяженіи 511¹/₄ сажень; стѣны устроены съ 3 воротами и 14 башнями; «башни рублены всѣ клѣтками въ борозду; вышина острогу двѣ сажени съ полусаженью; подъ верхомъ были полати съ боемъ и подкотками»; стѣны и башни вооружены были огнестрѣльными орудіями—затинными пушками, коваными пищалями, волконями. Этотъ, повиднмому, хорошо устроенный кремль, однако же, не могъ являться прочнымъ; какъ видно изъ подрядныхъ записей, онъ скоро приходилъ въ ветхость и часто требовалъ ремонта своихъ стѣнъ деревянныхъ и осыпей земляныхъ и, какъ такой, Костромской Кремль, естественно, не могъ въ началѣ 1613 года представлять собой безусловно надежное вполне, безопасное убѣжище для бояръ Романовыхъ, вынужденныхъ въ настоящемъ критическомъ положеніи спастись отъ враговъ-поляковъ. Между тѣмъ, въ Ипатіевскомъ монастырѣ уже съ 1586–1590 годовъ потомками основателя его (мурза Чета въ сороковыхъ годовъ XIII вѣка) боярами Годуновыми Димитріемъ и Иваномъ Ивановичами и конюшнимъ Борисомъ Ѳеодоровичемъ была сооружена на протяженіи 243 сажень, окружавшая четырехугольное пространство, крѣпкая каменная ограда съ 6 хорошо вооруженными башнями съ переходами по внутренней сторонѣ и амбразурами. Такая ограда представляла собою для тѣхъ временъ безусловно укрѣпленное мѣсто, несомнѣнно, болѣе устойчивую твердыню, чѣмъ деревянный Кремль Костромской. Въ каменныхъ стѣнахъ Ипатіевой обители, служившей военною крѣпостью, уже ра-

нше часто съ монахами вмѣстѣ сидѣли взаперти и отстрѣливались то вѣрные слуги и защитники царя Василя Шуйскаго, то поляки или измѣнники, присягнувшіе Лжедмитрію II. Такъ, вооруженныя стѣны Ипатіевскаго монастыря перенесли въ 1609—10 годахъ нѣсколько военныхъ осадъ, однако, послѣ того онѣ не потерпѣли существенныхъ поврежденій и продолжали въ началѣ 1613 года представлять собою несомнѣнно сильную крѣпость. Косвеннымъ подтвержденіемъ этого служитъ то, что когда «для осаднаго времени въ 127 (1619) году совершалось вообще укрѣпленіе Костромскаго Кремля, даже былъ вновь построенъ посадскими людьми «новый городъ» въ видѣ «тарасъ косыхъ, какъ ставится острогъ лежачей» (Писц. кн.),—тогда признано было совершенно достаточнымъ для Ипатіева монастыря произвести (въ 1612 г.) лишь небольшую надстройку, надъ крѣпкими по себѣ оградными стѣнами, и онѣ отнюдь не были переустроены или не были замѣнены новыми *). Отсюда небезосновательнымъ является тотъ выводъ, что Михаилу Ѳеодоровичу съ инокинею Марѳою въ началѣ 1613 года естественнѣе всего было признать болѣе безопаснымъ убѣжищемъ не Костромской Кремль, съ осаднымъ въ немъ дворомъ Марѳы Ивановны, а Ипатіевъ монастырь, съ его незабываемою крѣпостію, въ которомъ они, вѣроятно, не разъ бывали на богомольѣ, хотя бы на короткое время, и тогда уже хорошо понимали важное значеніе его, какъ военной крѣпости.

Правда, въ недостаточно укрѣпленномъ г. Костромѣ была внутренняя смута; какъ уже намъ извѣстно изъ предыдущаго, даже воевода города Иванъ Шереметьевъ былъ приверженцемъ польскаго королевича Владислава и, по видимому, нельзя было рассчитывать, что г. Кострома и Ипатіевскій монастырь могутъ быть надежной тогда защитой для боярѣ Романовыхъ. Но внутренняя смута въ г. Костромѣ имѣла свое мѣсто лишь въ началѣ марта 1612 года. Когда же Шереметьевъ, по вступленіи кн. Пожарскаго и Минина съ ратнымъ ополченіемъ въ Костромской Кремль, былъ тотчасъ низложенъ самими костромичами, весьма расположенными къ великому патріотическому предпріятію, и по ихъ просьбѣ Пожарскій назначилъ князя Романа Гагарина воеводой г. Костромы,—уже тогда совершенно прекратилась

*) Къ этой надстроенной оградѣ произведена въ 1642—45 годахъ пристройка новой каменной ограды на четырехугольномъ пространствѣ въ 144 сажени, съ двумя башнями по угламъ и третью по срединѣ западной стѣны, т. н. «зеленою».

внутренняя смута въ городѣ. Послѣ того какъ въ октябрь 1612 года произошло очищеніе столицы государства отъ враговъ, въ Костромѣ совсѣмъ не было приверженцевъ королевича Владислава, и, стало быть, некому было извѣщать поляковъ о временномъ укрывательствѣ Михаила Ѳеодоровича вообще въ г. Костромѣ или, точнѣе, въ Ипатіевомъ монастырѣ. Если же искомые поляками Романовы, Михаилъ Ѳеодоровичъ и инокиня, почему-либо не могли оставаться для поляковъ неизвѣстными по пребыванію въ этомъ монастырѣ, какъ находящемся рядомъ съ большимъ городомъ, то нельзя при этомъ опускать изъ вида то обстоятельство, что поляки бродили тогда партіями, отрядами, и въ такомъ незначительномъ количествѣ, что какая-либо польско-литовская шайка теперь въ концѣ февраля, или въ самомъ началѣ марта 1613 года, не могли осмѣлиться, на вѣрную гибель свою, произвести осаду, крѣпкаго по стѣнамъ и хорошо вооруженнаго, Ипатіева монастыря.

Но извѣстно, что Ипатіевъ монастырь пользовался покровительствомъ боярѣ Годуновыхъ, изъ коихъ Борисъ Ѳеодоровичъ сдѣлался врагомъ Шестовыхъ—Романовыхъ, какъ уже показано, устранивъ ихъ изъ Москвы, какъ имѣвшихъ право на царскій тронъ, на который между тѣмъ претендовалъ тогда и затѣмъ получилъ самъ Борисъ Годуновъ. Отсюда же Ипатіевъ монастырь въ царствованіе Бориса—покровительствуемый его боярами Годуновыми, конечно, не могъ бы считаться надежнымъ убѣжищемъ или безопаснымъ пріютомъ для Михаила Ѳеодоровича и матери его инокини, такъ какъ, несомнѣнно, монастырь этотъ былъ близокъ и самому Борису Ѳеодоровичу. Но если у послѣдняго, изъ династическихъ расчетовъ, существовали враждебныя отношенія къ боярамъ Романовымъ, то со смертію Бориса 13 апрѣля 1605 года у боярѣ Годуновыхъ, притомъ въ началѣ 1613 года, могли быть совершенно иныя отношенія къ Романовымъ, не враждебнаго характера. Въ это-то время, избирая убѣжищемъ для себя Ипатіевъ монастырь, Михаилъ Ѳеодоровичъ и инокиня Марѳа не могли представлять или сжидать для себя никакихъ опасностей со стороны Годуновыхъ.

Сверхъ того, слѣдуетъ принять во вниманіе то, что со смертію Ѳедора Борисовича Годунова (1 іюня 1605 г.) и жены царя Бориса Маріи, считавшихся попечителями Ипатіева монастыря, послѣдній поступалъ на попеченіе уже Ѳедора Никитича Романова—въ

иночество Филарета, так как ему этот монастырь подарен (А. И. Иловайский, С. Платонов), который в день своего коронации 30 июля 1605 г. назначил Филарета ростовским митрополитом, при чем к его епархии принадлежал и этот монастырь. От Филарета Никитича, который и вторым самозванцем утвержден во владении Ипатьевым монастырем, последний естественно поступил на ближайшее попечение сына его Михаила Феодоровича. К этому же юному Романову родственные Борису бояре Годуновы, уже явно утратившие государственное свое значение, не могли питать вражды, нерасположения теперь, спустя почти семь лет по смерти Бориса—главного врага Романовых, тем более, что Годуновым не были известны почти всеобщие симпатии и выборные в Москву голоса в пользу Михаила Феодоровича. Отсюда и монахи Ипатьевой обители, при всем традиционном уважении к фамилии Годуновых, как благотворителей ее, теперь не могли решиться отказать в благосклонном приеме попечителю монастыря Михаилу Романову. Подтверждение того, что он фактически состоял попечителем или был как бы хозяином Ипатьева монастыря, представляет, как увидим далее, самое назначение инокини Марфы и вместила Михаила московскому посольству совершить прием его в этом монастыре, как своего. Таким образом, по самому праву, и притом без всяких опасений за злобные к себе отношения со стороны Годуновых и самих монахов, юный Михаил и мать его инокиня в начале 1613 года, в критическое для них время, избрали убожище в монастырь, который покровительствуем и украшаем был и Борисом Годуновым. К тому же, с 15 февраля того года наступил Великий пост, на какое время цари и бояре, по древнему благочестивому обычаю, нередко помывались в монастырях для душеспасения, для сохранения или поддержания доброго христианского покаянного настроения. Так и это теперь приводило Романовых в Ипатьевский монастырь *),

*) Нельзя представлять дело так, как будто, когда получился известие, что московское посольство приближается к г. Кострому, Михаил Феодорович с матерью Марфой Ивановной, по просьбе костромичей, переехал для приема посольства в келии Ипатьевского монастыря. При таком допущении, пребывание их в этой обители пришлось бы считать не больше, как только перемещением их сюда; а тогда сам собой возникает вопрос: уж если переселились они—Романовы для того только, чтобы в этом монастыре принять именное московское посольство для большей торжественности при соединении московской и костромской крестной процессии? Не представлялось ли больше удобным и как бы естественным совершить

Различные документы *), также древние и новые историки одинаково свидетельствуют, что шестнадцатилетний Михаил Феодорович Романов с матерью-инокиней Марфой в конце февраля и в начале марта 1613 года нашли, и имели для себя вполне безопасное убожище, действительно, в Ипатьевском монастыре. Не приводя свидетельств из местных изследований (прот. М. Диева, прот. П. Островского, В. Самарянова) не из сочинений выдающихся историков России (Н. Устрялов, С. Соловьев, Н. Костомаров, А. Трачевский, В. Казаревский и др.) мы ограничимся указанием лишь на два места. В книге «Лекции по русской истории», С. Платонова (изд. 1901 г.), сказано на 253 странице так: «из Домнина Михаил Феодорович с матерью переехал в Кострому, в Ипатьевский монастырь, который поддерживался вкладами Бориса и при А. И. Иловайском был подарен послыдним Романовым, за все претерпленное ими от Бориса». Почтенный историк Д. И. Иловайский с особенною выразительностью утверждает, что по извещении Собинным об угрожающей опасности от поляков «старика Марфа уехала с сыном своим в город Кострому; но они поселились не в самом городе, а укрылись за каменными стенами Ипатьевского монастыря». — Целая плеяда весьма авторитетных и самостоятельных историков русских категорически признает лишь Ипатьев монастырь—местом временного и надежного убожища Михаила Феодоровича с матерью-инокиней—по удалении их из Домнина, и нить возможности или резонанса не доверяют согласным свидетельствам их, основанным на документах. Отсюда же очевидным представляется великое историческое значение Ипатьева монастыря, поскольку в нем в начале 1613 года нашел для себя безопасное убожище от преследований злобных поляков Михаил Феодорович, родоначальник Царствующего Дома,—в этом монастыре спасена или сохранена жизнь целой династии Романовых. Вот почему и царственные потомки Михаила Феодоровича в самом Костромском Кремле, где сосредоточены были все гражданские власти, и где в Успенском соборе храм издревле пребывала и пребывает великая Костромская святая—чудотворная Феодоровская икона Божией Матери?!

*) Из подлинных грамот о призвании Михаила Феодоровича на царство (см. Дворц. Разр. 1 т. 1850 г., 55 и 1066 стр.), из Троицкого летописца (256 л.) Авраамия Палицына и других известий XVII и XVIII веков ясно видно, что Михаил Феодорович, во время прибытия к нему московского посольства с предложением царской короны, пребывал в Ипатьевском монастыре.

доровича всегда обнаруживали особенное благорасположение и великую щедродательность къ этой обители (изъ нихъ въ исторіи запечатльны по этому: Михаилъ Ѳеодоровичъ, Алексѣй Михайловичъ, Тоаннъ и Петръ Алексѣевичи, Екатерина II, Николай I, Александръ II, Александръ III и Николай II).

Когда представилась неотложная нужда юному Михаилу Ѳеодоровичу вмѣстѣ съ инокинею *) укрыться отъ враговъ въ крѣпкихъ, вооруженныхъ стѣнахъ Ипатіевскаго монастыря, имъ были отведены для временнаго пребыванія келарскія **) или намѣстническія (съ 1598 г.) кельи. какъ наиболее удобныя и благоустроенныя. Кельи эти были устроены задолго до 1613 года усердіемъ бояръ Годуновыхъ—Дмитрія Ивановича и его племянника Бориса Ѳеодоровича, именно въ 1586—1597 годахъ. Изъ сохранившихся досель отъ 1742 г. смѣтъ на исправленіе и ремонтъ священныхъ и прочихъ зданій Ипатіева монастыря видно, что намѣстничьи кельи имѣли два аппарата (этажа) съ деревянными на задней сторонѣ сѣнями, съ кладовыми чуланами, длиною 15½ сажень, шириною и съ сѣнями 17 аршинъ, при высотѣ 3½ сажень отъ основанія до крыши. При кельяхъ крыльцо устроено съ восточной стороны деревянное о двухъ площадяхъ; кельи крыты тесомъ. Въ каждомъ апартаментѣ келарскихъ келій—верхнемъ и нижнемъ, по 9 окошекъ, обращенныхъ внутрь монастыря (на восточную сторону и отчасти на южную), вышиною по 1 арш., шириною по 12 вершковъ.

Въ верхнемъ этажѣ этихъ келарскихъ келій оконныя рамы были со стеклами, между тѣмъ во всѣхъ прочихъ зданіяхъ монастыря оконницы были слюдяны. Вѣроятно, весь этотъ корпусъ цѣликомъ былъ предоставленъ Михаилу Ѳеодоровичу, особенно въ виду того, что съ нимъ пребывала и мать его инокиня Марѳа, четыре комнаты которой были на половинѣ—съ правой стороны изъ сѣней. Этимъ намѣстничьимъ кельямъ съ конца XVII вѣка

*) По записанному въ Отечеств. Запискахъ, 1820 г. № 1, преданію, раздѣляемому и кн. Козловскимъ («Взглядъ на исторію г. Костромы» 1840 г. 83 и 149 примѣч. 55), инокиня Марѳа Ивановна пребываніе свое имѣла близъ Успенскаго собора въ Крестовоздвиженскомъ женскомъ монастырѣ, а въ Ипатіевскій монастырь перешла, «незадолго до избранія Михаила Ѳеодоровича на царство», (Козловскій) ради безопасности отъ нашествія поляковъ. Это видно изъ настояннаго письма на паперти Костромскаго Успенскаго собора, которое отъ пожара въ 1765 году потемнѣло.

**) Келарь въ древнерусскихъ монастыряхъ исполнялъ должность казначея, эконома и благочиннаго,—былъ вторымъ лицомъ послѣ настоятеля, какъ и намѣстникъ въ обителяхъ, имѣвшихъ настоятельство со степенью архимандритовъ.

усвоено названіе «царскихъ чертоговъ» и «дворца царя Михаила Ѳеодоровича» *).

Когда въ Ипатіевской обители пребывалъ въ полной безопасности Михаилъ Ѳеодоровичъ съ инокинею Марѳою, и было отправлено 2 марта 1613 года вообще въ Костромскую вотчину Романовыхъ великое московское посольство съ грамотою отъ имени всего русскаго государства о предложеніи Михаилу Ѳеодоровичу царской короны. Несмотря на большую свою спѣшность, въ виду особенной важности порученнаго дѣла, именитое посольство имѣло возможность лишь 13 марта прибыть въ Новоселки (что нынѣ Селища, на нагорномъ берегу р. Волги, почти противъ Ипатіева монастыря). Здѣсь находился домъ князя Ивана Михайловича Глинскаго, родного дяди царя Тоанна IV, и отъ него-то московскому посольству стало извѣстно теперь опредѣленно о временномъ пребываніи всероссійскаго избранника на царскій тронъ въ Ипатіевскомъ монастырѣ. Прибывши въ Новоселки уже въ позднее время, къ вечернямъ, московское посольство, для большей торжественности предстоящей процессіи, пригласило Костромскихъ воеводу и видныхъ властей гражданскихъ и духовныхъ. Въ одно мгновеніе узнали во всей Костромѣ о прибытіи и причинѣ московскаго посольства, и весь городъ быстро пришелъ въ движеніе. Въ тотъ же день костромичи, глубоко уважавшіе Михаила Ѳеодоровича, спѣшили въ Новоселки, чтобы сопутствовать свитѣ въ Ипатіевъ монастырь, гдѣ въ келарскихъ кельяхъ имѣлъ пребываніе юный избранникъ на царство. Но посольство и костромскіе представители, согласно полученному отъ инокини Марѳы и Михаила Ѳеодоровича назначенію, совместно рѣшили уже на другой день переправиться въ г. Кострому, для того, чтобы доложить Михаилу о состоявшемся на Московскомъ Земскомъ Соборѣ избраніи его русскаго государемъ и предложить ему царскую корону. 14 марта, въ воскресенье четвертой недѣли великаго поста, состоявшій во главѣ посольства архіепископъ рязанскій Ѳеодоритъ съ освященнымъ собо-

*) По изволенію въ 1859 г. императора Александра II, послѣдовавшему въ 1837 и 1858 годахъ этотъ дворецъ, произведена реставрація его въ древнемъ видѣ, по плану архитектора Московской дворцовой конторы Рихтера, съ тѣмъ, чтобы кельи на самомъ дѣлѣ напоминали царскій дворецъ въ стилѣ XVII в. При возобновленіи ихъ повелѣно было взять за образецъ принадлежавшій Михаилу Ѳеодоровичу древній домъ въ Москвѣ, существующій досель на Варваринской улицѣ. Реставрація окончена осенью 1865 г. и 30 сентября новый дворецъ торжественно освященъ костромскимъ архіепископомъ Платономъ въ присутствіи президента Московской дворцовой конторы князя Н. Трубецкаго, всѣхъ властей города и всего городского духовенства.

ромъ, въ преднесеніи хоругвей,—принесенныхъ изъ Москвы святынь—Животворящаго Креста, Владимірской иконы Божіей Матери и иконъ св. Московскихъ Чудотворцевъ, при звонѣ церковныхъ колоколовъ въ Новоселкахъ, открылъ торжественное шествіе отсюда къ Ипатіеву монастырю. И, вотъ, эта духовная процессія прослѣдовала по р. Волгѣ и затѣмъ прибыла къ устью р. Костромы, гдѣ на нѣкоторое время пріостановилась.

Между тѣмъ, сюда же, при величественномъ колокольномъ звонѣ во всѣхъ костромскихъ церквяхъ, уже направлялся изъ Успенскаго соборнаго храма торжественный крестный ходъ въ преднесеніи св. крестовъ, чудотворнаго Теодоровскаго образа Богоматери и другихъ св. иконъ. Крестное шествіе сопровождалось облаченнымъ въ свящ. дорогія одежды соборнымъ и городскимъ духовенствомъ во главѣ съ протоіереемъ Алексѣемъ и богоявленскимъ игуменомъ Арсеніемъ, вмѣстѣ съ множествомъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ и жителей города. Костромской крестный ходъ двинулся изъ Костромскаго Кремля чрезъ Спасскія въѣзжія ворота и прослѣдовала Спасскимъ деревяннымъ на клѣткахъ мостомъ, чрезъ бывшій прежде тутъ ровъ. Мостъ этотъ находился противъ нынѣшней, принадлежащей Богоявленскому монастырю, часовни во имя Христа Спасителя и по противоположному направленію къ соборной часовнѣ. Затѣмъ крестная процессія слѣдовала по возвышенной той линіи, гдѣ нынѣ дорога между Гостинымъ дворомъ и Пряничнымъ рядомъ, дальѣ—мимо Предтеченской церкви, а потомъ или внизъ—по пути къ нынѣшней дух. семинаріи или, вѣроятно, прослѣдовала дальѣ на Мшанскую улицу до деревянной Теодоровской на Суль соборной церкви, которая тогда уже довольно обветшала, ибо спустя 15 лѣтъ, по извѣстію писцовыхъ книгъ 1628—1630 г.г., стояла «безъ пѣнія» (Теодоровская церковь была вблизи нынѣшней Богоотцовской церкви, пристроенной съ 1768 по 1771 г. въ подворьѣ Симеоновскаго монастыря, упраздненнаго въ 1761 году). Отсюда крестный ходъ поворотилъ по направленію къ р. Волгѣ—внизъ по Симеоновской улицѣ—что нынѣ отъ Богоотцовской церкви, по линіи къ женской гимназій, и прибылъ къ устью рѣки Костромы, впадающей въ р. Волгу, и здѣсь-то соединился съ Московскимъ крестнымъ ходомъ.

Отъ этого какъ бы сборнаго пункта, соединенная процессія священныхъ соборовъ, въ совокупности Московскихъ и Костромскихъ великихъ святынь, въ сопровожденіи множества

сановниковъ и народа, величественно, при умилительномъ пѣніи священныхъ псалмѣй, съ подобающимъ священной важности благолѣпіемъ, слѣдовала по льду р. Костромы до самаго Ипатіева монастыря, къ которому и прибыла—съ восточной стороны каменной его ограды, гдѣ одни *) ворота, надъ конми въ 1586—87 годахъ устроены были храмъ во имя св. м. Теодора и св. м. Ирины (вѣроятно, въ честь тезоименитства царя Теодора Ивановича и супруги его Ирины), назывались святыми. Какъ только крестный ходъ оказался напротивъ этихъ св. воротъ—восточныхъ **), раздались стройный звонъ колоколовъ, на устроенной въ 1603 году Д. И. Годуновымъ звонницѣ, возвѣщая о приближеніи крестныхъ шествій къ самому монастырю. И вотъ, на встрѣчу соединеннымъ крестнымъ ходамъ выступила изъ Троицкаго соборнаго храма духовная процессія во главѣ съ архимандритомъ монастыря Кирилломъ, и вмѣстѣ благоговѣрныя инокиня Марѣя и сынъ ея Михаилъ Теодоровичъ.

Вблизи самаго входа въ св. врата, инокиня и Михаилъ Теодоровичъ съ благоговѣніемъ поклонились великимъ святынямъ и смиренно приняли благословеніе отъ архіепископа Теодорита, и затѣмъ, несомнѣнно, чрезъ эти восточныя святыя ворота ***) послѣдовало торжественное шествіе процессіи въ монастырь. По вступленіи въ св. обитель, посольство тотчасъ же въ лицѣ представителя синклита боярина Ѳ. И. Шереметева привѣтствовало Романовыхъ и объявило имъ, зачѣмъ прислано. Но, къ удивленію и горести московскаго посольства, избранники Романовы со смиреніемъ, но рѣшительно отказались принять столь почетныя предложенія, причѣмъ Михаилъ Теодоровичъ не соглашался принять на себя тяжелое бремя правленія по своей молодости и неопытности въ управленіи при столь бѣд-

*) Другія ворота вблизи ихъ, по срединѣ ограды были въѣзжія съ привратными кладовыми и назывались водяными воротами, такъ какъ выходили на берегъ р. Костромы.

**) Во второй половинѣ XVII вѣка эти ворота, несмотря на свою историческую знаменитость, были закрыты въ виду общественной опасности ихъ. Во исполненіе Высочайшей воли отъ 1834 г., эти св. ворота, какъ историческій памятникъ государству, вновь заложены 25 іюня 1840 г. по плану архитектора Топа, съ возведеніемъ надъ ними церкви во имя св. Христофора и Дарія, празднуемыхъ 19 марта, въ каковой день совершился въѣздъ царя Михаила Теодоровича (чрезъ западныя ворота, гдѣ зеленая башня) въ г. Москву, при чемъ послѣ молебна, по случаю этой закладки, воспѣта, послѣ многолѣтій, вѣчная память въ Бозѣ почившему Михаилу Теодоровичу. Церковь эта, устроенная съ 25 іюня до октября, обрушилась, но вновь устроена по указу Св. Синода отъ 25 марта 1854 г. и освящена 10 мая 1859 года.

***) Нынѣшнія сѣверныя ворота устроены въ 1766—67 годахъ епископомъ Дамаскимъ, по случаю прибытія императрицы Екатерины II въ 14—15 дней мая, вмѣсто уже ранѣе существовавшихъ небольшихъ воротъ частныхъ.

ственномъ состояніи Россіи, разоренной и измученной поляками, шведами и русскими крѣпостниками, а мать его Марѳа прибавила, что не благословляетъ сына на царство. Послы тогда стали просить обоихъ Романовыхъ—стать на первомъ мѣстѣ въ священной процессіи, чтобы съ нею сплѣдовать въ Троицкій соборный храмъ монастыря, и они, внявъ этой просьбѣ, сплѣдовали сюда за святынями. Здѣсь посольство поднесло Михаилу Ѳеодоровичу грамоту объ избраніи его на российский престолъ, по прочтеніи длинной рѣчи по наказу, подало инокиня Марѳа грамоту просительную о благословеніи сына ея на царство. Марѳа тогда говорила, что «у сына ея и въ мысляхъ нѣтъ на такихъ великихъ преславныхъ государствахъ быть Государемъ; онъ не въ совершенныхъ лѣтахъ, а московскаго государства всякихъ чиновъ люди по грѣхамъ измалодушествовались,—давъ свои души прежнимъ Государемъ; не прямо служили». Марѳа упомянула объ измѣнѣ Б. Годунову, убійствѣ Ажедимитрія, о сведеніи съ престола и выдачѣ полякамъ В. Шуйскаго; потомъ продолжала: «внявъ такія прежнимъ государямъ крестопреступленія, позоръ, убійства и поруганія, какъ быть на московскомъ государствѣ и прирожденному Государю Государемъ? Да и потому еще нельзя: московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей и непостоянствомъ русскихъ людей раззорилось до конца, прежнія сокровища царскія, изъ давнихъ лѣтъ собранныя, литовскіе люди вывезли; дворцовыя села, черныя волости, пригородки и посады розданы въ помѣстья дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и всякимъ служилымъ людямъ, и запустошены, и служилые люди бѣдны; и кому повелитъ Богъ быть Царемъ, то чѣмъ ему служилыхъ людей жаловать, свои государевы обиходы полнить и противъ своихъ недруговъ стоять?» Потомъ Михаилъ Ѳеодоровичъ и инокиня Марѳа говорили, «что быть ему на государствѣ, а ей благословить его на государство—только на гибель; кромѣ того, отецъ его, митрополитъ Филаретъ теперѣ у короля въ Литвѣ въ большомъ утѣсненіи, и какъ свидѣаетъ король, что на московскомъ государствѣ учинился сынъ его, то сейчасъ же велитъ сдѣлать надъ нимъ какое-нибудь зло; а ему, Михаилу, безъ благословенія отца своего на Московскомъ государствѣ никакъ быть нельзя».

Послы со слезами молили и били челомъ Михаилу, «чтобъ соборнаго моленья и челобитья не презрѣлъ: выбрали его по изволенію Божію, не по его желанію: положилъ Богъ

единомышленно на сердца всѣхъ православныхъ христіанъ отъ мала до велика на Москвѣ и во всѣхъ городахъ. А прежніе государи—царь Борисъ сдѣлалъ на государство своимъ хотѣньемъ, изведши государскій корень царевича Дмитрія; началъ дѣлать многія неправды, и Богъ ему мстилъ кровь царевича Дмитрія богоотступникомъ Гришкою Отрепьевымъ; воръ Гришка—разстрига своимъ дѣломъ отъ Бога мечь принялъ, злою смертию умеръ; а царя Василія выбрали на государство многіе люди, и, по вражью дѣйству, многіе города ему служить не захотѣли и отъ московскаго государства отложились: все это дѣлалось волею Божіею, да всѣхъ православныхъ христіанъ грѣхомъ; во всѣхъ людяхъ Московскаго государства была рознь и междоусобіе. А теперѣ московскаго государства люди наказались всѣ и пришли въ соединеніе во всѣхъ городахъ». Послы продолжали молить и бить челомъ Михаилу Ѳеодоровичу и матери его съ третьяго часа до девятаго,—говорили, чтобъ онъ воли Божіей не противился, былъ на Московскомъ царствѣ государемъ. Однако, юный Михаилъ все не соглашался; тогда послы стали грозить ему, что «Богъ взыщетъ на немъ конечное разореніе государства». Когда человѣческія убѣжденія и здѣсь оказались безуспѣшными предъ непреклонною волею юнаго Михаила,—архіепископъ Ѳеодоритъ и келарь А. Палицынъ прибѣгли къ содѣйствію Царицы Небесной. Взявши честные кресты и чудотворныя иконы,—Ѳеодоритъ Влад. икону Богоматери, написанную св. митрополитомъ Петромъ, а Авраамій Палицынъ—икону Трехъ Московскихъ святителей, они приблизились къ Михаилу Ѳеодоровичу, при чемъ архіепископъ твердымъ голосомъ произнесъ: «Не будь противенъ волю Божіей! не мы предприняли сей подвигъ, но Пречистая Божія Мать возлюбила тебя,—устыдись пришествія Ея!» Эта столь торжественная минута рѣшила участь российского государства. При воззрѣніи на ликъ Богоматери, Михаилъ Ѳеодоровичъ и инокиня Марѳа потрясены были до глубины души; твердость ихъ поколебалась. Проникнутая дивною преданностію волю Всевышняго, инокиня-старича наконецъ выразила свое согласіе и внушительно сказала сыну: «Исполни волю Божію! Это—Божье дѣло, а не человѣческой разумъ!» Тогда лишь Михаилъ Ѳеодоровичъ изъявилъ свое согласіе принять скипетръ русскаго самодержавія: «Буди тако, если на это дѣло есть воля Божія!» сказалъ онъ. Всплѣдъ за этимъ инокиня Марѳа, взявши сына за руку

и вмѣстѣ съ нимъ въ рыданіи преклонивши колѣна предъ чудотворною Θεодоровскою иконою Божіей Матери, произнесла: «се Тебѣ, о Богомати, въ Твои пречистыя руцѣ предаю чадо мое! наставь его на путь истинный, устрой ему полезная и всему православному христіанству!» Несомнѣнно, надобно было имѣть много героизма, чтобы въ виду смуты и ужасающихъ умъ и сердце неурядицъ, отдать сына на служеніе Россіи, благословить на расшатанный престолъ, окруженный хотя и раскаявшимися, но все же клятвopреступниками. Тотчасъ же былъ возложенъ на Михаила Θεодоровича Животворящій Крестъ, поднесенъ ему царскій скипетръ и предложенъ царскій тронъ, на которомъ самодержецъ всей Россіи и выслушалъ бож. литургію, а по окончаніи ея, торжественное молебствіе о царскомъ здравіи, съ приглашеніемъ многолѣтня царю богоизбранному, благородному и благовѣрному великому государю—царю и великому князю Михаилу Θεодоровичу, самодержцу всея Россіи.

Съ тѣхъ поръ, по случаю этого воцаренія при явной волѣ Божіей, день, 14 марта досель празднуется православною русскою церковію въ честь Θεодоровской иконы Божіей Матери. Описанное событіе издревле изображено фресками въ галлерей Успенскаго соборнаго храма въ трехъ картинахъ, съ объясненіемъ ихъ въ особомъ между ними клеймѣ. Въ первой картинѣ представлено шествіе въ Ипатіевъ монастырь московскаго посольства, и костромскаго церковнаго чина, и народа въ преднесеніи святынь Московскихъ и Костромской Θεодоровской иконы Богоматери; во второй картинѣ—ходатайство представителей Россіи предъ инокинею Марѳею о дарованіи ея согласія и благословенія юному ея сыну Михаилу на принятіе самодержавства російскаго, а въ третьей картинѣ изображено самое воцареніе Михаила Θεодоровича въ Троицкомъ храмѣ Ипатіева монастыря. Въ этомъ монастырѣ памятниками великаго историческаго событія 14 марта 1613 года являются, хранящіяся въ ризницѣ, несенные въ процессіи московскаго посольства, Владимірская икона Божіей Матери съ изображеніемъ 8 святыхъ въ дробницахъ и крестъ деревянный въ басемномъ окладѣ—объ святыни съ рукоятками; также большой фонарь изъ желѣза на деревянной рукояти, по слюдь обложенный мѣдными бордюрами, съ шатровымъ верхомъ въ видѣ короны съ 10 зубцами, завершенными каждый грушеобразною главою. Черезъ знаменательное для всей Россіи событіе воцаренія

Михаила Θεодоровича въ Ипатіевскомъ монастырѣ, послѣдній приобрѣлъ себѣ, несомнѣнно, важное историческое значеніе, а вмѣстѣ—и г. Кострома. Представляется справедливымъ сказать, что если, по суду исторіи, Новгородъ знаменитъ бывшею въ немъ колыбелью монархіи, Кіевъ знаменитъ купелью христіанства въ Россіи; а въ Москвѣ спаслись отечество и вѣра, то въ 1613 году и знаменитость Новгорода и честь Москвы совокупно перешли на г. Кострому, изъ котораго вышелъ на спасеніе отечества и вѣры родоначальникъ царственнаго, благословеннаго Богомъ, державнаго Дома Романовыхъ.

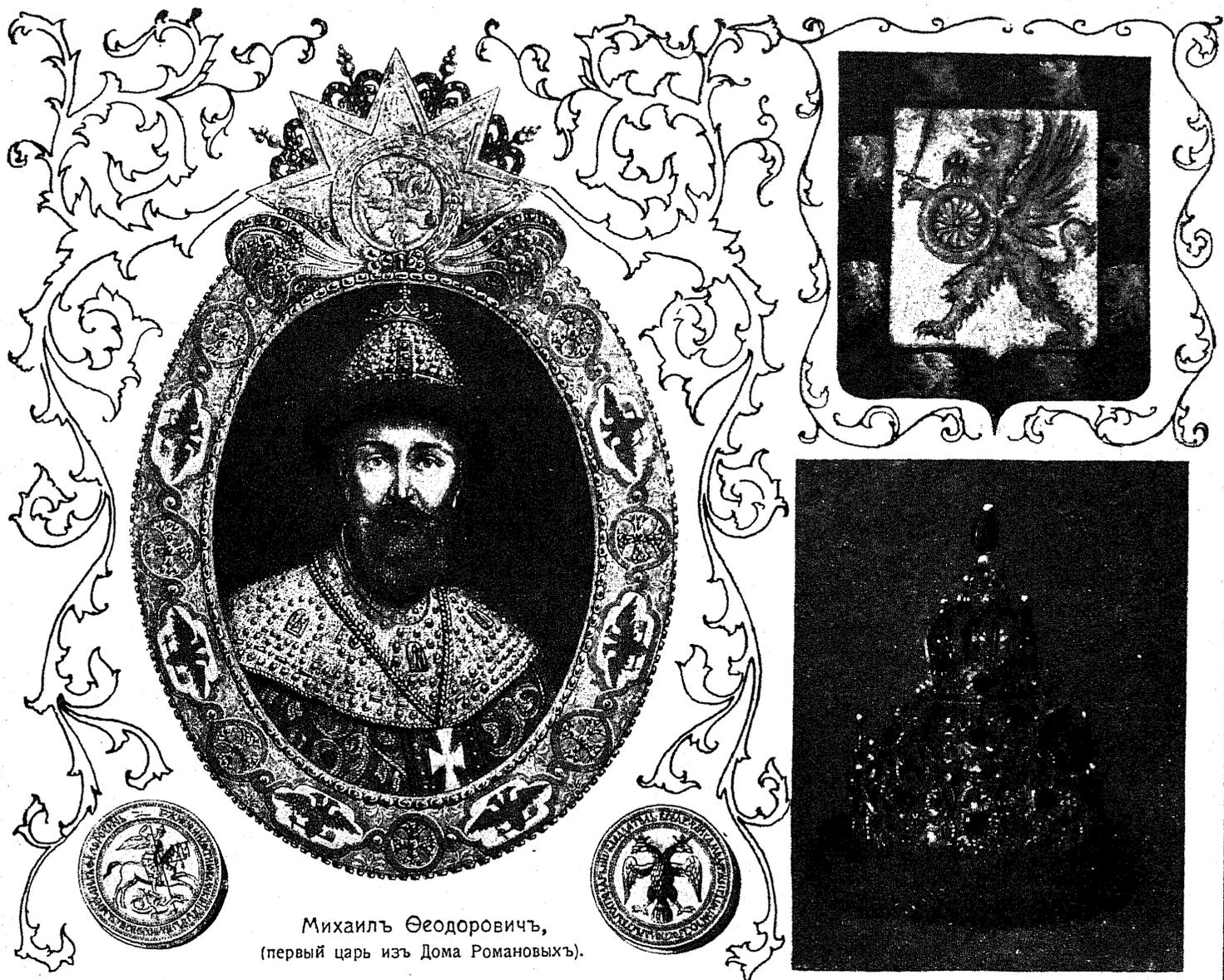
По воцареніи Михаила Θεодоровича въ Троицкомъ Ипат. храмѣ, московское посольство стало просить его, поспѣшно ѣхать въ Москву, и онъ, отпустивъ пословъ, сказалъ, что «поѣдетъ въ Москву скоро». 19 марта царь Михаилъ Θεодоровичъ торжественно былъ сопровождаемъ до, т. н. Зеленой башни Ипатіева монастыря и затѣмъ отправился въ Москву чрезъ Ярославль. Спрашивается теперь: долго ли Михаилъ Θεодоровичъ жилъ въ Ипатіевскомъ монастырѣ въ началѣ 1613 г.? Извѣстно, что, по освобожденіи изъ польскаго заключенія въ Москвѣ въ октябрь 1612 года, Михаилъ Θεодоровичъ и инокиня Марѳа отправились на жительство въ свою Костромскую вотчину—Домнино. Отсюда они, несомнѣнно путешествовали на Унжу, въ Макарьевскій монастырь для поклоненія св. мощамъ преп. Макарія. Паломническое путешествіе это было тогда, когда отецъ Михаила—митрополитъ Филаретъ пребывалъ еще въ Польшѣ, оставленный поляками въ видѣ заложника, или, точнѣе, послѣ того, какъ они въ самомъ концѣ октября или въ началѣ ноября 1612 года прибыли въ с. Домнино изъ Москвы. Если примемъ во вниманіе, что путешествіе въ Макарьеву обитель требовало времени, по меньшей мѣрѣ, нѣсколько недѣль, то, судя по одному этому должны заключить, что Михаилъ и инокиня Романовы, для безопасности отъ нападеній поляковъ, могли переселиться въ Ипатіевъ монастырь отнюдь не ранѣе самаго конца 1612 года или, вѣрнѣе, въ началѣ 1613 года. Съ другой же стороны, польскій отрядъ получилъ порученіе отъ своихъ командировъ отыскать и схватить будущаго русскаго царя Михаила Θεодоровича, и затѣмъ прибылъ съ этой шелью въ Костромскую его вотчину, конечно, тогда, когда онъ былъ намѣченъ царемъ не ранѣе 7 февраля, а, можетъ быть, когда онъ былъ уже избранъ на

царство въ Москвѣ 21 февраля 1613 года. Слѣдовательно, поляки до февраля 1613 года, не имѣли повода разыскивать всероссійскаго избранника на царство, и были въ Домнинѣ, или не ранѣе какъ въ первой половинѣ февраля, или даже въ началѣ марта 1613 года. По всѣмъ же историческимъ памятникамъ Михаилъ Ѳеодоровичъ оставилъ свое вотчинное село Домнино только съ появленіемъ искавшихъ его поляковъ, по извѣщеніи Сабиннымъ объ опасности немедленно ухавъ окрестными дорогами въ Ипатіевъ монастырь. Если такъ, то Михаилъ Ѳеодоровичъ со времени укрыательства въ этомъ монастырѣ до своего отбытія изъ него въ Москву 19 марта 1613 г. пребывалъ немного больше, если только не меньше, одного мѣсяца, приблизительно съ половины февраля (времени нашествія поляковъ въ Домнино) до 19 марта 1613 года, въ какой день онъ съ матерію инокинею отправился въ столицу государства.

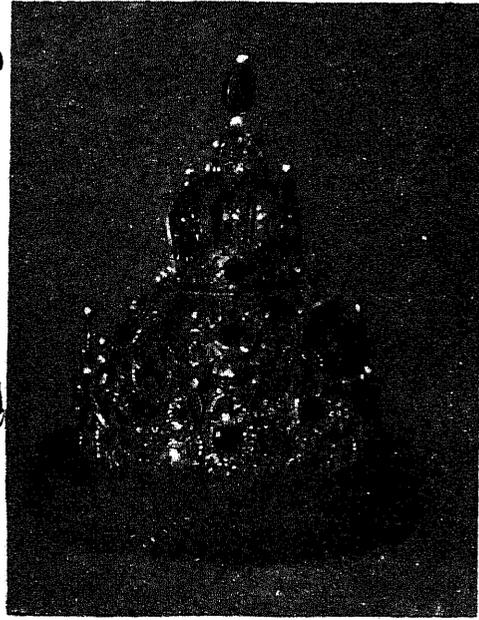
Путешествіе царя Михаила Ѳеодоровича въ Москву было чрезвычайно медленное, такъ какъ раззоренныя дороги долго не могли служить удобнымъ путемъ. Когда онъ прибылъ въ г. Ярославль, остановившись въ Спасскомъ монастырѣ, здѣсь стали стекаться изъ сосѣднихъ городовъ на поклонъ ему — государю, многіе дворяне, дѣти боярскія, торговые люди и вообще народъ большими толпами, выражая свои симпатіи молодому царю. Въ Ярославль онъ оставался мѣсяцъ, частію изъ-за весенней распутицы, частію въ виду происходившихъ въ Москвѣ неустройствъ, давая возможность дѣламъ придти въ большій порядокъ, а столицѣ приготовиться къ должному принятію новозбраннаго царя, почему между Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и Великою Земскою Думою происходили дѣятельныя сношенія и взаимная пересылка грамотами. Уже въ срединѣ апрѣля, когда прошелъ ледъ и сбыва вода, царь съ своею свитою двинулся дальше къ Москвѣ, потребовавши, чтобы къ его приѣзду приготовили ему помѣщеніе. Путь Михаила Ѳеодоровича въ Москву былъ настоящимъ торжественнымъ шествіемъ: народъ выходилъ на дорогу съ хлѣбомъ и солью; духовенство встрѣчало при церквахъ съ хоругвями и иконами. Проѣхавши черезъ Ростовъ и Переяславль Залѣвскій, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ 26 апрѣля былъ уже около Троице-Сергіева монастыря. Въ послѣднемъ онъ молился чудотворнымъ иконамъ и поклонялся многоцѣлебнымъ мощамъ. Наконецъ, въ воскресенье 2 мая, Москва, съ освященнымъ

соборомъ и со крестами, съ боярами, дворянами и всякихъ чиновъ людьми, за городомъ торжественно и восторженно встрѣтила юнаго царя. Съ матерію инокиней Марѳою, они прибыли прямо въ Успенскій соборъ, гдѣ совершены были молебны, —отсюда прошли въ Архангельскій и потомъ Благовѣщенскій соборы. Затѣмъ Михаилъ Ѳеодоровичъ расположился въ Кремлевскомъ дворцѣ въ отремонтированномъ верхнемъ теремѣ царицы Анастасіи Романовны, —а для старицы Марѳы приготовлены были хоромы въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Въ 11-й день іюля въ Успенскомъ соборѣ происходило вѣнчаніе Михаила Ѳеодоровича на царство.

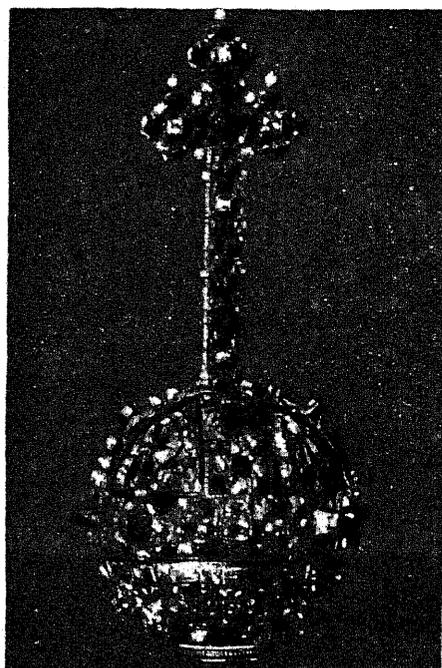
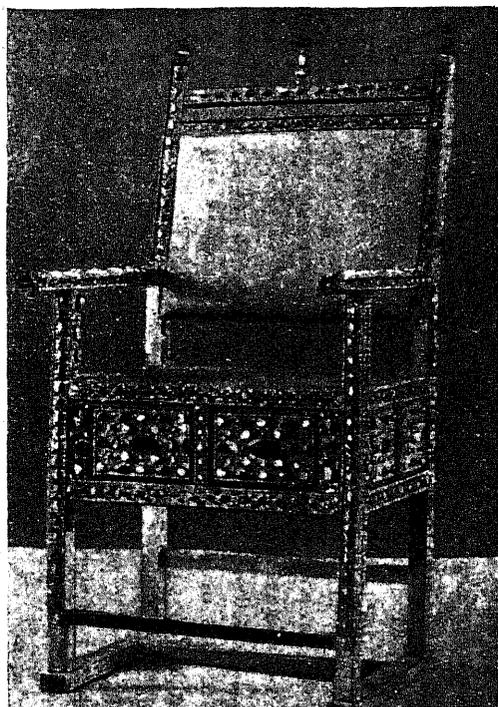
Священнодѣйствіе царскаго вѣнчанія Михаила Ѳеодоровича было совершено Ефремомъ, митрополитомъ казанскимъ и свіяжскимъ, по тому же уставу, по какому оно съ обычными обрядами и церемоніями было совершено надъ послѣднимъ представителемъ угасшей царской династіи — Ѳеодоромъ Ивановичемъ. Предъ выходомъ на коронованіе въ соборную церковь государь сълъ въ золотой (расписанной по золотому полю) палатѣ на царскомъ мѣстѣ, и соизволилъ пожаловать въ боярскій санъ двухъ стольниковъ: свойственника семьи Романовыхъ, князя Ивана Б. Черкаскаго и знаменитаго воеводу князя Дмитрія М. Пожарскаго. Сперва предъ литургіей, торжественно были принесены въ Успенскій соборъ шапка и бармы Мономаха, скипетръ и держава. Затѣмъ состоялся выходъ государя изъ Золотой палаты въ Успенскій соборъ. Предъ началомъ литургіи на него возложенъ былъ царскій вѣнецъ, бармы и животворящій крестъ. Предъ причащеніемъ совершено надъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ священное миропомазаніе изъ того сосуда, который нѣкогда принадлежалъ римскому императору Августу, и изъ котораго донинѣ помазываются на царство наши государи. Потомъ, Богомъ вѣнчанный и помазанный Царь приобщился Тѣла и Крови Христовыхъ. Знаки царскаго достоинства держали въ соборѣ — корону и шапку Мономахову бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ, скипетръ — князь Дмитрій Тим. Трубецкой, державу (яблоко) — Дм. Мих. Пожарскій. Послѣ вѣнчанія на царство старѣйшій бояринъ князь Ѳ. И. Мстиславскій три раза осыпалъ государя золотыми: въ Успенскихъ дверяхъ, потомъ въ дверяхъ при выходѣ изъ Архангельскаго собора и послѣ выхода изъ Благовѣщенскаго собора, на Золотой лѣстницѣ подлѣ Грановитой палаты. Въ этой палатѣ были устроены

Михаиль Θεодоровичъ,
(первый царь изъ Дома Романовыхъ).

Царскій вѣнецъ.

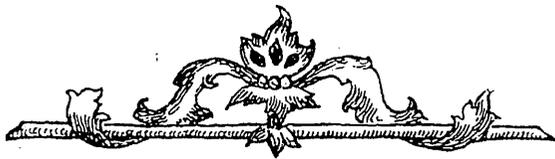

Скипетръ, тронъ и держава царя Михаила Θεодоровича.

пиршественные столы для духовенства, бояръ, окопничихъ и думныхъ людей. Въ слѣдующее число—12 юля, Государь праздновалъ день своего ангела, и въ этотъ день пожаловалъ Козьму Минина въ думные дворяне. Три дня шумно и радостно праздновала Москва вступление Михаила на престолъ. «Самъ Богъ предъизбралъ и помазалъ Михаила на царство», говоритъ народъ. Коронаціей Михаила Феодоровича начинается въ Россіи новый періодъ, и вмѣсть кончается смутная эпоха.

Теперь, бросая бѣглый взглядъ на, предшествовавшій воцаренію Михаила Феодоровича, смутный періодъ, мы не можемъ не сказать, что основная причина смуты заключалась ни въ чемъ иномъ, какъ въ трудности найти основателя новой царской династіи такого,—какому были-бы вполне подходящи шапка и бармы Мономаха, вѣнчавшія наследственныхъ, прирожденныхъ государей нашихъ. Если бы царь Феодоръ Ивановичъ предъ смертію указалъ патриарху преемника себѣ въ лицѣ царственного и любимаго народомъ боярина Феодора Никитича Романова, тяжкій вопросъ о новомъ царѣ и царствующемъ домѣ тогда же разрѣшился-бы: и смуты не послѣдовало бы, той смуты, которая дошла до междуцарствія, до лихолѣтя, до полного разрушенія русскаго государства. Но Феодоръ Ивановичъ не сдѣлалъ этого: онъ не указалъ и на своего шурина, тогдашняго правителя государства Бориса Ѡ. Годунова. И народъ, по необходимости, долженъ былъ самъ, въ лицѣ высшихъ правительственныхъ лицъ, рѣшать трудный вопросъ,—кому вручить верховную власть въ государствѣ. По взгляду историка Д. И. Ило-

вайскаго, «вообще на смутное время можно смотреть, какъ на историческое горнило или тяжелое испытаніе, испосланное русскому народу, которое онъ выдержалъ до конца, и въ которомъ еще болѣе закалились его терпѣніе и преданность Божественному Промыслу. Отъ своихъ вѣншихъ и внутреннихъ враговъ въ эту эпоху Русь освободилась одними собственными силами, безъ всякой посторонней помощи, какъ и отъ ига татарскаго. Смуты дала возможность обнаружиться и высказаться всѣмъ отрицательнымъ сторонамъ государственной и народной жизни и всѣмъ другимъ сокамъ, накопившимся въ теченіе предыдущаго періода» (267 стр. Смутное время Московскаго Государства, М., 1894 г.). К. С. Аксаковъ видитъ въ смутѣ торжество «земли», и послѣдствіемъ смуты считаетъ укрѣпленіе союза «земли» и «государства» или правительства; во время смуты, «земля» встала какъ единое цѣлое и возстановила государственную власть, спасла государство и скрѣпила свой союзъ съ нимъ. Но этотъ смутный періодъ, составляющій самое тяжкое во всей русскаго исторіи пятнадцатилѣтіе, ясно показалъ, что народъ русскій безусловно чуждъ революціонныхъ стремленій и представляетъ поразительную преданность чистой, неограниченной, безъ смѣшенія къ народовластіемъ, наследственной самодержавной монархіи, какъ увидимъ въ концѣ третьей главы, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она создана была многовѣковымъ историческимъ трудомъ ко времени Иоанна III, и въ какомъ существовала при царяхъ Иоаннъ Васильевичъ IV и сынъ его Феодоръ Ивановичъ.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ.

(1613—1645).

Въ самомъ началѣ, и вообще въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича, Россійское государство находилось въ самомъ блестящемъ состояніи. Смутное время сильно разорило Россію, обезлюдило ее,—города и селенія были тогда выжжены и множество полей оставалось въ запустыніи. Государственная казна была совершенно пуста; даже милостей и льготъ Михаилъ Ѳеодоровичъ не могъ дать для торжества своего царскаго вѣнчанія; нечѣмъ было не только жаловать служилыхъ людей, но даже отстроить кремлевскіе дворцы, которые стояли безъ крышъ и оконъ. Вся Москва, разоренная поляками, находилась въ развалинахъ. И вотъ, московское правительство при царѣ Михаилѣ прежде всего озаботилось о сборѣ денегъ для содержанія ратныхъ людей и удовлетворенія прочихъ важныхъ нуждъ государства. Въ первые же дни по пріѣздѣ царя въ Москву, соборомъ въ маѣ 1613 года приговорили: собрать недомки, пригласить, особенно торговыхъ людей, по мѣрѣ силъ внести въ казну деньгами, хлѣбомъ, сукнами и другими товарами на жалованье ратнымъ людямъ, также просить денегъ взаймы у немногихъ людей достатка; приходилось просить даже у торговыхъ иностранцевъ, и отъ Англіи принять заимобразно денежное пособіе въ 20 тысячъ рублей. Особая грамота отъ царя и особая отъ собора московскаго были отправлены въ Сольвычегодскъ къ извѣстнымъ солепромышленникамъ Максиму Я., Никитѣ Г. и

Петру С. Строгановымъ съ просьбой о денежной помощи разоренному государству. И они въ 1614 году прислали добровольно три тысячи рублей, представлявшихъ для тогдашняго времени довольно значительную сумму. Годъ спустя, указомъ государя и приговоромъ великой земской думы назначенъ по крайней необходимости сборъ «пятой доли» и даже не съ доходовъ, а съ каждаго имущества посадскихъ людей, т. е. гостей, торговыхъ и черныхъ людей, а уѣздные люди, крестьяне обложены были по 120 рублей съ сохи «живущей» или обрабатываемой (соха равнялась 800 десятинамъ приблизительно). Строгановымъ приходилось по разверсткѣ приплатить 13.800 рублей; въ 1616 году предписано имъ прислать въ Москву полные 16 тысячъ рублей, а затѣмъ постановлено взыскать со Строгановыхъ еще 40 тысячъ рублей въ счетъ будущихъ съ нихъ податей и пошлинъ, и царь Михаилъ Ѳеодоровичъ просилъ ихъ «не по жалать животовъ своихъ».

Насколько села и деревни вообще были разорены и земля обезлюдѣла, достаточно видно изъ сообщеній иностранныхъ пословъ о томъ, что, проѣзжая сотни верстъ, они встрѣчали сильно разоренные села и города съ домами, наполненными трупами; въ домахъ же нельзя было отъ трупнаго запаха пріютиться на ночлегъ и приходилось ночевать въ поляхъ. Такъ, одинъ изъ голландскихъ пословъ, пріѣзжавшій въ это время въ Москву, пишетъ, что на пути изъ Ревеля въ Новгородъ гол-

ландцы нигдѣ не находили селеній, и почти всегда должны были ночевать въ лѣсу; лишь изрѣдка встрѣчался имъ гдѣ-нибудь полуразрушенный монастырь. На пути изъ Новгорода въ Москву, они также находили много необитаемыхъ хижинъ, почевали въ опустѣлыхъ лѣрвеняхъ и прежде, нежели пріютиться въ избу, вынуждены были выносить изъ нея трупы жителей, убитыхъ казаками. Чтобы имѣть наглядное, вполне вѣрное представленіе о степени опустошенія Россіи, приведемъ подлинное донесеніе изъ Углича. «На Угличъ ратныхъ людей, дворянъ, дѣтей боярскихъ и иноземцевъ нѣтъ, всѣ посланы на твои государевы службы, стрельцовъ и вортниковъ нѣтъ ни одного челоука, только шесть челоукъ пушкарей да и тѣ голодны, и для осаднаго времени хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ же, а съ Углическаго узда хлѣбныхъ запасовъ собрать не съ кого; зелейной пороховой казны мало, у острога мосты не домощены, въ башняхъ мосты погнили; посадскіе люди отъ кабацкаго недобора и отъ великой хлѣбной дороговизны, съ женами и дѣтьми побрели розно, а которые и остались, тѣ къ осадному силъню страшливы и къ приступнымъ мѣрамъ безъ ратныхъ людей торопки, потому что отъ Литвы были выжжены и высѣчены и разорились безъ остатка, а изъ узда сошныя люди лѣтнею порою въ осаду совсѣмъ для тѣсноты не пойдутъ, да и потому что въ городѣ у нихъ хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ, бѣгаютъ по лѣсамъ». По словамъ историка С. Соловьева, ни одинъ Угличъ, а многіе города, въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича находились въ точно такомъ же положеніи.

Слишкомъ мало было въ Россіи всякихъ средствъ и самыхъ людей для государственныхъ нуждъ, между тѣмъ враговъ было очень много, и они, по воцареніи Михаила Ѳеодоровича, продолжали терзать Русь и внутри и извнѣ. Внутри государства казацкія шайки и разныя вору и разбойники продолжали бродить повсюду и все грабили и опустошали. Но особенный страхъ наводилъ неутомимый польскій наездникъ Лисовскій, который съ необыкновенной быстротой переходилъ изъ одного края Руси въ другой, и на своемъ пути все истреблялъ безпощадно. На югостокъ Россіи злодѣйствовалъ атаманъ Заруцкій, при которомъ находилась жена Ажедмитрія съ трехлѣтнимъ сыномъ Ивашкой, котораго Заруцкій мечталъ посадить на московскій престолъ, чтобы его именемъ управлять государствомъ. Города пограничныя находились въ рукахъ враговъ:

Кексгольмъ, Оръшекъ и самый Новгородъ были заняты шведами, и ихъ король Густавъ Адольфъ, желая возвести на московскій тронъ своего брата Филиппа, осаждалъ Псковъ, Смоленскъ, Дорогобужъ; Черниговъ занимали поляки. Владиславъ королевичъ грозилъ юному Михаилу Ѳеодоровичу отнять у него врученную ему царскій скипетръ. Тула съ трудомъ защищалась отъ татаръ крымскихъ и ногайскихъ. Казань волновалась. Шайки запорожцевъ, отряды поляковъ и татаръ бродили внутри Россіи, большею частію опустошенной.

При такомъ безотрадномъ состояніи Михаилъ Ѳеодоровичъ, несмотря на свою неопытность при молодости, устремился къ освобожденію Россіи отъ враговъ и насажденію въ ней порядка, разрушеннаго въ смутное время. Возстановивъ средства государственной казны, установленнымъ сборомъ податей и недоимокъ, также займомъ отъ Строгановыхъ значительной суммы денегъ, царь Михаилъ началъ дѣйствіе противъ внутреннихъ враговъ, изъ нихъ же Заруцкій являлся наиболее опаснымъ, и потому на него прежде всего было обращено главное вниманіе.

Вскорѣ послѣ того, какъ Москва праздновала возвращеніе государства къ порядку, и послѣ ряда случайныхъ похитителей трона наконецъ увидѣла царя, избраннаго всей землей и, следовательно, вполне законнаго, оказалось, что на югъ государства поднималась опять воровская смута. Атаманъ казаковъ Заруцкій и Марина Мнишекъ не переставали провозглашать трехлѣтняго мнимаго царевича Ивана (Дмитріевича) наследникомъ русскаго престола и призывали къ себѣ вольницу. Казаки великорусскіе въ большинствѣ уже обращались къ новоизбранному царю Михаилу Ѳеодоровичу, надѣясь, что, онъ, избранный съ участіемъ ихъ, будетъ царемъ желаннымъ и для нихъ; но по Московской Руси тогда бродило множество черкесъ (малоруссовъ): они были чужіе Московскому государству и по сердцу, и по преданіямъ и готовились терзать его. Они стеклись къ Заруцкому. Еще на своемъ пути въ Москву молодой царь Михаилъ потребовалъ отъ бояръ посланки войска противъ Заруцкаго, который съ своими казацкими шайками держался на Рязанской и Тульской крайнѣ. Противъ него отправили войско подъ предводительствомъ князя Одоевскаго, и оно послѣ упорной битвы разбило вольницу Заруцкаго подъ Воронежемъ и заставило ихъ предводителя и Марину съ Ивашкою убѣжать на Донъ, къ Медвѣдицѣ. Это

пораженіе Заруцкаго было первою побѣдою новаго царя, и о Заруцкомъ болѣе не стали думать, полагая, что онъ не будетъ болѣе вредить Россіи.

Но Заруцкій, къ веснѣ 1614 года, оказался въ Астраханн и тамъ нашель себя притонъ, при чемъ старался привлечь на свою сторону казаковъ съ Волги, Дона и Терека, обольщая ихъ надеждою на богатую добычу и обещаніями всякихъ вольностей. Набравши себя вольницы многое множество, Заруцкій изъ Астрахани уже выступилъ съ широкой затѣей. Онъ задумалъ наикнуть на Русь силы персидскаго шаха Аббаса, вовлечь въ дѣло и Турцію, поднять юртовскихъ татаръ, ногаевъ, волжскихъ казаковъ, стянуть къ себя всѣ бродячія шайки черкесъ и воровъ Московскаго государства, и со всѣми ими идти вверхъ по Волгѣ—покорять своей власти города. Заруцкій желалъ склонить персидскаго шаха обещаніемъ отдать г. Астрахань, но шахъ не захотѣлъ ссориться съ Московскимъ государствомъ, и людей и казны Заруцкому не далъ. У донскихъ казаковъ Заруцкій встрѣтилъ мало симпатій: они остались вѣрны Михаилу Теодоровичу; склонилась же на его сторону лишь часть волжскихъ казаковъ,—сбродъ разныхъ бѣглецовъ, жившихъ станицами по берегамъ Волги, ниже истребленнаго тогда г. Саратова. Терскіе же казаки сперва всѣ поголовно поддались Заруцкому. Московское правительство хорошо понимало, что казаки представляютъ собою большую силу, и потому затѣя Заруцкаго съ казаками не могла оставаться безъ вниманія со стороны правительства. Вновь посланъ былъ воевода князь Одоевскій для очищенія Астрахани и Поволжья отъ злодѣевъ, разорявшихъ города и проливавшихъ кровь. Заруцкій, между прочимъ, особенно неистовствовалъ надъ духовенствомъ,—топилъ священниковъ и монаховъ, грабилъ ихъ жилища, и въ поруганіе святыни приказалъ сдѣлать себѣ стремяна изъ серебрянаго каддила Тронце-Сергіева монастыря.

Царь Михаилъ Теодоровичъ, посылая Одоевскаго противъ атамана Заруцкаго, не хотѣлъ проливать крови христіанской, а потому Заруцкому была отправлена увѣщательная грамота отъ царя и освященнаго собора духовенства и великой земской думы. Въ царской грамотѣ было, между прочимъ, писано къ Заруцкому,—«чтобы онъ отъ такихъ неприличныхъ дѣлъ отсталъ»: государь обещалъ «по своему царскому милостивому праву отдать вины Заруцкому и поправить ихъ царскимъ милосердіемъ». вмѣстѣ съ грамотами

къ Заруцкому отправлены были грамоты къ донскимъ и волжскимъ казакамъ съ увѣщаніемъ ихъ—не вѣрять «злодѣйской прелести Ивашки Заруцкаго и Сеномирской дочери, быть въ состояніи неотступномъ со всѣмъ великимъ Россійскимъ Государствомъ, и идти на государеву службу на спѣхъ за православную вѣру и за роззореніе великихъ Россійскихъ государствъ и за свою христіанскую природу и за отечество». Увѣщанія эти подкрѣплялись посылкою на Донъ и Волгу царскихъ подарковъ деньгами, сукнами, хлѣбными и военными припасами. Воевода Н. Одоевскій и околыничій С. Головинъ прибыли въ Казань и стали ожидать ратныхъ людей изъ сосѣднихъ городовъ. Между тѣмъ, съ сѣвера шла голятьба на помощь Заруцкому, но была переловлена на полупутн. Въ Астраханн произошло возмущеніе противъ него—вслѣдствіе его жестокихъ казней недовольныхъ гражданъ и грабежа ихъ имущества, и небольшой, въ 700 человекъ стрѣлцкій отрядъ подъ начальствомъ В. Хохлова, выгнавъ его изъ астраханскаго кремля, гдѣ атаманъ заперся съ 800 волжскихъ казаковъ и нѣсколькими сотнями другихъ мятежниковъ, разбилъ его. Заруцкій бѣжалъ въ маѣ 1614 года и былъ взятъ на Яикѣ, на Медвѣжьемъ островѣ—въ острожкѣ вмѣстѣ «съ Марникою и Ивашкою». 6 іюля эти плѣнники привезены въ Астрахань, откуда 13 іюля «съ великимъ береженьемъ скованныхъ» ихъ отправили въ Казань, а оттуда по государеву указу въ Москву. Вскорѣ, по приѣздѣ сюда послѣдовала казнь Заруцкаго: его посадили на колъ, Маринна же, по свидѣтельству русскихъ, окончила свое бурное, полное великихъ превратностей, существованіе въ тюрьмѣ—отъ болѣзни и съ тоски по своей волѣ, а по свидѣтельству поляковъ, была умерщвлена. Четырехлѣтній сынъ ея Ивашка былъ повѣшенъ.

Уничтоженъ былъ внутренній врагъ Заруцкій, одинъ изъ опаснѣйшихъ враговъ; умиротворены Волга и Донъ; оставалось покончить съ воровскими казачьими шайками, которыя разсыпались по всѣмъ областямъ государства, всячески громили Русь внутри страны и на сѣверѣ (особенно на верхнемъ Поволжьи, въ Пошехоньи, Бѣлозерскомъ, Бѣжецкомъ и другихъ сосѣднихъ краяхъ). Земскій соборъ 1 сентября 1614 года, по предложенію царя обсуждая вопросъ о мѣрахъ противъ воровскихъ казаковъ, рѣшилъ послать къ нимъ для увѣщанія суздальскаго архіепископа Герасима и князя Б. М. Лыкова. Отправленный по рѣ-

шенію собора, Лыковъ извѣщалъ, что казаки то соглашались оставить грабежи и служить Москвѣ, то снова отказывались и бунтовали. Особенно буйствовалъ главный казакій атаманъ Баловень, шайка котораго жестоко мучила и грабила населеніе, а затѣмъ, послѣ переговоровъ съ Лыковымъ, порѣшила идти къ Москвѣ, говоря, что хочетъ бить челомъ государю. Подойдя къ ней, казаки остановились по Троицкой дорогѣ въ селѣ Ростокинѣ, и отсюда прислали къ государю бить челомъ, что они хотятъ ему служить; когда начали составлять списки тѣхъ, которые отстанутъ отъ воровъ, чтобы служить и прямить государю, они снова упорствовали и стали угрожать Москвѣ. Но въ то же время, пришелъ къ Москвѣ съ сѣвера князь Лыковъ съ отрядомъ войска, а изъ Москвы околыничій Измайловъ, и вмѣстѣ они напали на казаковъ. Послѣдніе нѣсколько разъ на голову были разбиты царскимъ войскомъ, послѣ чего значительная часть казаковъ присягнули на вѣрную службу, а другіе разбѣжались. Часть казаковъ (больше 3 тысячъ) была переловлена и разослана по тюрьмамъ, Баловень былъ схваченъ и казненъ черезъ повѣшеніе.

Одновременно съ Заруцкимъ и казаками московское государство терпѣло разоренія отъ литовскихъ шаекъ, благодаря тому, что начавшая въ смутное время Сигизмундомъ III война съ Москвою не прекращалась. Самымъ отчаяннымъ и неутомимымъ хищникомъ въ это время явился отважный полковникъ Лисовскій, который ранѣе занималъ псковскіе пригороды съ своею хищною дружиною, явившеюся грабить Россію въ годы смутнаго времени. Тогда, какъ бродившіе по Россіи отряды были въ то время стѣснены царскими войсками, только съ шайкой Лисовскаго никакъ не могли справиться: онъ былъ неуловимъ съ своей хищной дружиной «лисовчиковъ», состоявшихъ изъ людей разныхъ націй. Противъ Лисовскаго въ іюнь 1615 года отправленъ былъ знаменитый князь Д. М. Пожарскій, и онъ съ 15 тысячами ратныхъ людей долго преслѣдовалъ его дружину, но безуспѣшно. Около Орла Пожарскій столкнулся съ Лисовскимъ и вступилъ въ бой; здѣсь передовые отряды перваго не выдержали и обратились въ бѣгство; но Пожарскій устоялъ на мѣстѣ, имѣя съ собою 600 человекъ, и едва не погибъ отъ 3000 лисовчиковъ. Пожарскій тогда огородился тѣльгами и съѣлъ въ обозѣ, а Лисовскій, не зная, что у него такъ мало людей, не осмѣлился напасть; къ утру же къ Пожарскому явилось значи-

тельная помощь. Смѣлый наездникъ Лисовскій отступилъ и, преслѣдуемый погоней, искусно и чрезвычайно быстро пробирался между городами, опустошая все на своемъ пути и дѣлая обширный кругъ: онъ прокрался между Ярославлемъ и Костромой по Суздальскимъ мѣстамъ, потомъ между Владиміромъ и Муромомъ, между Коломною и Переяславлемъ Рязанскимъ, между Тверью и Серпуховымъ до Алексина и т. д. вокругъ Москвы. Когда Пожарскій тяжело заболѣлъ, и былъ отвезенъ въ Калугу, и другіе воеводы выступили противъ Лисовскаго уже не съ такой энергіей, послѣдній сталъ дѣйствовать еще смѣлье; даже Москва не разъ вооружалась въ ожиданіи нападенія его. Наконецъ Лисовскій, много разоривъ и награвивъ, благополучно ушелъ въ Литву послѣ своего изумительно скорого перехода. Внезапная смерть Лисовскаго избавила Россію отъ этого опаснаго врага: въ 1616 году онъ, вслѣдствіе паденія съ лошади, сломалъ себѣ шею въ день, посвященный памяти преп. Сергія Радонежскаго чудотворца, который, по взгляду современниковъ, «наказалъ его за осаду Троицкой лавры».

Очищая московское государство отъ враговъ внутреннихъ, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ не упускалъ изъ вида сильныхъ и грозныхъ враговъ внѣшнихъ, шведовъ и литво-поляковъ, съ которыми и былъ вынужденъ вести войны одновременно. Эти, враждебные союзы Россіи, не только старались удержать въ своихъ рукахъ захваченныя ими русскія области, но и отставали своихъ претендентовъ на московскій престолъ и не хотѣли признавать Михаила Ѳеодоровича законно-избраннымъ царемъ. Хотя наиболѣе опаснымъ врагомъ внѣшнимъ была Польша, но приходилось прежде считаться съ Швеціей, которая начала серьезную войну еще осенью 1614 года. Неприятности съ Швеціей царь Михаилъ Ѳеодоровичъ имѣлъ возможность прекратить однако же скорѣе, чѣмъ съ Польшей. Король Густавъ-Адольфъ, со времени избранія Михаила на царство, лишился надежды доставить русскій престолъ брату своему Карлу-Филиппу, но, нуждаясь въ средствахъ, Густавъ подъ предлогомъ вознагражденія за понесенные убытки, вознамѣрился, пользуясь бѣдственнымъ положеніемъ Россіи, присвоить нѣкоторыя изъ русскихъ областей (Новгородъ, г. Тихвинъ и др.). Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ отправилъ подъ Новгородъ противъ шведовъ большое войско подъ предводительствомъ князя Д. Т. Трубецкого, но полководецъ ихъ Делагарди разбилъ

его на голову при Бронницахъ. Задумавши присвоить новгородскую область, самъ король шведскій явился въ сѣверо-западной Руси, взялъ Гдовъ (1614 г.), а въ июль 1615 года выступилъ въ походъ противъ г. Пскова. Начальствовавшіе въ этомъ городѣ воеводы В. П. Морозовъ и А. Бутурлинъ мужественно отразили всѣ нападенія шведовъ, которые три дня громили Псковъ, но безуспѣшно; даже въ одной изъ вылазокъ былъ убитъ храбрый шведскій фельдмаршалъ Э. Горнъ. Неустрашимая оборона Пскова принудила короля Густава при его недостаточныхъ силахъ снять осаду и вступить въ мирные договоры, тѣмъ болѣе, что шведское государство принуждено было тогда уже вести войну и съ Польшей, изъ-за притязаній Сигизмунда на корону шведскую. Переговоры продолжались цѣлый годъ, съ января 1616 года по февраль 1617 года, сначала въ Дедеринѣ (между Осташковымъ и Старой Руссой), а потомъ въ Столбовѣ. Слѣдствиемъ переговоровъ, при дѣятельномъ посредничествѣ англійскаго агента Джона Мерика, хлопотавшаго въ видахъ торговыхъ и скорѣйшемъ прекращеніи войны, было заключеніе мира въ деревнѣ Столбовѣ (близъ Тихвина) въ 1617 году.

По Столбовскому договору Густавъ-Адольфъ уступилъ русскимъ занятые шведами города: Новгородъ-Великій, Старую Руссу, Порховъ, Гдовъ, Ладогу, а Россія уступила Швеціи—Иванъ-городъ, Ямбургъ и всю Ингерманландію (нынѣшнюю Петербургскую губернію), заплативъ, сверхъ того, 20 тысячъ серебряныхъ рублей; при этомъ Филиппъ, братъ Густава, отказался отъ притязаній на російскій престолъ. Царь Михаилъ Феодоровичъ не могъ не скорбѣть о потерѣ прибалтійскихъ областей, сближавшихъ торговлю и сношенія Россіи съ европейскими государствами, но, несмотря на это пожертвованіе, считалъ окончаніе войны съ Швеціей радостнымъ событіемъ, потому что къ Москвѣ возвратилась, имѣющая большое для нея значеніе, древняя Новгородская область, притомъ же однимъ претендентомъ на тронъ, какъ и однимъ врагомъ, стало меньше. Теперь возможно было смѣлѣе обращаться съ Польшей, усилить русское войско и употребить всѣ свои силы противъ упорнѣйшаго врага Россіи—короля Сигизмунда, почему царь Михаилъ праздновалъ торжественно Столбовскій миръ. Густавъ-же Адольфъ остался очень доволенъ этимъ договоромъ, поскольку очень хорошо понималъ всю важность того обстоятельства, что въ рукахъ шведовъ оставалось все теченіе

р. Невы, и русскіе теперь были совершенно отрезаны отъ Балтійскаго моря. На сеймѣ въ своей рѣчи къ шведскимъ государственнымъ чинамъ по повелѣю Столбовскаго договора, онъ хвастливо говорилъ такъ: «Россія болѣе не опасный сосѣдь для шведовъ... Теперь безъ нашего позволенія русскіе не могутъ выслать ни одной лодки въ Балтійское море. Намъ отдѣляются отъ нея великія озера: Ладожское и Пейпусъ. Нарвская долина, болота въ 30 миль шириною и сильныя крѣпости... Слава Богу, теперь у русскихъ отнятъ доступъ къ англійскому морю, и я надѣюсь, что русскимъ не такъ-то легко будетъ перепрыгнуть чрезъ этотъ ручеекъ, отнявъ отъ шведовъ это исконное достояніе Россіи, и здѣсь уже болѣе 200 лѣтъ назадъ царь Петръ прорубилъ окно въ Западную Европу, основавъ свой Петербургъ.

Послѣ заключенія мира со шведами, возобновилась съ новой силой война съ поляками. Польская война требовала еще большаго напряженія: чѣмъ шведская, какъ по относительному тогда могуществу польско-литовскаго государства, такъ и по упорству, съ которымъ поляки не хотѣли признать Михаила Феодоровича царемъ, настанвая на бывшей присягѣ московичей королевичу Владиславу. Въ первые четыре года по вступленіи Михаила на престолъ, между нимъ и королемъ польскимъ Сигизмундомъ не было большихъ военныхъ дѣйствій. Въ Польшу были недовольны Сигизмундомъ за то, что онъ, замысливъ достать московскій престолъ для себя, лишилъ возможности сына Владислава достигнуть этого престола, на которомъ теперь прочно сидѣлъ Михаилъ Феодоровичъ. Сигизмундъ желалъ поправить свою ошибку и начать вновь борьбу съ Россією; но внутреннее устройство Польши препятствовало ему въ томъ. Обстоятельства эти были причиною того, что около четырехъ лѣтъ король не могъ предпринять ничего рѣшительнаго противъ Россіи, между тѣмъ это обстоятельство дало возможность русскимъ безъ большихъ потерь управиться съ Заруцкимъ и примириться со шведами. Сигизмундъ, въ стѣсненномъ своемъ положеніи, вздумалъ прибѣгнуть къ хитрости; онъ предложилъ вступить въ переговоры съ тѣмъ, чтобы рѣшеніе дѣла было предоставлено суду цезаря Матвѣя, въ расположеніи котораго онъ былъ увѣренъ. Но бояре Михаила Феодоровича, съ которыми происходили переговоры, не приняли такого предложенія и въ отвѣтъ исчислили неправды Сигизмунда; въ роковое занятіе и разрушеніе Москвы, планъ царя Василія Шуй-

скаго, пословъ Голлицина и Филарета, смерть патриарха Гермогена, разореніе Россіи и поруганіе ея храмовъ, присвокупивъ, что Владиславу не царствовать въ Москвѣ, и что всѣ русскіе поклялись умереть за царя Михаила Ѳеодоровича. Уполномоченные съѣзжались нѣсколько разъ, но безуспѣшно. Послы польскіе утверждали, что единственное средство къ примиренію—возвести Владислава на престолъ російскій, а русскіе представители требовали возвращенія Смоленска, вывода польскихъ войскъ изъ Россіи, признанія Михаила царемъ, да сверхъ того, чтобы Польша заплатила милліонъ рублей за убытки. Между тѣмъ, частныя непріязненныя дѣйствія продолжались. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Сигизмунда, спѣшилъ возвратить русскіе города, конны овладѣли поляки именемъ Владислава. Уже въ 1614 году отправлена была для этого большая рать и воеводы—послы русскіе, князья Д. М. Черкасскій и И. Ф. Троекуровъ заняли Вязьму, Дорогобужъ, Бѣлую и подступили къ Смоленску, но здѣсь потерпѣли пораженіе отъ литовскихъ отрядовъ. Около того времени открылся подъ Смоленскомъ съѣздъ уполномоченныхъ съ московской и польско-литовской стороны съ ноября по январь 1616 года для заключенія договора или перемирія; но на всѣхъ совѣщаніяхъ стороны не пришли къ соглашенію, и военныя дѣйствія продолжались съ новымъ рвеніемъ въ разныхъ мѣстахъ. Но главная борьба происходила подъ Смоленскомъ, отъ котораго, наконецъ, отступили начальствовавшіе надъ ратью столынки М. Бутурлинъ и И. Пожевъ.

Въ 1616 году король Сигизмундъ успѣлъ склонить сеймъ къ возобновленію войны съ Россіею для возведенія Владислава на престолъ московскій. Варшавскій сеймъ рѣшилъ отправить самого королевича Владислава добывать Москву, но дѣйствовать поляки не спѣшили и много силъ не тратили. Королевичъ выступилъ только чрезъ годъ съ небольшимъ войскомъ, всего въ 11 тысячъ человекъ. Архіепископъ—примасъ Варшавскій, при отправленіи Владислава въ походъ противъ Россіи, сказалъ ему напутственную рѣчь, въ которой королевичу поручалъ «навести заблудшихъ (схизматиковъ—москвичей) на путь мира и спасенія»; на что Владиславъ, не скрывая надежды на распространеніе католической вѣры въ Восточной Руси, рыцарски отвѣчалъ, что главной задачей онъ почитаетъ «славу Господа Бога» и также выгоды республики, «питавшей

его и отправляющей теперь для пріобрѣтенія славы». Во главѣ польскаго войска противъ Россіи шель самъ королевичъ, при чемъ предпослалъ своему походу окружную грамоту къ московскому народу, въ особенности къ служилымъ людямъ (отъ 15 декабря 1617 года), въ которой, сказавъ о своихъ правахъ на російскій престолъ, объявлялъ себя царемъ російскимъ; но военными дѣйствіями руководили литовскій гетманъ Хоткевичъ и Л. Сапѣга. Въ войска Владислава, вслѣдствіе неполученія жалованья, вскорѣ начались волненія, даже бунтъ и грабежи; королевичъ просилъ и ожидалъ помощи изъ Польши; наконецъ, сеймъ ассигновалъ ему небольшую сумму денегъ съ обязательствомъ окончить войну въ тотъ же 1616 г. Между тѣмъ, воззваніе Владислава къ русскому народу о томъ, что онъ—законный царь Россіи, не осталось безъ вліянія на умы нѣкоторыхъ смутьяновъ. Однимъ изъ такихъ былъ воевода Дорогобужа Иванъ Адауровъ, который измѣнилъ царю Михаилу, и сдалъ этотъ городъ Владиславу, и со всѣми воеводами всталъ подъ его знамена. Дорогобужъ былъ занятъ безъ труда, затѣмъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія, взята Вязьма, воевода которой князь П. Пронскій и товарищи его князья М. Бѣлосельскій и Н. Гагаринъ бѣжали въ Москву. Полякамъ еще удалось взять Мещовскъ и Козельскъ; но въ Калугѣ они были отбиты княземъ Д. М. Пожарскимъ. Непріатели осадили Можайскъ. Владислава остановилъ подъ Можайскомъ лѣтомъ 1618 года бояринъ Б. Лыковъ, прославившійся борьбою съ казацкими шайками; онъ съ войскомъ сидѣлъ въ Можайскѣ. Владиславъ нѣсколько разъ пытался овладѣть городомъ, но всѣ усилія его были тщетны. Въ этой осадѣ прошло семь мѣсяцевъ. Лыковъ вмѣстѣ съ Пожарскимъ не допустилъ Владислава двигаться дальѣе и заставилъ его остаться на зимовкѣ въ Вязьмѣ. Здѣсь войско Владислава терпѣло голодъ и холодъ. Сеймъ потребовалъ отъ него начать переговоры о мирѣ, но царь Михаилъ не хотѣлъ и слышать о немъ, пока поляки не выступятъ изъ предѣловъ Россіи, и въ то же время принималъ мѣры къ защитѣ столицы.

Поляки не могли открыть себѣ путь къ Москвѣ. Происходили у нихъ безпрестанные споры; войско, не получая жалованья, опять начало бунтовать и разбѣгалось толпами. У Владислава осталось не больше тысячи человекъ регулярнаго войска. Онъ уже думалъ отступить, какъ вдругъ, неожиданно прибылъ къ нему запорожскій гетманъ Конашевичъ-Са-

гайдачый съ 20 тысячами казаковъ,—котораго Сигизмундъ склонилъ дарамъ идти на помощь королевичу. Въ сентябрь 1618 года поляки и запорожцы съ Сагайдачнымъ двинулись на Москву и соединились съ Владиславомъ, который расположился лагеремъ въ Тушинь. Идя къ Москвѣ, королевичъ вновь грамотами требовалъ сдачи ея, именуя себя царемъ московскимъ, при чемъ особенно настаивалъ на томъ, что его напрасно обвиняють «совѣтники Михаила Романова», будто онъ намъренъ истребить православную вѣру. Услышавъ о походѣ Владислава къ Москвѣ, царь Михаилъ созвалъ 9 сентября по этому случаю земскую Думу и просилъ у нея совѣта, какъ оборонить святую Церковь и всѣхъ православныхъ христіанъ отъ своего недруга, королевича Владислава. Тутъ всѣ единодушно дали объѣтъ Богу «за православную вѣру и за ихъ государя стоять и съ недругомъ его биться, не щадя головъ своихъ». Извѣстно, что русскіе люди съ озлобленіемъ затерли дегтемъ титулъ московскаго царя на грамотѣ Владислава и возвратили ее назадъ. Соединенное войско поляковъ и казаковъ попыталось было взять Москву ночнымъ штурмомъ, но было отбито, потому что москвичи успѣли дружно приготовиться къ осадѣ. Тогда Владиславъ, потерявшій здѣсь до трехъ тысячъ войска, въ смущеніи отъ неудачнаго приступа отступилъ отъ Москвы и направился сначала въ Тушинь, а затѣмъ къ Троицкой лаврѣ и требовалъ ея сдачи; но также и здѣсь онъ встрѣтилъ мужественное сопротивление со стороны монастырскихъ властей—архимандрита Діонисія и келаря А. Палицына. Наконецъ Владиславъ, вслѣдствіе военныхъ неудачъ, наступившихъ морозовъ, недостатка въ продовольствіи и волненія наемныхъ жолнеровъ, изъ-за неуплаты жалованья, вынужденъ былъ вступить въ переговоры о мирѣ, которые привели лишь къ перемирію на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ. Договоръ былъ заключенъ 1 декабря 1618 года въ селѣ Деулинѣ, въ 7 верстахъ отъ Троицкой лавры.

По Деулинскому договору Владиславъ отказался отъ притязаній на московскій престолъ и долженъ съ польскими, литовскими, нѣмецкими и черкасскими полками немедленно оставить литовскіе предѣлы; Москвѣ возвращены: Козельскъ, Можайскъ, Вязьма, Мещерскъ; Россія уступила завоеванныя поляками области—Смоленскую, Черниговскую и Сѣверскую. Тогда же договоренъ былъ и размѣнъ плѣнныхъ, который произошелъ, однако, лишь 1 іюня

1619 года на пограничной рѣчкѣ Полянковкѣ (между Дорогобужемъ и Вязьмою). На ней были устроены два моста: по одному проѣхалъ на русскую сторону въ колямагѣ ростовскій митрополитъ Филаретъ, за которымъ шли пышіе тѣ члены великаго посольства, которые послѣ 9-лѣтняго плѣненія дожили до этого времени: Томила Луговской, твердый и честный дьятель посольства, М. Шенинъ, защитникъ посольства, и др., и по другому мосту въ это время шли въ противоположную сторону польскіе полоняники—Струсь и Будила съ товарищами. Митрополитъ Филаретъ возвратился въ Москву только 14 іюня 1619 года и 24 іюня былъ поставленъ въ патріархъ. Слѣдуетъ замѣтить, что по смерти Гермогена въ Москвѣ намъренно не замѣщали патріаршій престолъ, потому что патріаршество давно назначалось Филарету, государеву отцу. Возвращеніе Филарета Никитича изъ плѣна сопровождалось торжественными церковно-народными встрѣчами въ попутныхъ городахъ. Царь Михаилъ съ освященнымъ соборомъ и всенароднымъ множествомъ встрѣтилъ отца на рѣчкѣ Прьснѣ, и при свиданіи ихъ произошло умоилительное зрѣлище. Оба пали другъ предъ другомъ на землю и нѣсколько минутъ оставались въ такомъ положеніи: одинъ чествовалъ въ юномъ сынѣ царя, другой—своего родителя. Филаретъ осыпалъ сына-царя крестнымъ, знаменемъ, поднялъ, привлекъ въ свои объятія, и оба заплакали. Бояре, вонны, народъ, видя это, плакали въ умиленіи. Филаретъ Никитичъ, спустя нѣсколько дней по прибытіи, возведенъ былъ въ санъ патріарха всероссійскаго іерусалимскимъ патріархомъ Θεофаномъ, въ это время пребывавшимъ въ Москвѣ для сбора милостыни. Въ память возвращенія родителя изъ плѣна, царь Михаилъ заложилъ церковь во имя св. пророка Елисея, память котораго празднуется православною церковію въ день 14 іюня; простилъ всѣхъ опальныхъ и растворилъ темницы заключеннымъ. Въ знакъ особаго почтенія царя Михаила къ родителю, Филаретъ патріархъ, какъ мужъ сильнаго ума, крѣпкой воли и многотруднаго опыта, былъ назначенъ совѣстителемъ сыну и пользовался титуломъ «Великаго Государя». Поэтому всѣ грамоты писались отъ имени двохъ государей по слѣдующей формѣ: «Великій Государь Царь и Великій князь Михаилъ Θεодоровичъ всея Руси и отецъ его Государевъ, Великій Государь, Святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Руси указали»... и т. дал.

Несмотря на Деулинское перемирие, отношения России к Польше продолжали быть враждебными, потому что королевичъ Владиславъ все еще не отказывался отъ своихъ мнимыхъ правъ на московскій престолъ и продолжалъ носить титулъ царя. Съ другой стороны, царь Михаилъ и вся Россія не могли не помышлять о возвращеніи отъ Польши уступленных ей коренныхъ русскихъ областей, особенно же г. Смоленска, древняго и славнаго достоянія Россіи; царь стремился возстановить Россію въ томъ положеніи, въ какомъ она была при послѣднемъ царь Рюрикова дома, Феодоръ Токаичевъ. Поэтому царь Михаилъ Феодоровичъ сталъ дѣятельно готовиться къ новой войнѣ съ Польшей: собиралъ ратныхъ людей, закупалъ за границей пушки и другое оружіе; зная недостатокъ военнаго искусства у московскихъ ратныхъ людей и превосходство въ этомъ отношеніи западныхъ европейцевъ, вербовалъ въ свою службу большое количество иностранныхъ офицеровъ и солдатъ, приказалъ исправлять пограничныя крѣпости. Моментъ для объявленія войны Польшѣ былъ вполне благоприятный. Польша находилась въ войнѣ съ Турціей и Швеціей; противъ поляковъ вооружался и ханъ Крымскій. Къ тому же, въ Польшѣ за смертію короля Сигизмунда (20 апр. 1632 г.) возникли безпорядки по случаю избранія новаго короля. Въ 1632 году царь Михаилъ объявилъ войну Польшѣ за разныя мелкія нарушенія (уже съ 1621 года) мирнаго договора въ Деулинѣ, и послѣднимъ дѣйствіемъ русскихъ войска къ предѣламъ Польши, съ цѣлью возвратити г. Смоленскъ. Главнымъ воеводою былъ назначенъ бояринъ М. Шеннъ, прежній знаменитый защитникъ этого города, и войска двинулись въ походъ въ августѣ 1632 года. Сначала дѣла русскихъ пошли очень удачно: въ теченіи ноября и декабря были отняты у поляковъ нѣкоторые русскіе города и затѣмъ былъ крѣпко осажденъ Смоленскъ. Тамъ были голодомъ, и не имѣя достаточно боевыхъ запасовъ, жители его были готовы уже сдать городъ; но на помощь къ нимъ явились поляки, а 25 августа 1633 года прибылъ и самъ, уже въ королѣ избранннй, Владиславъ съ большимъ войскомъ; расположившись станомъ подъ Смоленскомъ, онъ подкрѣпилъ его гарнизонъ. Въ это время крымскіе татары, подкрѣпленные поляками, напали на южныя русскія области (Украина), и многіе ратные люди, узнавши о томъ, что татары разоряютъ селенія и грабятъ имѣнія, ушли изъ русскаго лагеря для

защиты своихъ земель. Шеннъ оказался въ крайне стѣсненномъ положеніи; въ войска среди наемныхъ иностранцевъ начались раздоры; иноземные полковники нѣрѣдко отказывались повиноваться Шенну. Вслѣдствіе этого, послѣдній долженъ былъ снять осаду Смоленска и заключиться въ обозъ. Но тутъ онъ былъ окруженъ поляками, которые притомъ успѣли захватити Дорогобужъ со складомъ провіанта. Въ войскахъ Шенна, отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ и отъ холода, открылись страшныя болѣзни и смертность была большая. При такихъ обстоятельствахъ Шеннъ, не надѣясь пробиться сквозь полки поляковъ, доведенный до крайности, началъ переговоры о перемиріи. Поляки 16 февраля 1634 года, согласились выпустити Шенна, съ условіемъ, что онъ выдастъ имъ всю артиллерию и весь обозъ, отпуститъ иностранцевъ и выполнитъ унижительную церемонію преклоненія русскихъ знаменъ предъ поляками. По возвращеніи въ Москву съ остатками войска, Шеннъ вмѣстѣ съ товарищами былъ преданъ суду особой комиссіи по обвиненію въ измѣнѣ и 18 апрѣля приговорено имъ отрубити голову. Причиной столь строгаго приговора были преимущественно позорное поведеніе Шенна, явившееся главною виною несчастнаго исхода войны и гибели многочисленной, храброй и хорошо вооруженной русской арміи, и отчасти мести боярѣ Шенну за его непопулярную гордость и презрительное отношеніе къ товарищамъ, высказанное имъ предъ отправленіемъ въ походъ. Находясь у цѣлованія руки царской, онъ хвастался тогда своими заслугами, говорилъ, что прежнею службою онъ выше всей своей братіи боярѣ, что «въ то время, какъ онъ служилъ, многіе бояре по-запечью сидѣли и сыскать было немочно». По слѣдамъ Шенна король Владиславъ теперь двинулся къ самой Москвѣ. Но войско страдало отъ холода и голода. Сверхъ того, до Владислава дошли слухи, что къ предѣламъ Польши приближаются съ юга турецкія войска; на сѣверъ истекалъ срокъ перемирія со Швеціей; войско роптало на неуплату жалованья. Тогда онъ, при такомъ стѣснительномъ положеніи, послѣднимъ заключилъ миръ въ маѣ 1634 года при рѣчкѣ Поляновкѣ на условіяхъ—совершенно отказаться отъ притязанія на московскую корону и подтвердити Деулинское перемирие, при чемъ Смоленскъ опять остался за Польшей.

Видно, трудно было Россіи и въ послѣдніе годы царствованія Михаила Феодоровича

поправиться послѣ смутнаго времени. И, дѣйствительно, Россія была еще слаба и даже настолько, что не въ состояніи была удержать за собою крѣпость Азовъ, завоеванную донскими казаками. Эти казаки, жившіе въ предѣлахъ Московскаго государства, не признавали надъ собою почти ничьей власти и дѣйствовали по своему произволу. Въ 1637 году донцы захватили и изрубили въ своемъ кругу турецкаго посланника, и съ помощію запорожцевъ взяли приступомъ сильную турецкую крѣпость Азовъ и засѣли въ ней, а затѣмъ извѣстили царя Михаила о своихъ подвигахъ. Царь не могъ не радоваться взятію Азова, но былъ очень недоволенъ самовольной расправой, почему онъ прислалъ донскимъ казакамъ строгую грамоту, въ которой говорилъ, что нигдѣ не принято убивать пословъ даже во время войны и осуждалъ ихъ за самовольное взятіе Азова, безъ царскаго повелѣнія. Завладѣть Азовомъ было бы весьма выгодно для московскаго правительства, особенно для удержанія крымскихъ татаръ отъ частыхъ набѣговъ на Украинскіе города, но пришлось бы тогда вступить въ борьбу съ сильной турецкой имперіей. Царь Михаилъ счелъ нужнымъ увѣдомить султана, что казаки убили посла самовольно, какъ и городъ захватили, и просилъ его не имѣть «нелюбья» противъ Россіи.

Въ Константинополь эти извѣстія вызвали великаго негодованіе, и вотъ, въ 1641 году, турки, освободившись отъ войны съ персами, послали на южно-русскіе предѣлы крымцевъ и ногайцевъ, а сами съ двухсотъ-тысячнымъ войскомъ на корабляхъ и съ сильной артиллеріей осадили Азовъ. Пятнадцатитысячная горсть донскихъ казаковъ съ нѣсколькими сотнями своихъ женъ и тысячею запорожцевъ тогда проявили удивительное геройство: они геройски отбили 24 турецкихъ приступа, истребили 20 тысячъ турокъ и чрезъ четыре мѣсяца заставили турокъ снять осаду и съ потерею почти половины войска возвратиться восвояси. Донцы затѣмъ немедленно прислали пословъ въ Москву, бить челомъ царю Михаилу, чтобы принять Азовъ подъ свою крѣпкую державу назначеніемъ воеводы съ ратью. Царь прислалъ казакамъ похвальную грамоту съ жалованьемъ въ 5 тысячъ рублей и писалъ имъ: мы васъ за вашу службу, раденье, промыселъ и крѣпкостоятельство милостиво похваляемъ». Но, воздавши казакамъ должное за ихъ геройство, царь для обсужденія важнаго дѣла о принятіи Азова созвалъ въ январь 1642 года выборныхъ людей (свыше 200 человекъ) на великій

земскій соборъ. На рѣшеніе были поставлены вопросы: «Государю Царю за Азовъ съ турецкимъ султаномъ и крымскимъ ханомъ разрывать ли и Азовъ у казаковъ принимать ли?» Если принять, то война не миновать; и ратные люди надобны будутъ многіе; на жалованье и запасы надобны многіе и не на одинъ годъ. И такъ великія деньги и многіе запасы гдѣ брать? Выборные въ своихъ отдѣльныхъ письменныхъ отвѣтахъ по этимъ вопросамъ предоставляли окончательное рѣшеніе всего этого дѣла волю государя, и всѣ изъявляли готовность служить и жертвовать всѣмъ, даже жизнью. Но въ то время, какъ большинство земскаго собора, въ особенности служилое сословіе, склонялось въ пользу принятія Азова подъ московскую державу, многіе изъ дворянъ сѣверныхъ и южныхъ городовъ, также торговые люди указывали на разные безпорядки и злоупотребленія, отъ которыхъ они страдаютъ и бѣднѣютъ. Сотскіе, старосты и всѣ тяжлые люди жаловались на разореніе отъ тяжкихъ податей и повинностей. Отвѣты выборныхъ показали, что русское государство далеко еще не оправилось и находится не въ такомъ состояніи, чтобы могло выдержать крупную борьбу съ могущественной турецкой имперіей, и еще сильную крымскою ордою. Поэтому царь Михаилъ, на волю котораго выборные отдавали въ существѣ дѣла окончательное рѣшеніе вопроса, отдалъ, въ концѣ апрѣля 1642 года, приказаніе казакамъ немедленно оставить Азовъ и отойти къ своимъ старымъ куренямъ, причѣмъ казакамъ за то обѣщано государево жалованье. Они повиновались царскому приказу, но предъ выходомъ изъ Азова такъ разорили его, что туркамъ остались только одніе развалины.

Но если внѣшняя война съ поляками и шведами оказалась не вполне удачною, то внутренняя, дѣятельность въ правленіи Михаила Феодоровича была, несомнѣнно, самая многосторонняя и сопровождалась добрыми послѣдствіями въ отношеніи упорядоченія и вообще умиротворенія въ самомъ государствѣ. Михаилъ Феодоровичъ вступилъ на престолъ шестнадцатилѣтнимъ, былъ умный, мягкаго характера и легко доступенъ былъ стороннимъ вліяніямъ. Ближайшее и сильное вліяніе на него оказывала энергичная мать, изъ воли которой Михаилъ, вѣроятно, и теперь не выходилъ, и дѣйствовалъ по ея совѣтамъ. Старша Марѳа, какъ царственная монахиня, зашмалась больше всего, конечно, благочестивыми дѣлами, но имѣла также большое вліяніе на дворцовую

жизнь, направляла ее и влияла на государственную жизнь того времени, причем возвышала и ставила своих родственников у дель государственных. Въ помощь молодому царю Михаилу служили земские соборы, на конхъ и ршались всь важнйшя дьла, представляемая на разсмотрнне администрацией. Нельзя не обратить вниманя на то, что по прїезде въ Москву, Михаилъ Феодоровичъ не отпустилъ выборныхъ земскихъ людей, и они оставались въ Москвь до 1615 года, когда были замьнены другими, и такъ дьло шло до 1622 года: одинъ составъ собора смьнялся другимъ, одни выборные уьзжали изъ Москвы къ своимъ дьламъ и хозяйствамъ, и замьнялись другими. Такъ въ теченіе пятидесяти лть Москва имьла постоянный соборъ, и такая мудрая политика была подсказана правительству самой жизнью: смута еще не прекратилась совершенно и безпорядки продолжались; при общемъ въ Россіи разореніи, при казачьихъ грабежахъ и беспіи противъ нихъ Москвы снова могли, на взглядъ современника, одолеть и поляки и казаки. Противъ такихъ-то внутреннихъ враговъ сторона порядка и сплотилась, выражая свое единодушье земскимъ соборомъ при своемъ царь. Власть и земля тогда были въ союзъ для того, чтобы бороться противъ общаго врага за существованіе съ проявленіями смутъ и обезпечить въ государствь миръ. И молодой царь понималъ всю важность дьствовать заодно съ избравшимъ его на тронъ и охотно опирался на земскій соборъ, какъ на средство лучшаго управленя, при чемъ чрезъ выборныхъ отъ сословій удобно было узнать истинныя нужды народа.

Въ отношеніи внутренняго устройства у московскаго правительства было двь задачи: во-первыхъ, собрать въ казну какъ можно больше средствъ и, во-вторыхъ, постронть служилыхъ людей или устроить войско. Для первой изъ этихъ задачъ земскій соборъ назначилъ два раза, въ 1615 и 1616 годахъ, сборъ пятой деньги, т. е. 20% «съ двора»,—съ годового дохода плательщика и «посошное» въ 1616 году по 120 руб. съ каждой сохъ или съ мьры пахатной земли. Сверхъ того, своимъ чередомъ платились обычныя подати, которыя собирались съ обычною тогда жестокостью, и, конечно, очень большимъ бременемъ ложились на народъ. Для второй же цьли правительство посылало не разъ въ разныя мьстности бояръ «разбирать» служилыхъ людей, принимать въ службу дьтей дворянъ, годныхъ къ ней, и на-

дьялать ихъ помьстной землей. И для первой и для второй цьли необходимо было знать положеніе частной земельной собственности въ государствь, и вотъ посылались «писцы» и «дозорщики» для описи и податной оцньки земли. Но всь намьреня правительства въ этомъ отношеніи исполнялись небрежно, со многими злоупотребленями со стороны администрации и населеня: писцы и дозорщики къ однимъ были снисходительны, другихъ же притьсняли, брали взятки; и само населеніе, съ цьлью избавиться отъ податей, часто обманывало писцовъ, скрывало свое имущество и этимъ достигало льготной для себя, неправильной оцньки.

Таково было положеніе дьла до 1619 года, когда молодой царь не имьлъ хорошихъ совьтниковъ. Но дьла въ Москвь перемьнились, когда прїехалъ государевъ отецъ Филаретъ, мужъ умный, способный и опытный въ государственныхъ дьлахъ. Съ прїездомъ его началось, такъ наз., двоевластіе: царь Михаилъ сталъ управлять государствомъ съ помощью отца-патрїарха. Всь иностранныя посольства представлялись или обомъ государямъ вмьсть, или каждому отдьльно, важнйшя доклады представляемы были тому и другому. Но это двоевластіе нисколько не нарушало единства правительственной дьятельности. Преимущественно трудами и государственнымъ способностями Филарета Никитича, на сторонь котораго была такая могущественная сила, какъ народное сочувствіе, было возстановлено и укрьплено значеніе самодержавной власти своего сына. Въ немъ-новомъ Великомъ Государь Филаретъ, Москва имьла большое пріобрьтеніе, получивъ то, въ чемъ больше всего нуждалась,—умнаго администратора и надежнаго совьтника. Какъ только Филаретъ поставленъ въ патрїархи, онъ возбуждаетъ уже важнйшя государственныя вопросы, и ставитъ ихъ на разрьшеніе великаго земскаго собора (Думы) въ іюнь 1619 года и, прежде всего, по возстановленію государственнаго хозяйства, разстроенаго внутренними смутами.

Въ отношеніи приведеня въ порядокъ хозяйственной части, собору были поставлены на видъ указаня, сдьяланныя царю патрїархомъ, и соборъ, по тщательномъ разсмотрнн ихъ, составилъ соотвьтственныя опредьленя. Такъ, напр., указано, что съ разоренной земли взи-мались подати крайне неравномерно,—однъ изъ разоренныхъ земель облагались податью по дозорнымъ книгамъ или по оцнькь имущества сообразно ихъ благоустроенности, при чемъ

принимались въ расчетъ обстоятельства, могущія дать льготы по уплатѣ податей (долги, пожары, разореніе отъ враговъ и т. п.); другія же земли, не меньше разоренныя облагались податными тягостями по писцовымъ или переписнымъ книгамъ, по простой податной оцѣнкѣ имущества, при которой обращалось вниманіе на благосостояніе плательщиковъ. Въ виду этой неравномѣрности взиманія податей соборъ постановилъ—произвести снова перепись въ мѣстностяхъ неразоренныхъ, сдать точныя росписи тяглыхъ земель или «писцовыя книги» и распределить подати, сообразно съ имуществомъ жителей. А какъ при переписи земель допускались постоянныя злоупотребленія дозорщиковъ и писцовъ, то постановлено выбрать ихъ изъ надежныхъ людей, подъ присягой взять съ нихъ обѣщаніе, подъ страхомъ жестокаго наказанія, писать безъ взятокъ и дозирать по совѣсти «вправду». Такія писцовыя книги составлялись нѣсколько лѣтъ. Получивши точныя свѣдѣнія—росписи, правительство знало, что съ кого требовать и въ соразмѣрности того увеличивало доходы и опредѣляло число войскъ. Каждый помѣщикъ имѣлъ опредѣленный рубежъ, дальше котораго не могъ простирать своего права, отчего пресѣкалось много споровъ и тяжбъ. Дальше, собору поставлены на видъ постоянныя злоупотребленія со стороны тяглыхъ людей, которые избавили себя отъ царскихъ налоговъ тѣмъ, что заложились или записывались въ кабалу за боярами, духовенствомъ или за монастырями, пользовавшимися привилегіями, и тѣмъ самымъ освобождались отъ тягла и выходили изъ общины, или же просто убѣгали изъ своей общины, перѣзжали въ Москву и ближайшіе города и укрывались здѣсь у родственниковъ или друзей, между тѣмъ община, въ силу круговой поруки, должна была платить подать за нихъ—выбывшихъ своихъ членовъ. Въ виду этого земскимъ соборомъ постановлено—тяглыхъ людей, выбѣжавшихъ и «заложившихся» за боярами, духовенствомъ, монастырями сыскивать чрезъ мѣстныя власти и возвращать назадъ въ свои общины, а на тѣхъ, кто ихъ держалъ, наложить штрафы или взыскивать происшедшіе отъ того убытки казны, т. е. неуплаченные подати. Кромѣ этихъ податныхъ злоупотребленій указано, что многіе просятъ «отъ сильныхъ людей оборонить ихъ»: ибо сильные, т. е. власти, вліятельные бояре и другіе «чинятъ имъ насильства и обиды». Относительно жалобъ на обиды отъ сильныхъ лицъ царскимъ указомъ и соборнымъ приговоромъ поручено бо-

ярамъ И. Черкасскому и Д. Мезенкому сыскивать про обиды «сильныхъ людей».—Сверхъ того, для прекращенія злоупотребленій воеводъ и ихъ чиновниковъ правительство охотно выдавало грамоты, дававшія право судиться и управляться посредствомъ своихъ выборныхъ губныхъ старостъ, какъ это было при Т. Грозномъ. Но такъ какъ сборъ податей, который возлагался на отвѣтственность выборныхъ, былъ тогда очень затруднителенъ, то во многихъ мѣстахъ никто не соглашался быть выборнымъ начальникомъ. Вслѣдствіе этого уже отъ правительства были назначаемы воеводы во многія и такіе города, которые прежде управлялись выборными старостами. Къ этому же времени относится слѣдующая мѣра правительства: приказано было изъ каждого города прислать въ Москву выборныхъ «для вѣдомости и устройства» по одному челоуку—изъ духовенства, по два изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и по два изъ посадскихъ людей—«добрыхъ и разумныхъ». Эти выборные, по пріѣздѣ въ Москву, должны были сообщить правительству вѣрныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ состояніи областей, объ обнидахъ, притѣсненіяхъ и разореніяхъ и о способахъ помочь разореннымъ жителямъ, посоветовать, какъ Московское государство поправить и «ратныхъ людей пожаловать». Новая земская Дума, составленная изъ свѣдущихъ людей, могла собраться въ Москву въ самомъ концѣ 1620 года и ею до нѣкоторой степени были выполнены тѣ важныя и обширныя мѣры, которыя постановлены предыдущимъ соборомъ 1619 года и немало содѣйствовали восстановленію экономическаго порядка и общественныхъ отношеній, нарушенныхъ событіями и разореніями смутной эпохи.

При царѣ Михаилѣ Сеодоровичѣ постепенно восстанавлилось въ Москвѣ центральное управленіе, государственныя и общественныя порядки, временно нарушенные смутною эпохою.—восстанавлилось по старымъ образцамъ—XVI вѣка въ формѣ старыхъ приказовъ, и только потребностями времени вызывались къ жизни новыя приказы съ извѣстною отраслью вѣдѣнія, которыхъ тогда было много учреждено. Въ центрѣ же управленія по прежнему (и въ теченіе шести—до возвращенія Филарета Н. изъ плѣна) оставалась и всѣмъ руководила, какъ высшее правительственное и судебное учрежденіе, государева боярская Дума, которая вела свое происхожденіе отъ древняго обычая князей—советоваться о дѣлахъ съ старшею дружиною. Она

входила при Михаиле Сеодоровиче и в земскую Думу, как ее главная составная часть, и являлась действительным и деятельным совѣтомъ государевымъ. Возвращаясь къ старинѣ, восстанавливая старый механизмъ управленія, московскіе люди, повидимому, не думали что-либо мѣнять и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изменили многое. Такого рода перемены произошли, напр., в областномъ управленіи, гдѣ правительство болѣе или менѣе систематически вводило воеводъ, такъ что воеводская власть изъ временной становится постоянною и, вмѣстѣ, гражданскою властью. Далѣе, держась по старому помѣстной системы, спѣша привести въ порядокъ помѣстныя дѣла, упорядочить службу, правительство все болѣе и болѣе прикрѣпляетъ крестьянъ, «чего при старыхъ великихъ государяхъ не было». Съ другой стороны, давая первенствующее значеніе придворно-и военно-служилому сословію, какъ главной опорѣ царской власти, все болѣе и болѣе обезпечивая его, правительство мало по малу приходитъ къ сознанію неудобства и несостоятельности дворянскихъ ополченій, въ виду чего и заводится иноземный ратный строй, рейтарскіе полки. Такъ, въ войскѣ Шенна въ 1632 году подъ Смоленскомъ было уже 15 тысячъ регулярнаго войска, устроеннаго по иноземному образцу.

Земскій соборъ при царѣ Михаилѣ Сеодоровичѣ признавался существеннымъ элементомъ государственнаго управленія, при желаніи самого царя имѣть при себѣ въ помощь руководственно-исполнительный органъ. Въ первые годы царствованія Михаила власть государя, какъ сказано, стояла на ряду съ властью русской земли или великой земской Думы; всѣ важныя государственныя дѣла и рѣшались по царскому указу и соборному уложенію, о чемъ свидѣлствуютъ окружныя грамоты, издаваемые отъ имени земской Думы. Участіе выборныхъ въ государственныхъ и земскихъ дѣлахъ въ первые годы царствованія Михаила было слѣдствіемъ еще не установившагося порядка, молодости и неопытности государя, хотя замѣтно стремленіе къ восстановленію правительственной власти въ прежнемъ ея объемѣ. И никто не противорѣчилъ этому факту общественнаго участія въ дѣлахъ и строительствѣ разореннаго государства, пока новыя условія жизни не упразднили его. Съ возвращеніемъ государева отца Филарета все пошло уже неуклонно полнымъ самодержавнымъ путемъ. Земскіе соборы теперь отнюдь не имѣли значенія верховной вла-

сти, какъ было въ смутное время. Новый царь требуетъ отъ созываемыхъ имъ земскихъ соборовъ исполненія обѣщанія поддерживать престолъ, содѣйствовать ему въ окончательномъ очищеніи государства отъ вѣнскихъ и внутреннихъ враговъ и успокоеніи общества; соборы эти созывались по волю самого царя, не въ определенное время, а когда ему было угодно. Когда же самодержавіе при твердомъ своемъ курсѣ признало земскіе соборы неумѣстными, со стороны народа отнюдь не встрѣчается заявленія о необходимости ихъ; слѣдовательно, въ народѣ послѣ смутнаго времени не образовалось понятія о томъ, чтобы царская власть была раздѣлена или съ волею земскаго собора или съ волею бояръ. Формальное восстановление царскаго самодержавія въ эпоху Филарета Никитича съ особою наглядностью выразилось въ указѣ 1625 года о новой государственной печати; на ней въ царскомъ титулѣ прибавлено слово «самодержецъ», и эту печатью приказано скрѣплять всякіе правительственные акты. По кончинѣ же Филарета (1 окт. 1633 г.) въ послѣднюю двѣнадцатилѣтнюю эпоху своего царствованія Михаилъ Сеодоровичъ, дѣйствительно, является самовластнымъ правителемъ и при своей продолжительной правительственной опытности тѣмъ легче поддерживалъ то строгое самодержавіе, которое восстановлено и укрѣплено преимущественно трудами Филарета Никитича.

Царь Михаилъ Сеодоровичъ очень много заботился объ образованіи въ Россіи и о массаженіи въ ней фабрично-заводскихъ производствъ. Московское правительство призывало въ Россію на льготныхъ условіяхъ промышленниковъ-иностранцевъ, руководясь стремленіемъ привить въ Россію разные промыслы, до тѣхъ поръ неизвѣстные въ ней. Среди промышленныхъ иностранцевъ-мастеровъ и фабрикантовъ появились на Руси, прежде всего, т. н. «рудознатцы», оружейники и литейщики, часовщики; при помощи иностранцевъ у насъ тогда были заведены желѣзодѣлательныя мѣдноплавильныя, стекольныя, кожаные и кирпичныя заводы. Торговля льготы и вообще гостепріимное отношеніе къ иностранцамъ правительства, ожидавшаго отъ нихъ экономической пользы для государства, привлекало въ Россію много иноземцевъ. Нѣмецкая слобода въ Москвѣ (загородная на правомъ берегу р. Яузы близъ ея устья) разрослась: въ ней было до тысячи семействъ только протестантскихъ исповѣданій, которымъ, какъ чуждымъ религіозной пропаганды, оказывалось благосклонное отно-

шеніе: между тѣмъ, къ католикамъ въ Москвѣ относились болѣе чѣмъ непріязненно. Государь Михаилъ Ѳеодоровичъ положилъ начало развитію у насъ фруктоваго, цвѣточнаго и аптекарскаго производства. Въ дворцовыхъ кремлевскихъ садахъ появились въ Россіи новыя растенія, между прочимъ, заграничныя розы. Для ознакомленія съ современнымъ положеніемъ въ иностранныхъ, особенно сосѣднихъ государствахъ постоянно были доставляемы изъ Новгорода въ Москву «въстовыя письма» — въ родѣ рукописныхъ газетъ. По отношенію къ европейскимъ государствамъ Михаилъ Ѳеодоровичъ заботился, вообще, о поддержаніи дружественныхъ отношеній. Впрочемъ, подѣ конецъ его царствованія, когда Московское государство съ торжествомъ вышло изъ всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ затрудненій, многіе иноземные государи и сами спѣшили вступить съ царемъ Михаиломъ въ самыя тѣсныя отношенія. Такъ, датскій король старался поддержать и упрочить прежнія свои связи съ Московскимъ государствомъ, шведскій король Густавъ-Адольфъ изъ врага обратился въ добраго сосѣда и старался войти въ тѣсный союзъ съ московскимъ государемъ. Французскій король Людовикъ, съ которымъ Московское государство впервые обмѣнялось посольствомъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, приглашалъ его къ союзу противъ Германіи.

Ради поднятія упавшаго книжнаго дѣла царь Михаилъ выстроилъ на Никольской улицѣ, вмѣсто сгорѣвшаго въ смутную эпоху печатнаго двора, новую типографію и рѣшено было возобновить печатаніе богослужебныхъ книгъ. По мысли государева отца Филарета возобновленъ начатый еще Максимомъ Грекомъ трудъ перваго серьезнаго исправленія богослужебныхъ книгъ, въ которыя вкралось множество ошибокъ, внесенныхъ въ теченіе вѣковъ небрежными и невѣжественными переписчиками. Исправленіе ошибокъ поручено было, по царскому указу 8 ноября 1616 года, преимущественно Діонисію, знаменитому архимандриту Троицкой лавры, прославившемуся въ смутное время защитою ея отъ осаждавшихъ поляковъ. Но Діонисій за исправленіе книгъ былъ обвиненъ несправедливо въ ереси и, послѣ многихъ оскорбленій, осужденъ духовнымъ соборомъ и заключенъ въ Новоспасскій монастырь, и только при Филаретѣ Никитичѣ освободили Діонисія и возвратили на Троицкую архимандрію въ 1620 году. Исправленіе и печатаніе богослужебныхъ книгъ вообще дѣятельно продолжалось въ царствованіе Ми-

хаила Ѳеодоровича какъ при патриархѣ Филаретѣ, такъ и при его преемникѣ Іоасафѣ, при которомъ въ шестилѣтнее управленіе было напечатано книгъ болѣе, чѣмъ въ четырнадцатилѣтнее патриаршество Филарета, при чемъ для справокъ при печатаніи были взяты изъ Кириллова монастыря списки прологовъ и четырехъ мнѣй «добрыхъ старыхъ переволовъ».

Стараніемъ Михаила Ѳеодоровича и патриарха Филарета получена въ мартѣ 1625 года отъ персидскаго шаха Аббаса драгоценная для вѣрующихъ святыня — срѣзница Христова въ золотомъ ковчегѣ, захваченная имъ при покореніи въ Грузіи. Такъ какъ эта святыня доставлена отъ иновѣрнаго царя, то ради испытанія ея подлинности патриархъ съ освященнымъ соборомъ назначили молебны, седмидневный постъ и хожденіе съ нею въ дома больныхъ для возложенія, и было много исцѣленій отъ прикосновенія къ нимъ Ризы Господней. Затѣмъ царемъ и патриархомъ разслана была окружная грамота къ областнымъ архіереямъ съ извѣстіемъ о чудесныхъ исцѣленіяхъ и съ повелѣніемъ ежегодно отправлять празднество въ честь положенія Ризы Господней 10 іюля, затѣмъ вскорѣ составленъ былъ и чинъ богослуженія на день этого праздника.

Несомнѣнно, что подѣ скипетромъ Михаила Ѳеодоровича Россія, въ конецъ обезсиленная смутой, значительно оправилась и укрѣпилась. Предѣлы Россіи, сократившись на Западѣ вслѣдствіе уступокъ, сдѣланныхъ въ силу необходимости полякамъ и шведамъ, при царѣ Михаилѣ распространились на Востокъ покореніемъ большой части Сибири и путемъ правительственныхъ мѣропріятій русская колонизація здѣсь сдѣлала значительные успѣхи. Чѣмъ далѣе русскіе углублялись въ нѣдра Сибири, тѣмъ все болѣе и болѣе въ малонаселенныхъ краяхъ были устрояемы какъ города и остроги, такъ и русскія села и деревни въ уѣздахъ Верхотурскомъ, Туринскомъ, Тюменскомъ, Березовскомъ, Пелымскомъ, Тобольскомъ, Томскомъ. Такъ, тогда основаны были города: Енисейскъ (1619 г.), Красноярскъ (1622 г.), Илимскъ (1631 г.), Якутскъ (1632 г.), Туруханскъ (1642 г.) и др. Въ царствованіе же Михаила получила начало и Ирбитская ярмарка. Города, построенныя Б. Годуновымъ, при царѣ Михаилѣ были укрѣплены и заселены русскими переселенцами, снабжены оружіемъ и ратными людьми. Главнѣе всего, въ городахъ и новооснованныхъ слободахъ построены православныя храмы и учреждены монастыри. Знаменитый въ то время епископъ

Киприанъ былъ назначенъ въ Тобольскъ въ главный пунктъ новообразованной епархіи и онъ (до 1624 г.) много потрудился для церковнаго благоустройства и для обращенія язычниковъ въ христіанство, привезши съ собою въ Сибирь нѣсколько черныхъ и бѣлыхъ священниковъ; онъ же основалъ тамъ нѣсколько св. обителей. Далѣе, принявши Москву разоренною, находившеюся въ развалинахъ, Михаилъ Теодоровичъ сдѣлалъ ее красивымъ и огромнымъ городомъ, которому дивились прїѣзжавшіе сюда иностранцы. До царя Михаила не существовало въ Москвѣ ни Бѣлаго города, ни деревяннаго Скородома, ни Земляного города, ни слободъ, ни Замоскворѣчья, а при Михаилѣ Теодоровичѣ все это было застроено такъ, какъ будто и не было совсѣмъ разрухи лихолѣтья, когда поляками были сожжены три четверти Москвы, за небольшими исключеніями въ Кремль и Китай-городъ. Царь Михаилъ возстановилъ обвалившіяся каменные стѣны и башни Кремля; многія казенныя и церковныя зданія повелѣлъ возобновить (вмѣсто дерева) или вновь построить изъ кирпича; небольшія Спасскія ворота онъ надстроилъ новою башнею, заново возстановилъ разрушенныя дворцы. Онъ возстановилъ и украсилъ стѣнную иконостасную Успенскій соборный храмъ, при чемъ работа была очень кропотливая: такъ какъ прежде надобно было срисовать все старое стѣнное писъмо, а потомъ по тѣмъ же рисункамъ росписывать стѣны заново; противъ Тайницкой башни построилъ нынѣ не существующій Александровскій соборъ; на Красной площади построены были Казанскій соборъ, въ память освобожденія г. Москвы отъ поляковъ кн. Д. Пожарскимъ; на Варваркѣ, близъ боярскихъ палатъ Романовыхъ, построены Знаменскій монастырь, и вообще—много храмовъ было воздвигнуто при царѣ Михаилѣ въ Китай-городѣ, Бѣломѣ и Земляномъ городѣ. Патріархъ Филаретъ сдѣлалъ около Годуновской колокольни Ивана Великаго огромную колокольную пристройку, доселѣ называющуюся Филаретовскою. Въ виду всего этого, Михаила Теодоровича по справедливости слѣдуетъ признать вторымъ основателемъ г. Москвы. Наконецъ, не можемъ не упомянуть и о томъ, что въ самой Россіи немало городовъ было устроено царемъ Михаиломъ,—такъ, на льскомъ Воронежѣ г. Козловѣ, на р. Тихой Соснѣ г. Усердѣ, на Касимовомъ броду Земляной городокъ, г. Тамбовѣ, на р. Ломовѣ—г. Ломовѣ верхній и нижній, Обо-янское, Чугуево городище и др. и въ цѣляхъ

оборонительныхъ приняты мѣры для заселенія новыхъ городовъ.

Дѣятельный царь Михаилъ Теодоровичъ умеръ въ ночь съ 12 на 13 іюля 1645 года, на пятидесятомъ году отъ рожденія. Почувствовавъ себя дурно во время всеобщей, въ ночи онъ скончался тихо, оставивши послѣ себя сына Алексѣя и трехъ дочерей, рожденныхъ отъ Евдокіи Лукьяновны, изъ рода дворянъ Стрѣшневыхъ. Предъ кончиною своею царь Михаилъ благословилъ на царство шестнадцатилѣтняго сына своего Алексѣя, которому тотчасъ же, по объявленіи о смерти царя, присягнули придворные чины и Москва, а за нею и вся Россія; безъ всякихъ волненій и недоумѣній встрѣтивъ восшествіе на престолъ второго царя новаго царственнаго Дома Романовыхъ. Тридцать два года четыре мѣсяца и тринадцать дней тихаго, любвеобильнаго, благоразумнаго царствованія Михаила Теодоровича, видимо, принесли свои плоды. Всѣ смуты были закончены, Россія вышла побѣдительницею, и на святой Руси торжествовала та великая идея самодержавія, которая пошатнулась въ періодъ смутнаго времени, но возстановлена самимъ народомъ и твердо установлена царемъ Михаиломъ, какъ залогъ послѣдующаго благополучія Русской земли.

Въ заключеніе очерка царствованія перваго Царя изъ Дома Романовыхъ не можемъ не сказать особо о томъ, что онъ, вопреки представленію нѣкоторыхъ, дѣйствительно, обладалъ самодержавною властію, безъ каковой народъ даже и не могъ мыслить и представлять себя русскаго царя-государя. Сверхъ того, что самый уже указанный нами характеръ правленія царя Михаила Теодоровича убѣждаетъ насъ въ этой истинѣ, мы въ тѣхъ же цѣляхъ обратимъ вниманіе на отношеніе русскіхъ къ предложеніямъ поляковъ имѣть въ лицѣ Владислава царя съ ограниченными правами, также и на самое предложеніе великаго московскаго посольства Михаилу полнаго властительства, безъ какихъ-либо ограниченій.

Поляки, какъ уже извѣстно, въ періодъ междоцарствія выхваляли москвичамъ свой западный видъ монархіи съ политическими вольностями, съ ограниченной властію короля-государя, не могшаго рѣшать дѣлъ безъ сейма. Такъ Польша и Литва, въ лицѣ ихъ вельможъ и шляхты, еще раньше смерти Сигизмунда II Августа, бездѣльнаго представителя угасавшей династіи Ягеллоновъ, въ особой конституціи, на Люблинскомъ сеймѣ умалили власть своего государя особенно тѣмъ, что

наследственный его престолъ сдѣлали избирательнымъ. На предложеніе поляковъ, въ лицѣ Владислава—получить царя съ ограниченою властью, русскіе представители указывали тогда, что россияне желаютъ себя, по завѣтамъ своей исторіи, такого царя, который, какъ Богъ, караетъ и милуетъ, который не даетъ слабago въ обиду сильнымъ, и назвали польскую вольность своеволіемъ, при которомъ трудно найти слабому правосудіе надъ тѣми, кто въ Польшѣ творилъ безчинства и всякое насиліе надъ меньшими людьми. Значитъ, русскій народъ не хотѣлъ монархіи по западнымъ образцамъ. Отказываясь отъ польскихъ вольностей Ръчи Посполитой или республики, какъ поляки называли свое государство, русскій народъ, при возсозданіи своего государства, не думалъ и о вольностяхъ новгородскихъ, при которыхъ власть государя, по особымъ договорамъ, была ограничена вѣчемъ или народнымъ собраніемъ съ выборнымъ посадникомъ, тысяцкимъ и старостами новгородскихъ концовъ. Русскимъ было небызвѣстно, какими буйными усобицами ознаменовала себя эта новгородская вольность. Равнымъ образомъ, при избраніи государемъ Михаила Ѳеодоровича Романова никто въ великой земской Думѣ не говорилъ, какъ и въ самой избирательной. дошедшей до насъ, грамотѣ ни слова не сказано объ ограниченіи его верховной власти Думой боярской. какъ было при избранномъ бояринѣ Василии Ивановичѣ Шуйскомъ, котораго народъ поэтому называлъ только полуцаремъ и считалъ невольнымъ и связаннымъ въ своихъ царскихъ дѣйствіяхъ. Народъ русскій, успѣвшій уже настолько проникнуться монархическимъ началомъ, что безъ царя не могъ себя представить никакого гражданскаго права, отнюдь не притязалъ, какъ на Западѣ, дѣлать съ государемъ верховную власть, вмѣшиваться въ его государево дѣло, не дерзалъ ограничивать царскую его власть. Русскіе люди, измученные бѣдствіями смуты и не любившіе боярскаго многовластія, жаждали безхитростнаго возстановленія самодержавной царской власти и, нисколько не желая и думать о какомъ-либо ограниченіи царской власти, возстановили государство въ видѣ царства самодержавнаго и вручили юному Михаилу Ѳеодоровичу никѣмъ и ничѣмъ неограниченную власть Государя-Царя-Самодержца, вручили власть, высоко стоящую надъ народомъ, власть свободную и самостоятельную, власть высочайшую, выше которой признавалась только власть Бога Вседержителя, вручили ему власть отвѣтственную

только предъ Богомъ и царской совѣстью, власть, не имѣющую нужды занскивать въ комъ-либо для осуществленія интересовъ государственныхъ и народныхъ. Поэтому русскій народъ никогда не называлъ Михаила Ѳеодоровича Государемъ волею народа, а всегда величалъ его Богоизбраннымъ и Боговѣнчаннымъ Великимъ Государемъ, Царемъ и Самодержцемъ, Божіею милостію. И самъ Михаилъ Ѳеодоровичъ въ своихъ грамотахъ и на своихъ печатяхъ именовалъ себя точно такъ: «Божіею милостію Великій Государь и Царь Самодержецъ».

Наконецъ, что касается личности и характера правленія самодержавнаго основателя на Руси династіи Романовыхъ, то его смиренная фигура, конечно, не похожа на обычные типы основателей новыхъ династій, типы энергическихъ честолюбцевъ, не разбирающихъ средствъ для достиженія цѣлей; тѣмъ не меньше, въ этой простодушной, скромной юношеской фигурѣ Михаила Ѳеодоровича было много симпатичнаго для русскаго народа, особенно послѣ того, какъ онъ вдоволь насмотрѣлся на разныхъ безпокойныхъ и безпощадныхъ честолюбцевъ смутнаго времени. Эта фигура Михаила, съ ея яснымъ добродушнымъ выраженіемъ, производила успокоительное впечатлѣніе на современное общество и напоминала ему послѣдняго Рюриковича, Ѳеодора Ивановича, который оставилъ самую свѣтлую память въ народѣ и даже почитался имъ за святого человека. Личность царя Михаила какъ нельзя болѣе способствовала укрѣпленію его власти: мягкость, кротость, доброта, благоразуміе, набожность этого государя, особенно часто проявлявшаяся въ богомольныхъ поѣздкахъ по св. обителямъ и путешествіяхъ къ святынямъ, производили на народѣ самое выгодное для верховной власти впечатлѣніе, самымъ выгоднымъ образомъ представляли эту власть въ глазахъ народа: извѣстная доброта царя исключала мысль, чтобы какое-нибудь зло могло пронестись отъ него, и все, что не нравилось тому или другому, падало на отвѣтственность лицъ, посредствующихъ между верховною властію и народомъ. Избраніе Михаила Ѳеодоровича на царство было истинно-благодатнымъ даромъ Провидѣнія, ибо сосредоточеніемъ власти въ его лицѣ прекратились волненія, безначаліе, партіи примирились, самостоятельность Россіи послѣ бурной эпохи московской смуты утвердилась. Пламеннымъ желаніемъ царя Михаила было возвратить Россіи отторгнутыя сосѣдями области, хотя усилія его къ достиженію цѣли

и не были увѣнчаны успѣхомъ. Михаилъ Теодоровичъ былъ твердъ въ намѣреніяхъ, чрезвычайно дѣятеленъ и оказалъ большія услуги отечеству умнротвореніемъ и улучшеніемъ внутренняго устройства. Въ 16 лѣтъ возраста, возложивши на себя шапку и бармы Мономаха, царь Михаилъ вначалѣ, конечно, не обладалъ ни правительственной опытностію Бориса Годунова, ни волей и умомъ своего внука Петра I, между тѣмъ, московское государство получилъ въ полномъ разореніи. Принявши подъ свою державу государство и самую Москву, разрушенными почти до основанія, Михаилъ Теодоровичъ, совмѣстно съ опытнымъ въ управленіи своимъ родителемъ, патріархомъ Филаретомъ, какъ уже видѣли, ввелъ государство на свой историческій путь, въ колею твердаго государственнаго порядка, возстановилъ или вновь создалъ русское государство,

и за это принадлежитъ ему великая слава, и историки съ большимъ правомъ называютъ царя Михаила вторымъ основателемъ русскаго государства, а не одной только первопрестольной Москвы.

Съ чувствомъ самаго глубокаго уваженія мы должны относиться къ Михаилу Теодоровичу Романову, какъ родоначальнику одной изъ самыхъ могущественныхъ династій во всемирной исторіи, какъ основателю той національной династїи, которая довела Россію до теперешняго Императорскаго величія и могущества Самодержавіе перваго Царя Романова составляло импонирующую идею трехсотлѣтняго царствованія благочестивѣйшаго Дома Романовыхъ и въра въ могучую спасительную силу самодержавія проходитъ золотою нитью чрезъ всю исторію Русской Державы подъ скипетромъ царей нашего Августѣйшаго Дома.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ.

РИСУНКИ

ПРОФЕССОРА ИСТОРИЧЕСКОЙ ЖИВОПИСИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЪ

В. П. ВЕРЕЩАГИНА

СЪ ХАРАКТЕРИСТИКОЙ ЦАРСТВОВАНІА

ВСѢХЪ ГОСУДАРЕЙ

ДЕРЖАВНАГО
ДОМА РОМАНОВЫХЪ

Избранный земскими соборами, спасенный Сусаниными, Михаил Феодорович вступил на престол в 16^{ти} лет, своими заботами без освобождения государства от смуты внутренних и врагов внешних, оправдал возложенные на него надежды, опираясь во всем на мудрость родителей своего, Патриарха Филарета

Самодержец Царь Михаил Феодорович Романов.

1613—1645 г.

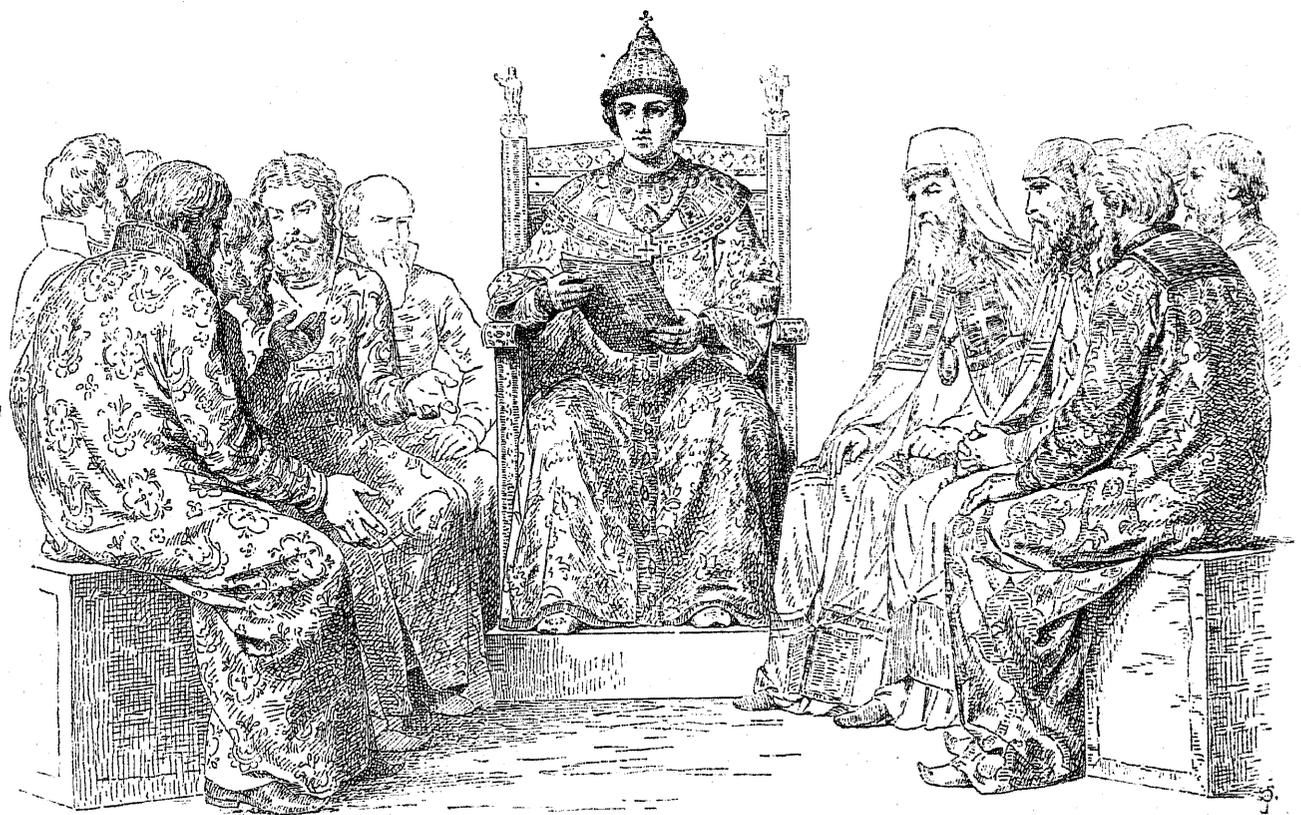
Царствованіє сына Михаїла Федоровича, Алексея Михаїловича, за кротость и доброту прозваннаго Тишайшиимъ
извѣстно изданіемъ Соборнаго Уложенія, исправленіемъ [заботами Патріарха Никона] церковныхъ книгъ и присоеди-
неніемъ, при посредствѣ Богдана Хмельницкаго, Малороссіи. Мягкая и добродушнаѧ природа
Самодержца привлекла обще къ нему
сочувствіе.

Самодержецъ Царь Алексѣй Михаїловичъ.

1645—1676г.

Сынъ Алексѣя Михайловича, Феодоръ Алексѣевичъ, воспитанникъ Симеона Полоцкаго, укрѣпилъ за Россіей Украину и Запорожье, основалъ первую Духовную Академію и уничтожилъ "богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество".

Самодержецъ Царь Феодоръ Алексѣевичъ.

1676—1682г.

При помощи стрельцов достигнута провоз-
глашеніа правительницей, за малолѣтствомъ
Іоанна и Петра Алексѣевичей, Софіи, сестра
Федора Алексѣевича, за свои честолю-
бивыя замыслы, возросшии изъ Петромъ
была заключена въ монастырь и
пострижена.

Въ бытность ея правительницей,
Польша просила у Россіи помощи
противъ Турціи и состоялся
миръ, по которому Кіевъ утвер-
жденъ за Москвою.

Цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи.
Правительница Софія Алексѣевна.

1682—1689г.

Одаренный необычайной любознательностью и гениальными способностями, "Отец Отечества", Петр I, основатель
С. Петербурга, творец русского флота, победитель Карла XII, проникнутый заботами о России, вносил безмерный
преобразовательный элемент в Россию из Европы, сам служил примером, он насадил на родной почве
знания, труд и промышленность, причем русских людей
действовать самостоятельно.

Императоръ Петръ I-й Великій.

1689—1725г.

Въ коротковременное царствованіе супруги
Петра Великаго, Екатерины I^е; приведена
въ исполненіе мысль Великаго
Преобразователя о
учрежденіи Академіи
Наукъ.

Императрица Екатерина I^а Алексеевна.

1725—1727г.

Бз царствованіє юнаго внѣка Петра I^{го}, Петра II
Алексѣевича, государственнымн дѣлами
заправляли: сперва Меншиковъ, а послѣ
паденія его - Долгорукій, ова дѣлавшіє
болѣе всего о достиженіи
честраженнѣхъ цѣлей.

Императоръ Петръ II^й Алексѣевичъ

1727—1730г.

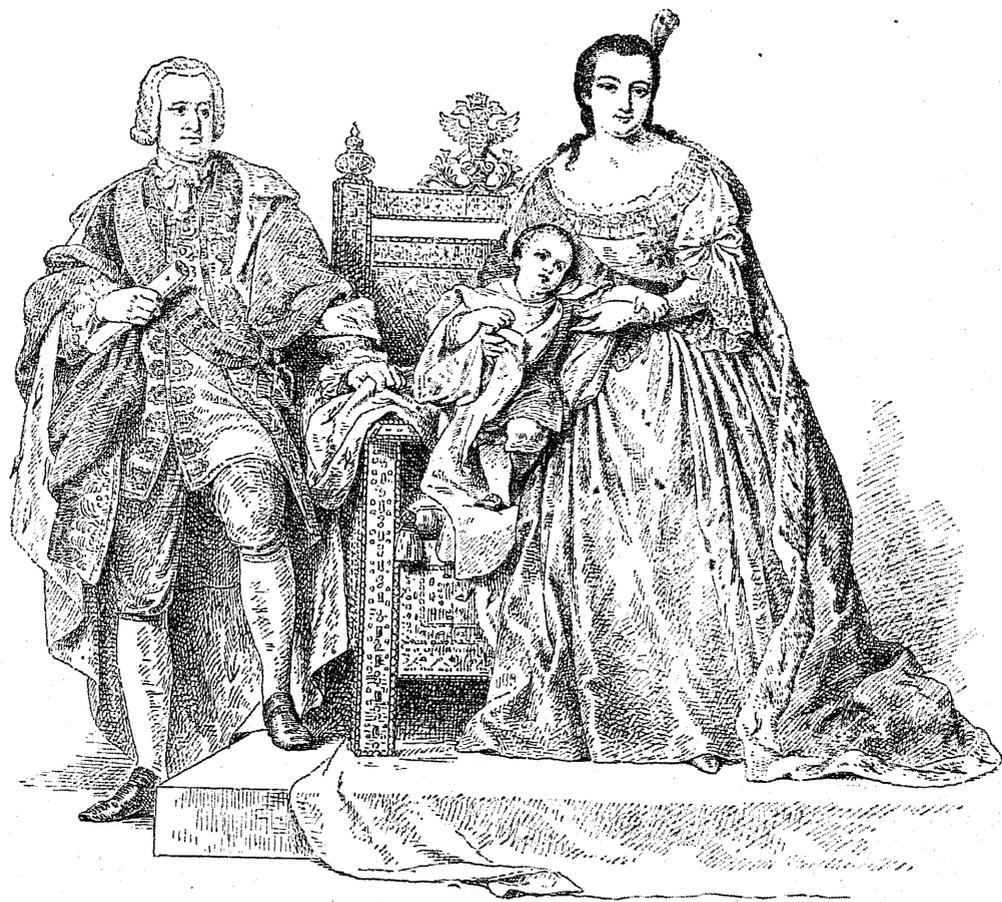
Дочь Иоанна Алексеевича, Анна Иоанновна, свое стремление къ полезной дѣятельности заявила уничтоженіемъ учрежденнаго Екатериною I Верховнаго Совѣта, основаніемъ въ Петербургѣ Кадетскаго корпуса и заботами о войскѣ. Но, съ другой стороны, ея царствованіе ознаменовалось возвышеніемъ иноземной партіи и соединено съ страшнымъ воспоминаніемъ о Бироновщинѣ.

Императрица Анна Иоанновна.

1730 — 1740 г.

Назначенный Анною Иоанновною быть до совершеннолетия Иоанна Антоновича регентом государства, Биронъ черезъ три недѣли былъ свергнутъ. Занявшая мѣсто правительницы, Анна Леопольдовна, своей безопасностью вызвала общее недовольство, дражна была уступить престолъ дочери Петра I, Елизаветѣ Петровнѣ.

Императоръ Іоаннъ Антоновичъ.

Правитель

1740—1741г.

Правительница

Герцогъ Эрнестъ Биронъ.

Принцесса Анна Леопольдовна.

Въ царствованіе Елизаветы Петровны кончилось нѣмецкое вѣжаніе и, какъ при Петрѣ I, выдвинулись на первый планъ русскіе люди: честный Разумовскій, русскій меценатъ Шуваловъ, Бестужевъ-Рюминъ; открыты Университетъ и Академія Художествъ, явился русскій театръ, получила развитіе русская литература; найденъ силъ въ Ломоносовѣ, учреждены банки, усилена торговля, расширены предѣлы Имперіи.
Пруссія въ войнѣ съ Россіей была на краю гибели.

Императрица Елизавета Петровна.

1741 — 1761 г.

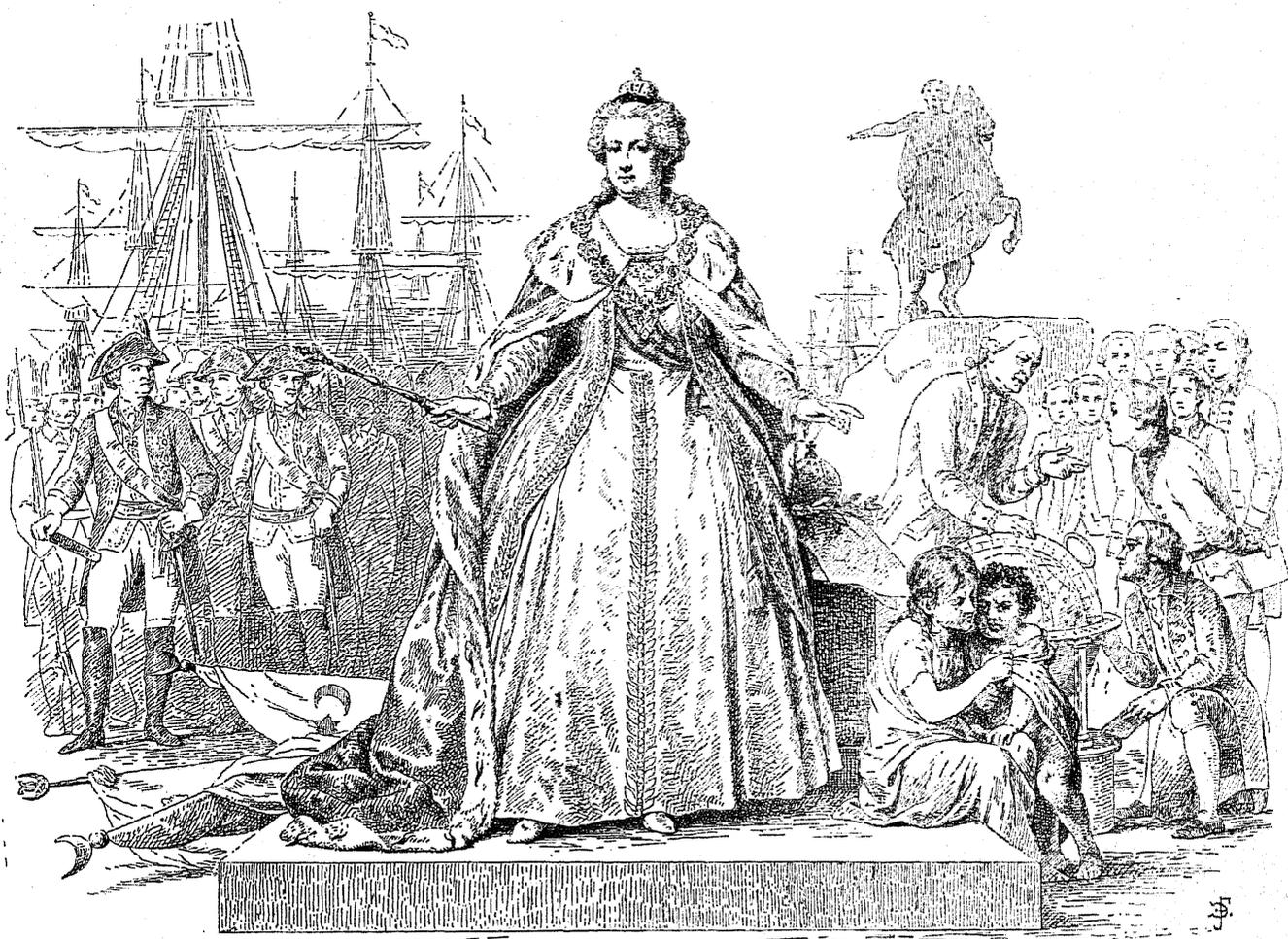
Въ недолгое царствованіе преемника Елизаветы Петровны,
Петра III, уничтожена ненавистная тайная канцелярія,
запрещено произносить страшное слово и дѣло и
прекращено жестокое преслѣдованіе раскольниковъ.
Начавшеся вновь явное предпочтеніе всему
нѣмецкому вызвало вступленіе на
престолъ сврѣги его,
Екатерины II.

Императоръ Петръ III Феодоровичъ.

1761 — 1762 г.

Всплѣтамъ Державинымъ, прославившамся "Наказомъ", Екатерина II представляется изумительный примеръ неутомимой дѣятельности. Въ ея царствованіе Потемкинымъ присоединены Крымъ, островъ Новороссій, основанъ Черноморскій флотъ; Румянцевъ, Суворовъ, Орловъ прославили Россію побѣдами, по мысли Бецкаго открыты Воспитательные Дома. Высочайшепросвѣщенная Императрица покровительствовала наукамъ и литераторѣмъ.

Императрица Екатерина II Александровна Великая.

1762 — 1796г.

Павел I^е Петровичъ, сынъ Петра III^а, вступивъ на престолъ, проявилъ заботливость о государственныхъ делахъ: вводилъ строгую военную дисциплину, положилъ начало ограниченію помещичьей власти, способствовалъ при содѣйствіи Митрополита Платона, присоединенію старообрядцевъ къ единовѣрью, основалъ Дерптскій университетъ и черезъ среди приготовленій къ войнѣ съ Англіей Суворовъ совершилъ знаменитый итальянскій походъ.

Императоръ Павелъ I Петровичъ.

1796—1801г.

Любимый внук Екатерины II (воспитанник Лаварпа), привлекший к себе всею добротой, Александр I в начале царствования был озвучен планами разных преобразований, потому вынужденный вступить в тяжелую борьбу с Наполеоном I и его искусными полководцами: Кутузово, Барклай-де-Толли, спас не только Россию, но и «Благотетель» Европы.

Императоръ Александръ I Павловичъ.
Благословенный.
1801—1825 г.

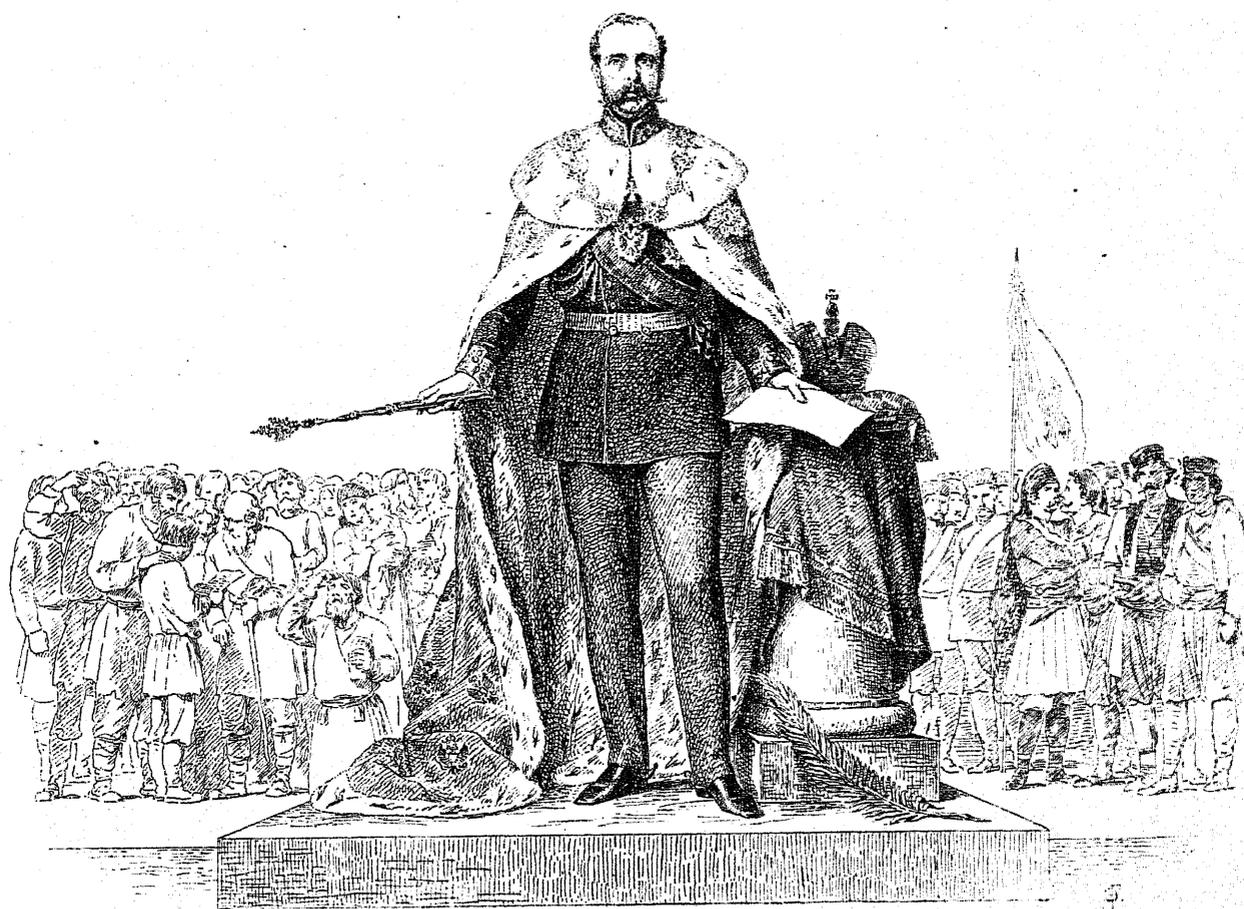
Обладая сильной волей и заботясь о благоденствии России, Николай I, брат Александра Благословенного, державший внутреннюю охранительную политику и давший России „Полное Собрание Законов“ и „Свод Законов“ [труды Сперанского], вел почти постоянную войну, из которых последняя Крымская, прославила русское войско геройской защитой Севастополя.
Его времени принадлежат: Пушкин, Лермонтов,
Грибоедов, Гоголь, Крылов.

Императоръ Николай I Павловичъ.

1825—1855гг.

Александр II, воспитанный поэта Жуковского, известен своими благотворными для русского народа: освобождением крестьян от рабства, делом скорый, правый, милостивый и для всех равный, гласный суд, земские учреждения и Городовое Положение, отменное тяжёлым наказанием. Покорение Кавказа, Туркестана и освобождение Балканских славян — слабые страницы истории царствования этого Государя — Благотворца и Живчика.

Императоръ Александръ II Николаевичъ.
Царь Освободитель.
1855 — 1881 г.

Императоръ Александръ III
Александровичъ изъ тринадцати
лѣтъ своего царствованія сдѣлалъ
эпоху неслыханнаго благоде-
ствія и славы Россіи. Вся Европа
признала его величайшимъ
монархомъ своего вре-
мени и оплакала его
кончину какъ самоде-
ржавнаго хранителя
всего мира.

Высокій подъемъ русскаго само созна-
нія, объединеніе государства, пост-
ройка великаго железнодорож-
наго пути черезъ всю Сибирь,
союзъ съ Франціей, учрежденіе
Министерства земледѣлія и
цѣлый рядъ преобразова-
ній во внутреннихъ
государственныхъ уп-
равленіи - вотъ дѣла
монарха названнаго
Миротворцемъ.

Императоръ
Александръ III Александровичъ
Царь Миротворецъ
1881 - 1894 г